

В.А. РУДНЕВ

СЛОВО О КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ

В.А. РУДНЕВ

СЛОВО О КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ

«Советская Россия»
1989

Художник
В. И. Харламов

Руднев В. А.
P83 Слово о князе Владимире.— М.: Сов. Россия,
1989.— 240 с., 8 л. ил.

Глубокий след оставил в истории Руси киевский князь Владимир Свято-славич. Историки связывают с его именем объединение восточнославянских племен в единое государство, возвышение и расцвет Киевской Руси, укрепление ее международного авторитета, проведение важных социальных преобразований. Известен он и как Владимир Святой, «равноапостольный» и как инициатор крещения Руси. В то же время это личность эпическая, былинная — Владимир Красное Солнышко, живший в легендарные героические времена русских богатырей Илья Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича. Так каким же он был в действительности? На этот непростой вопрос и пытается дать ответ автор книги.

Р 0503020200—080 КБ 55—5—88 г.
М-105(03)89

9(C)1

ISBN 5—268—00031—4

© Издательство «Советская Россия», 1989 г.

ОТ АВТОРА

Всякий раз, обращаясь к чтению романов, исторических хроник или летописей, повествующих о Руси времен тысячелетней давности, мы как бы становимся свидетелями далеких событий, пытаемся осмыслить, насколько они были важны для той эпохи и какое оказали влияние на все последующее развитие нашего государства. Прошлое постоянно присутствует рядом. Оно запечатлелось в архитектуре древних русских городов, исторических памятниках, названиях местностей, народных обычаях, в речи. И чем шире и глубже наши представления о нем, тем выше наш культурный уровень и интеллигентность, тем человечнее мы сами, тем большую пользу сможем принести Отечеству, в какой бы области ни трудились. Познавая историю страны, мы не только приобщаемся к культуре своего народа, но наследуем лучшие ее традиции, опираемся на них в своей созидательной деятельности на благо общества.

Наше культурно-историческое наследие — бесценное богатство, и потому всегда полезно заглянуть в его истоки, в его живые родники, питающие великую реку народной жизни. В этой связи X век русской истории, и в частности время правления киевского князя Владимира Святославича, представляется наиболее важным и интересным для понимания того, как образовалась русская государственность, на какой этнической почве она развивалась, что за люди стояли у ее начал и каково их значение для всей отечественной истории.

Время княжения Владимира примечательно еще и тем, что это были годы наивысшего подъема Киевской Руси. В этот чрезвычайно бурный период ее истории формировалось русское феодальное общество, строилось множество городов и крепостей, создавались новые виды войска, вырабатывалась новая военная стратегия и тактика. Одновременно проводились религиозные реформы, логическим следствием которых явилось учреждение русской православной церкви, сыгравшей столь важную роль в развитии русского феодализма.

Наконец, огромный интерес вызывает и сам Владимир Святославич, неординарная личность которого так долго заслонялась созданным ему иконописным образом «святого» и «равноапостольного». А ведь если обратиться к летописям, то перед нами предстанет во всем своем величии подлинное лицо киевского князя — религиозного реформатора, полководца, дипломата, выдающегося государственного деятеля, который сумел в течение одного лишь десятилетия закончить объединение славянских племен и земель вокруг Киева на огромном пространстве от Одера до Волги, от Белого моря до Черноморского побережья и тем самым завершить создание единого первого Русского государства, превосходящего по своей территории и Византийскую империю, и империю Карла Великого.

Наше внимание не могло не привлечь и то, что Владимир Святославич стоит особняком среди всех киевских князей как былинный герой, как Владимир Красное Солнышко. В его образе ярко отразились черты народного вождя свободных общинников дохристианского периода, целиком пребывающего в своем «золотом славянском веке», черты истинного представителя восточных славян, которому опять же ни в коей мере не соответствует традиционный лик «святого» и «равноапостольного» князя.

Выделяя князя Владимира из плеяды крупных поли-

тических фигур того времени, таких, как Олег, Свято-слав, Ольга, Ярослав Мудрый и Владимир Мономах, мы акцентируем внимание именно на том переходном периоде Руси, когда языческая культура объединяемых восточных славян достигла своего расцвета. Этот расцвет был обусловлен их все более растущими экономическими и торговыми связями со странами Европы и Азии, чему способствовала и сложившаяся к тому моменту политическая система военной демократии, оказавшая благотворное влияние на развитие самобытной русской культуры, ее народного эпоса и литературы.

Работая над книгой, мы стремились в популярном изложении дать жизнеописание Владимира Святославича, рассказать о фактах личной жизни как самого князя, так и его многочисленного семейства в их драматических началах и последствиях, что характерно для обычных человеческих судеб. При этом использовали в первую очередь русские летописи и труды наших выдающихся историков, таких, как Б. Д. Греков, В. В. Мавродин, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков и других, лишь в отдельных случаях прибегая к произведениям художественной литературы в целях создания реалистической, правдивой исторической картины, максимального приближения в описании событий к действительности.

Наиболее объективным литературным источником, повествующим о том времени, когда язычество уступило место христианству в Киевской Руси, остается и поныне «Повесть временных лет». Обращаясь к ней, мы не могли ограничиться лишь ее пересказом, а попытались по-новому взглянуть на все происходившее с позиций современной исторической науки, уделяя главное внимание так называемому крещению Руси, тысячелетний юбилей которого русская православная церковь отмечала в 1988 году.

Открытие и обнародование русских летописцев в начале

XIX века явилось для церкви истинным «наваждением», так как они вступали в противоречие с церковной трактовкой событий истории и деяний выдающихся личностей, представляя все в истинном свете, тем самым лишая исторических героев нимбов «святых». По этой причине известный церковный историк Е. Голубинский называл «Повесть временных лет» «выдумкой, с которой науке пора расстаться». Однако ни паука, ни литература не могут расстаться с нашими летописями, ибо они — единственные в своем роде и уникальные русские древние хроники и их следует рассматривать, по выражению Д. С. Лихачева, как «открытую границу», переступив которую мы попадаем в далекое прошлое, узнаем много нового, доселе нам неведомого. Их также можно уподобить открытой двери в нашу историю.

Литература о князе Владимире Святославиче оказалась довольно обширной, даже более обширной, чем та, что относится к таким крупным историческим фигурам, как Ярослав Мудрый, Владимир Мономах и Юрий Долгорукий, о которых широкий читатель знает меньше, чем об их общем предке — Владимире. Все этапы и события его жизни обозначились ярко и выпукло, стали хрестоматийными, отразились в русских былинах, в песенном эпосе. Помимо того, что о нем рассказывают наши летописи, ему посвящены и другие памятники древнерусской литературы, как, например, «Память и похвала русскому князю Владимиру» Иакова Мниха, «Слово о законе и благодати и похвала кагану нашему Владимиру» митрополита Илариона, а также жития Владимира — «Обычное», «Проложное», «Особого состава», «Слово о том, как крестился Владимир возмзя Корсунь».

Не менее ценными источниками о времени Владимира являются и труды византийских хронистов: Яхьи (Евтихия) Александрийского, Кедрина, Зонары и Михаила Пселла. Благодаря им стало возможным установить более

точную датировку событий, происходивших в период принятия христианства: с момента, предшествующего корсуньскому походу, и до заключения соглашения об установлении церковной христианской митрополии Византии на Руси. В наших летописях датировка этих, как и многих иных, событий была не точной, а приблизительной, так как основывалась на преданиях, и, кроме того, летоисчисление велось от «сотворения мира», что создает для исследователя массу неудобств. Византийское же летоисчисление велось по календам, то есть по годам жизни императоров, и по Юлианскому календарю, который был введен в России лишь при Петре I.

В предлагаемых вниманию читателя очерках автор не ставил перед собой цель глубокого научного исследования исторических событий тысячелетней давности, а лишь предпринял попытку взглянуть на них по-новому, дать обобщенное представление о важнейших аспектах становления и развития русской государственности, о процессах развития русской этнокультуры в период феодализации и христианизации русского общества, сосредоточив внимание на жизни и деятельности главного исторического героя — киевского князя Владимира Святославича.

К ЧИТАТЕЛЮ

Приглашаем вас в Киев.

Конечно, и в других наших древних городах есть что посмотреть, но история Древней Руси начинается именно с Киева — «матери» городов русских и всей Русской земли. Попав сюда, вы ощутите дыхание древности, будете очарованы величием исторических памятников и святынь, почерпнете много полезного и для ума, и для сердца, откроете для себя нечто новое.

Древний и вечно молодой Киев! Он поразительно гармонирует с окружающей природой, разместившись на крутых высотах, на границе степных просторов, называемых Диким Полем. По этим просторам со времен скифов и сарматов проходило множество кочевых орд, потому Поднепровская Русь и поставила здесь в конце V или начале VI столетия свою главную «богатырскую заставу», назвав ее Киевом в честь основателя града сего — Кия. Отсюда прокладывались великие водные пути «к варягам», «в греки», ко всем славянским, балтийским и финским племенам великого русского междуречья, а также к балтийскому Поморью и к Белозерью.

Широко и привольно по обоим берегам Днепра раскинулся белокаменный Киев. Отовсюду на подступах к нему открывается сказочная панорама киевских высот, покрытых кудрявой зеленью парков и садов, над которыми возвышаются золотые купола древних церквей и соборов,

современные архитектурные ансамбли и монументы. Справа и слева к Днепру спускаются широкие ленты дорог, ведущих в Дарницу, на Подол и в Борисполь. А от речного вокзала то и дело отчаливают и уходят за горизонт белобокие теплоходы, направляясь в Гомель, Чернигов, Любеч, Смоленск, Полоцк, Псков, Новгород, Москву и многие другие достославные русские города.

На Старокиевской горе, где тысячу лет назад располагался «город Владимира», ныне находятся Андреевская церковь, построенная архитектором Бартоломео Растрелли, и Исторический музей УССР. От самого «города Владимира» здесь не сохранилось ничего, о нем напоминает лишь выложенный из кирпича-плинфы план-фундамент когда-то стоявшей на этом месте Десятинной церкви. Южнее вы увидите эллипсовидную площадку, на которой при Владимире размещались языческий идол — бог Перун и требище (жертвенник, место принесения жертв богам) для жертвоприношений. Здесь же находились каменные княжеские терема, крепостные стены и городские ворота, а также городской торг, называвшийся в те времена «Бабиным торжком». А вот и знаменитый Боричев взвоз — крутой спуск к Подолу, именуемый ныне Андреевским. По нему вы можете спуститься к Днепру и прогуляться по улицам и площадям Подола, представив себе, как по этой крутизне ходили древние киевляне, дружины пешие и конные во главе с их князьями, заморские гости (купцы) и посланники («слы»), издалека приплывавшие в Киев на своих кораблях. Отсюда же удобно обозревать всю грандиозную панораму киевских гор: Замковую гору (Кисилевку), Копырев конец, Щековицу, Хореву и Дорогожичи. На юго-западной окраине древнего Киева располагалось село Угорское (здесь ныне размещается Арсенал), еще далее — село Берестово, где стоял княжеский замок Владимира, и, наконец, — Киево-Печерский монастырь, кото-

рый с 1926 года является историко-культурным заповедником.

Прежде чем покинуть «город Владимира», вы обратите внимание на скульптурную композицию, посвященную 1500-летию основания Киева, отмечаемому в 1982 году. Эта композиция стала памятным знаком древнего города, хотя не всякий увидевший ее сможет правильно объяснить заложенный в ней смысл. Но вы-то, любознательный читатель, догадываетесь, конечно, что перед вами художественное, образное воплощение основателей Киева — Кия, его братьев Щека и Хорива и сестры их Лыбеди. Стройная и легкая, словно белая лебедушка, стоящая на носу корабля с поднятыми к небу руками Лыбедь вся устремлена вперед, а рядом с ней плечом к плечу стоят ее статные доблестные братья, готовые отразить нападение врагов. Вот уже Кий натянул тетиву своего лука и пустил разящую стрелу в стан противника. Имена братьев и их сестры, запечатленные в названии самого Киева, упомянутых нами киевских гор и реки Лыбеди отсылают нас к тому времени, когда здесь существовали небольшие древнеславянские поселения, когда только начинался процесс объединения славянских племен в племенные союзы, когда зарождалась наша государственность. А образ юной лебедушки Лыбеди — это символ «матери городов русских».

Вглядываясь с вершины Старокиевской горы в днепровские дали, мы невольно проникаемся думой о далеком прошлом нашей Родины и словно бы слышим обращенную к нам певучую речь древнерусского сказителя: «О, светло светлая земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверьми, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селеньями славными...»

И невольно в памяти всплывают перекликающиеся с вдохновенной речью древнего барда строки, написанные нашим известным художником Н. К. Рерихом:

«...Точно неотпитая чаша, стоит Русь... Причудны леса всякими деревьями. Цветочные травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала озер. Бугры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменные... Камни стадами навалены. Всяких отливов. Мшистые ковры богато накинуты. Белые с зеленым, лиловые, красные, оранжевые, синие, черные с желтым... Любой выбирай, все нетронуто. Ждет...»

Такой видели тогда свою землю наши предки — славяне, древние русичи, такой представляем ее себе и мы, их потомки — жители XX века.

Не менее сильные впечатления ожидают нас и в «городе Ярослава», сохранившем архитектурные памятники XI столетия и среди них всемирно известную Софию Киевскую вместе с Золотыми воротами, которые разместились на перекрестке улиц Владимирской, Золотовратской и Ярославова вала. Золотые купола Софии вы увидите, выйдя из «города Владимира» на Владимирскую улицу, а вся ее грандиозная панорама откроется вам на просторной площади Богдана Хмельницкого. В центре площади возвышается монумент Богдану Хмельницкому: гетман на мгновение осадил своего разгоряченного коня и простер руку с булавой к Москве, к русскому народу-брату. Памятник был создан в 80-х годах XIX века нашим знаменитым скульптором Михаилом Микешиным, автором памятников 1000-летия России в Новгороде и Екатерине II в Петербурге.

А теперь поспешим в Софийский исторический заповедник, где кроме собора, сооруженного при Ярославе Мудром, вы увидите звонницу, колокольню, митрополичьи палаты, трапезную, братский корпус и другие здания. Софийский собор отреставрирован заново и производит

неизгладимое впечатление настоящего шедевра древнерусского зодчества. Ярослав Мудрый задумал построить его на свой манер как административно-политический центр своей столицы, как главный митрополичий храм и не стремился повторить Софию Константинопольскую. В нем происходили церемонии «посаждения» послов, созывались веча киевские, велось летописание, собиралась Ярославом Мудрым первая в Древней Руси библиотека. Непосредственным творцом этого храма являлся сам Ярослав. К сожалению, время и войны не пощадили его. Из 640 квадратных метров мозаик уцелело лишь 260. И все же мы можем лицезреть в своде главного купола Христа Вседержителя, а в центральной апсиде — богоматерь Оранту (покровительницу). Ниже Оранты изображена многофигурная композиция «Евхаристия».

Помимо мозаик сохранилось около трех тысяч квадратных метров фресок, на одной из них мы увидим групповой портрет семьи Ярослава Мудрого. На другой — Ярослав с макетом своего собора в руке и княгиня Ирина шествуют к Христу, рядом с которым их ожидают княгиня Ольга и князь Владимир. В храме находится и саркофаг Ярослава Мудрого. Здесь же были похоронены Всеволод Ярославич, Ростислав Всеволодович и Владимир Мономах. Их саркофаги не сохранились.

Кроме того, в Софийском соборе имеются весьма любопытные фрески по обеим сторонам спиральных лестниц, ведущих на хоры. Их редко показывают посетителям, так как боковые галереи, откуда начинаются лестницы, заняты под служебные помещения. Удивляет то, что тематика этих фресок вроде бы не согласуется с общим содержанием храмовых росписей и мозаик. Действительно, там изображены сцены охоты на диких зверей, скачки, скomorошьи пляски, циркачи и музыканты, а на самом верху — константинопольский цирк, в царской ложе которого находится византийский император Константин Багряно-

родный (X в.) и рядом с ним восседает киевская княгиня Ольга. И оба смотрят цирковое представление — зрелище, объявленное православной христианской церковью «бесовским».

На сей счет многими историками и искусствоведами строились разного рода догадки, сводившиеся к тому, что киевские живописцы, оставаясь язычниками, отдали здесь дань языческой Руси и ее прошлому, запечатлев серию картин из жизни славянских племен. Если же повнимательнее присмотреться, то мы обнаружим два параллельных ряда последовательного изображения сцен: у русских охота на медведя, кабана и куницу, а у греков — на льва, гепарда, леопарда; с одной стороны — русские зимние скачки, с другой — византийские; вот русские скomorохи, ловкачи и музыканты, играющие на рожках, гусях и бубнах, а рядом — греческие циркачи и музыканты с трубами и скрипками. И все это предваряет сцену встречи княгини Ольги и императора Константина Багрянородного, происходившей в 955 году (по византийским источникам — в 957 г.).

Разгадку этого древнего «ребуса» мог бы лучше всего нам объяснить сам Ярослав Мудрый, если бы мы могли услышать под сводами собора его голос. Не исключено, что в этом случае он бы заявил следующее: «Да, это я задумал построить Софию Киевскую, чтобы более не обращаться к Софии Константинопольской. А эти росписи должны рассказывать ныне сущим и грядущим, что Русь Киевская и ее церковь становились и развивались своим собственным путем, независимо от империи и ныне равны с ней, что Византия тоже была некогда языческой и потому всякое посягательство на права или свободы русского государства не может быть допустимо, как о том было сказано еще княгиней Ольгой самому императору Константину Багрянородному во время их переговоров в Константинополе, где она восседала рядом с ним как равная, равновеликая».

Думается, такое объяснение не лишено смысла, ибо то, что дошло до нас, следует рассматривать не только как памятник далекого прошлого, но и как выражение идеологии и философии его создателей. И, войдя в «открытую дверь» нашей истории, мы не раз убедимся в правомерности подобного подхода.

Здесь, в «городе Ярослава», вас ожидает еще одна, не менее завораживающая встреча с историческим прошлым, если, покинув Софийский заповедник, вы направитесь к валу Ярослава по Владимирской улице. Взору предстанут во всей своей первозданной красоте и величии Золотые ворота, возведенные заново несколько лет назад над их древними руинами по плану-реконструкции киевского историка-археолога С. А. Высоцкого.

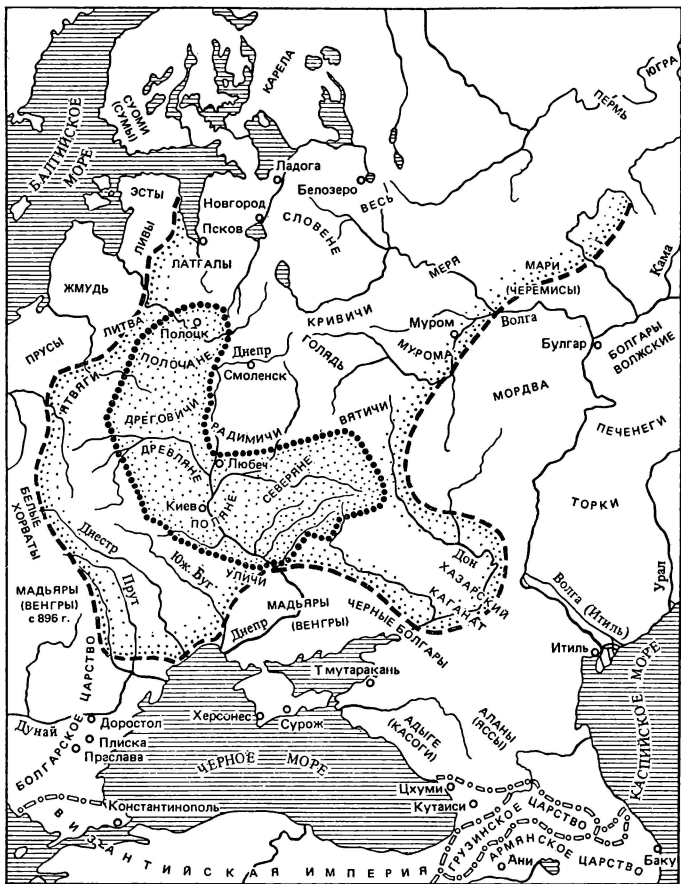
По замыслу Ярослава Мудрого, Золотые ворота должны были стать главным триумфальным въездом в его новую столицу, символом «русского Царьграда» (Царьградом на Руси называли Константинополь), подобно Золотым воротам Константинополя, символизовавшим могущество Византийской империи. Трудно поверить, что еще совсем недавно здесь находились жалкие останки былой древней красоты, которые время грозило навсегда стереть с лица земли. Теперь они вросли в тело нового сооружения и их можно осмотреть, прикоснуться к ним руками, войдя вовнутрь.

Нужно ли было воссоздавать Золотые ворота заново? Этот вопрос являлся предметом долгих размышлений и дискуссий, пока не приняли решение об их строительстве. А теперь стало очевидным: да, нужно! Нас поражает не только их сказочная, богатырская красота, но и органическая ансамблевая связь и с Софией Киевской, и со всем великолепием этой части Киева. Это есть ответ и на вопрос о целесообразности повсеместного воссоздания памятников истории и героической славы нашего народа. Чем больше их появится в наших городах и землях, тем

будут выше наша культура и крепче наша любовь к Отчизне. При этом в первую очередь сохранять и восстанавливать следует то, что создает характер и лицо каждого города, отражает его героическую летопись, как, например, Золотые ворота «города Владимира», кремлевские комплексы Москвы, Новгорода, Смоленска, Нижнего Новгорода, Ростова Великого.

Постоянно соприкасаясь с памятниками прошлого, мы проникаемся ощущением и сознанием своей личной сопричастности непрерывному историческому процессу, к жизни и деятельности народа, творившего нашу историю и в какой-то мере предопределившего настоящее, а следовательно, и будущее нашего Отечества. Вместе с тем мы обретаем и собственное суждение об историческом прошлом своего народа, о его выдающихся представителях, которым было многое дано, но зато и спрос с них был большой. И каждый из нас, предъявляя свой счет истории, отдает дань уважения истинно великим делам и свершениям славных предков.

Существует древний русский обычай: прежде чем отправиться в дальнюю дорогу, необходимо присесть на минутку вместе со всеми близкими на домашние скамьи. А уж потом, поклонившись дому своему и предкам своим, можно уверенно шагать вперед. Давайте и мы присядем ненадолго, сосредоточимся и сделаем первый шаг в «открытую дверь» нашей истории...

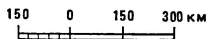

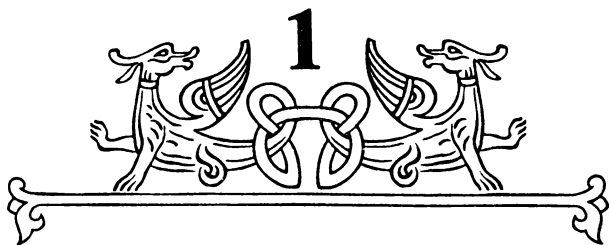
КИЕВСКАЯ РУСЬ

Киевская Русь X—XI в.

Ядро Киевской Руси IX в.

Обращаясь к летописям

Удивительно яркие и разнообразные мысли и впечатления возникают при чтении «Повести временных лет» или иного летописного свода. Объясняется это тем, что в них включен многослойный и разнохарактерный литературный материал: устные предания и легенды, византийские и болгарские хроники, библейские сказания и различные факты и события мировой истории. В них слышится то певучая речь сказителя — потомка легендарного Бояна, то тихий бесстрастный голос монаха-летописца, то страстная речь проповедника, обличающего язычество или греховность сильных мира сего, то властные поучения киевских князей. Нас поражает и восхищает запечатленная в этих бесценных творениях могучая сила духа далеких предков-славян, заложивших фундамент нашей государственности и культуры. Удивляет и то, как много слов, речевых оборотов и образов, употреблявшихся тысячу лет назад, сохранилось в современном русском языке и фольклоре.

Особый интерес представляют в летописях не только писательские размышления, толкования или ремарки, но редакционные переделки или даже преднамеренные искажения текста, заставляющие постоянно работать как исто-

риков, так и текстологов над тем, чтобы отделить правду от вымысла, или выяснить причины замалчивания исторических фактов или событий. Именно это приводит подчас драматургов и режиссеров-постановщиков киносериалов о Древней Руси к неудачам, отступлениям от исторической правды, которая заслоняется расплывчатыми образами или нелепыми домыслами, базирующимися на современных представлениях о жизни.

Такие неудачи происходят из непонимания простой истины, что и тысячу, и сто лет назад люди жили иначе, чем мы, иначе думали, говорили, пели, праздновали. Поэтому исказить историческую правду совершенно недопустимо, так же как недопустимо исполнять русские народные песни в ритмах и звуках тяжелого рока или ставить пьесы А. Н. Островского в форме музыкально-эстрадных комиксов, шоу-ревю. Ведь всякая новация в искусстве должна не паразитировать на культуре прошлого, а исходить из нее. Это великое наше достояние мы призваны охранять и беречь не менее ревностно, чем матушку-природу. Примером удачного подхода к отечественной истории может служить кинофильм «Александр Невский», созданный великим мастером кинематографа С. Эйзенштейном и композитором С. Прокофьевым. Каждый кадр или звук этого фильма соотнобразуется со временем его героев и потому так глубоко западает в сердце и память.

Русское летописание охватывает период всего русского средневековья. Наиболее древними являются Лаврентьевская, Ипатьевская и Радзивилловская летописи. В основу их положена «Повесть временных лет», оригинал которой не сохранился, но, возможно, когда-нибудь все же будет найден. Помимо нее в эти летописные своды вошли извлечения из многих городских летописей, что привело к различного рода наслоениям, нарушившим хронологическую последовательность и объективность содержащихся в них материалов. Само изучение русских летописей создало

целое направление в отечественной исторической науке, к которому принадлежит плеяда крупных ученых, таких, как А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков и др.

Зарождению летописания на Руси способствовало появление здесь в начале X века славянской письменности, о существовании которой свидетельствуют договоры Олега и Игоря с Византийской империей и другие документы того времени. На службе у киевских князей состояли люди, хорошо знавшие языки и письмо не только греческое и латинское, но и славянское, выполнявшие роль и толмачей (переводчиков), и хранителей княжеских архивов. От случая к случаю они вели запись наиболее важных событий. Немалый рукописный материал накапливался и в православных церквях, а после введения христианства на Руси летописанием стали заниматься в основном церковные и монастырские писатели, которые одновременно выступали и в роли собирателей разнообразного хронологического материала, а также устных преданий.

Монахи-паломники к этому времени успели познакомиться не только с болгарскими, но и с византийскими хрониками Георгия Амартола и Иоанна Малалы, в которых содержались сведения об истории античного мира.

Инициатором создания летописей как особой формы литературного творчества и основоположником систематического летописания является Ярослав Мудрый, который организовал это дело при Софийском соборе. Впоследствии оно сосредоточилось при Киево-Печерском монастыре, где и была написана около 1113 года монахом Нестором «По-весть временных лет».

Она создавалась летописцами на протяжении нескольких поколений. Есть основания считать, что первым ее составителем явился монах Киево-Печерского монастыря, выдающийся писатель и общественный деятель второй

половины XI столетия, названный современниками Никоном Великим. Неоднократно изгоняемый киевскими князьями из Киева, Никон путешествует по русским городам Приднепровья и Приазовья, собирая письменный и изустный материал об истории славян и Киевской Руси, «неустанно сидяща и делающа книги».

После смерти Никона летописанием занялся игумен того же монастыря Иван, выступавший с гневным осуждением раздоров между внуками Ярослава, обличавший их неспособность оборонять Русь от врагов, их ненасытную жадность и обусловленную ею политику увеличения налогов, вызвавших «глад крепок и скудость великую в Русской земле». За это Ивана заточили в темницу в городе Турове, откуда его вызволил Владимир Мономах. Составление нового свода было поручено от имени киевского князя монаху Киево-Печерского монастыря Нестору, и с этого времени летопись приобретает значение государственного документа, а сам свод получает название «Повести временных лет». Нестор продолжил летопись до 1110 года и в значительной степени расширил прежние своды за счет богатого разнообразного материала из русских, славянских и византийских источников, критически им переосмысленных и обобщенных.

Такой грандиозный по тем временам труд мог сотворить только всесторонне образованный и литературно высокоодаренный человек, хорошо знающий языки и зарубежные хроники, а также историю восточных славян и их место в общеевропейском процессе развития. Автор выступает и как выдающийся этнограф и географ, нарисовав картину расселения славянских племен и сопредельных народов.

«Повесть временных лет» читается как увлекательный и в то же время наполненный глубоким философским смыслом рассказ о Древней Руси. Летописью восторгалось, ее изучало все культурное общество России

XVIII—XIX веков, положив гениальное произведение древнерусского писателя в основу обучения и воспитания своих детей. Да и в наше время нельзя считать себя образованным и интеллигентным в полной мере, не усвоив этого шедевра. Без знания его будет неполным представление об истории и культуре Руси, героическом прошлом ее народа, его эпосе и искусстве.

На протяжении многих веков летописи не издавались и были похоронены в монастырских или библиотечных архивах, поэтому их открытие и опубликование в середине XVIII столетия явилось важнейшей вехой возрождения русской исторической науки и культуры. Первооткрывателем в этой области стал Петр I. Посетив в 1716 году Кенигсберг, он заглянул и в городскую библиотеку. При знакомстве с древними рукописями его внимание привлек фолиант на недоступном немцам языке. И каково же было удивление присутствующих, когда русский царь принялся бойко читать и тут же переводить начальные строки текста. Как выяснилось впоследствии, это была одна из редакций «Повести временных лет», написанная в Смоленске в XV веке, откуда ее вывез польский магнат Радзивил (отсюда и название летописи — Радзивилловская). Еще позже рукопись перекочевала в Кенигсберг.

Петр I мгновенно оценил всю важность своей находки для изучения русской истории и распорядился снять с нее копию с «картинками» для библиотеки Российской Академии наук.

В 1758 году, во время Семилетней войны, когда русская армия заняла Пруссию и Берлин, Российская Академия наук затребовала кенигсбергскую летопись. Возвращенная восвояси, она была впервые издана в 1767 году. И хотя издание грешило недостатками, оно позволило ознакомить русских литераторов и ученых с древним летописанием и во многом обусловило появление исторических трудов выдающихся русских историков XVIII—

XIX веков — В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и др.

Наиболее древний список «Повести временных лет», включенный в так называемую Лаврентьевскую летопись, был обнаружен графом А. И. Мусиным-Пушкиным совершенно случайно, как и найденная им рукопись «Слова о полку Игореве». Как-то он узнал о том, что возле одной книжной лавки в Петербурге стоят возы с библиотекой историка петровских времен Петра Крекшина, внук и наследник которого решил распродать задешево собранные его дедом рукописные книги, не видя в них для себя никакой пользы. Мусин-Пушкин тотчас же закупил все возы бумаг и, когда принялся их разбирать, обнаружил довольно объемистую рукопись на пергамене — особым способом выделанной коже, служившей в древности для письма.

Книга получила название Лаврентьевской летописи — по имени автора монаха Лаврентия, составившего ее в 1337 году. Она начиналась «Повестью временных лет» и заканчивалась «Поучением Владимира Мономаха».

Узнав об этой находке, представители европейских держав пытались во что бы то ни стало купить ее. Английский посол Дуглас давал за нее сначала 1000 червонцев, а получив отказ, предлагал любую цену. Опасаясь за сохранность древнего памятника письменности, Мусин-Пушкин передал его в дар государству в лице Александра I, а тот поместил рукопись на хранение в Публичную библиотеку (ныне Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина), где она находится и по сей день.

Несколько позже Н. М. Карамзиным была найдена еще одна летопись, получившая название Ипатьевской, так как находилась в Ипатьевском монастыре. Ее создание относится к XV веку.

Русское летописание велось на протяжении пяти столе-

тий, а сами летописи подвергались многократным редакциям и переделкам соответственно идейным и политическим взглядам и установкам тех князей, которые желали обосновать свои особые права на наследование власти в Киевской Руси. Отсюда произошли разного рода искажения и оригинального текста «Повести временных лет», приведшие к различным трактовкам начального периода истории Киевской Руси.

Если летописец Нестор начал русской государственности вел со времен основателя Киева — Кия, то есть с V века, то авторы новгородских летописей ведут ее с IX века от так называемого «призвания варягов», от легендарного Рюрика и его «братьев» — Синеуса и Трувора. На этой основе в исторической науке возникло особое направление, сторонники которого выдвинули норманнскую теорию — она обосновывает ведущую роль норманнских викингов в образовании первого Русского государства. Эта теория полностью опровергнута отечественными историками.

«Повесть временных лет» писалась Нестором при жизни князя Святополка Изяславича — внука Ярослава Мудрого. Но как только после долгих лет борьбы на киевском столе утвердился Владимир Всеволодович Мономах — давний противник Святополка, она подверглась основательной переделке.

Владимир Всеволодович был приглашен киевскими боярами для наведения порядка на Руси в разгар народного восстания. И в своем выборе они не ошиблись. Умный, разносторонне образованный, Мономах сумел не только установить порядок, но и привести к единству начавшие дробиться земли и княжества. Его время стало заключительной страницей истории Киевской Руси как единого государства. Сам Мономах всячески пытался укрепить свое положение и оставить потомкам память о себе как о мудром правителе. В этих целях он и решил ревизио-

вать летописный свод, созданный Нестором, переделав все «ослабляющие» свой авторитет места. Работу доверили игумену Выдубицкого монастыря Сильвестру. Тот закончил ее в 1116 году. Однако Мономаха переделка «Повести» не удовлетворила, и он поручает довести начатое до конца старшему сыну Мстиславу — своему новгородскому наместнику. Мстислав принялся за дело и завершил его в 1118 году, поставив в летописи все с ног на голову. Теперь не Киев, а Новгород делается местом зарождения русской государственности, а Киев как бы становится восприемником Новгорода.

Субъективизм такого взгляда на русскую историю объяснялся тем, что Мстислав как новгородский наместник выразил вражду новгородского боярства по отношению к Киеву, которому оно со времен княжения Олега обязано было платить дань и признавать его главенство над собой во всем. Здесь, в Новгороде, зародилась идея о возвышении Киева благодаря влиянию Новгорода и варяжских викингов, призванных якобы самими новгородцами для наведения порядка на Руси. Эта идея особо импонировала Мстиславу — внуку английского и зятю шведского короля, что называется, с кровью воспринявшему легенду о норманнском вторжении во многие страны Северной Европы, народы которых якобы были не способны сами управлять собой, прониклись к пришельцам особым расположением и наперебой стали приглашать их к себе в правители. Вне всякого сомнения, викинги, будучи мореплавателями, стремились попасть в земли, где было можно поживиться за чужой счет, выгодно продать себя на службу местным князьям или городам. Посещали они и Новгород, находившийся поблизости от Балтийского Поморья. Однако в то время в этой части Европы, как и в самих Скандинавских странах, государственность еще не существовала, тогда как она давно сложилась в Среднем Поднепровье.

К моменту создания третьей редакции «Повести» в Новгороде уже имелся свой собственный летописный свод, составленный, по некоторым предположениям, посадником Осторомиром. Из него-то Мстислав и извлек легенду о «призвании варягов».

Согласно «Осторомировой летописи», Новгород возникает одновременно с Киевом где-то в начале IX века, когда «Словене свою волость имяху. (И поставиша град, и нарекоша Новгород, и посадиша старейшину Гостомысла.) А Кривичи — свою (волость), а Меря — свою, а Чудь — свою. И всташа сами на ся воевать и бысть межю ими рать велика и усобица, а всташа град на град и не бе в них правды. И реша к себе: «Поищем собе князя, иже бы владел нами и рядил по праву». Идоша за море к варягам и реша: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нету. Да поидите к нам княжить и владеть нами».

Итак, сами ведут междоусобную борьбу за власть, а приглашают владеть собой иноземцев? Кем на самом деле являлся призванный новгородцами Рюрик? Выходцем из Поморья? Норманнским ярлом (князем)? Это остается загадкой. И если Рюрик признается историческим лицом, то его братья Трувор и Синеус были всецело созданием переводчика, который не разобрался в скандинавском сказании о некоем Рюрике. А там указано, что он пришел в другие страны «с роды своими» (по-шведски «синеусе») и «верной дружиной» («тру вар»). Так в процессе перевода «родились» несуществовавшие братья Рюрика.

И все же русские летописи, несмотря на множество загадок и «темных мест», остаются уникальным и незаменимым источником по изучению отечественной древней истории, величайшим памятником культуры. Вместе с другими письменными памятниками Древней Руси они неоднократно издавались в советское время и вызывают

возрастающий интерес не только у ученых, но у всех, кто стремится расширить свой кругозор, пополнить знания о далеком прошлом нашей Родины.

Откуда, Русь, твое названье?

Кому не интересно узнать о происхождении таких близких и знакомых каждому из нас слов: Русь, русский, Россия?

Этот вопрос привлекал внимание многих русских и зарубежных историков и этнографов, однако до сих пор мы не имеем более или менее ясного ответа на него. На сей счет выдвигались различные гипотезы и версии. Согласно одной, свое имя Русь получила от названия притока Днепра — Роси. Но большинство других склонялось к тому, что слово «русь» — нерусского происхождения. Некоторые ученые полагали, что оно пришло из диалектов тюркских племен, обитавших где-то в Причерноморье или на Кавказе, некоторые находили его истоки в византийских хрониках, называвших южных славян и антами, и венетами, и роксаланами. И наконец, существовала точка зрения, в соответствии с которой термин «русь» ведет начало от названия некоего норманнского племени и даже острова в Балтийском море — Рюгена, жители которого именовались ругами. Эта последняя версия основывается на норманнской теории происхождения Русского государства, которая полностью несостоятельна.

Норманнская теория возникла на базе легенды о «призвании варягов» на Русь. Сама же легенда явилась, по существу, отголоском давней колонизации славянами районов Приильменя, которые первоначально заселялись кривичами, радимичами и полочанами, то есть ближайшими племенами Верхнего и Среднего Поднепровья и Подвинья. Новгородцы, утвердившись среди местного фин-

ского населения — чуди, веси и мери, стали называть себя словенами (славянами), а своих сородичей, славян Поднепровья, Подвинья и балтийского Поморья — Русью.

Таким образом, колонизация огромного северного края от озера Ильмень и реки Волхов до Финского залива, Ладожского озера и Белого моря, продолжавшаяся несколько столетий, привела в движение не только племена Поднепровья, но и те, что обитали в русском Поморье — в устьях Вислы, Одера и Западной Двины. Именно в эти времена и уходит своими корнями легенда о призвании новгородцами «варягов-русов», принятых ошибочно за норманнов.

Вокруг упомянутой легенды и вопроса о происхождении термина «русь», прямо затрагивающих проблему возникновения русской государственности, в середине XVIII века разгорелись ожесточенные споры между сторонниками и противниками норманнской теории.

К первым относились немецкие историки Г. Байер, Г. Мюллер и А. Шлёцер. Они руководствовались стремлением оправдать существовавшее тогда засилье немцев в русской политике, науке и культуре и обосновать неспособность русского народа к самостоятельному развитию. Так, превратно истолковывая летописные тексты о «призвании варягов», «норманисты» выдвигали идею культурного и политического превосходства норманнов (скандинавов) над восточными славянами. Г. Байер и его последователи пытались доказать, что «русь» было норманнским племенем, которое называлось «routs». Однако ни немецкие, ни другие историки и этнографы так и не обнаружили скандинавского племени с таким названием.

Против «норманистов» во всеоружии выступил М. В. Ломоносов. Он выводил «русь» из Пруссии, население которой считал славянским, и был близок к правильному выводу, что это название относилось ко всем

восточным славянам Поморья и русского междуречья Волги, Днепра и Западной Двины.

В XIX веке на основе этих теорий в отечественной исторической науке сложилось две школы — «норманнистов» и «славянистов». Первая стояла на пронорманских позициях, а вторая исходила из того, что термин «русь» является местным, славянским, принадлежавшим предкам славян — роксаланам, или россаланам, жившим у Черного моря в эпоху Римской империи. Наиболее яркими представителями названных школ были: норманнской — М. Н. Погодин, славянской — И. Е. Забелин.

Помимо упомянутых существовали и другие течения и теории, и в частности, «объединительная» теория С. Ф. Платонова, согласно которой «русью» назывались славяно-варяжские дружины («варяги-русь»), которые перемещались по русским рекам от Прибалтики до Византии. Однако эта концепция целиком построена на песке, так как «русь» была известна не только грекам, но и другим народам, в частности Ближнего Востока, задолго до того, как появились на Руси норманны-варяги.

Теория о самоназвании восточных славян их общим именем «русь» представляется нам наиболее правдоподобной и верной. Попытаемся в ее рамках отыскать истину и привести свои доводы в пользу еще одной версии, которую мы беремся отстаивать.

Многих историков в немалой степени обескураживала и поныне продолжает смущать запись о призвании варягов в новгородские земли в IX веке для наведения в них твердых порядков, сделанная новгородским летописцем и включенная затем в летописный свод «Повести временных лет». Откроем «Повесть» и еще раз прочтем интересующее нас место:

«Варяги из заморья взымали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от

дыма». Это положение летописец относит к 859 году. Речь здесь идет о том, что варяги, или норманны, довольно глубоко проникли в глубь славянских земель и налагали дань на их население. Но далее летописец поясняет, что их вторжения были недолгими: «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к *варягам, к руси*. Те *варяги назывались русью*, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти прозывались».

Из этого текста следует, что русью назывались не скандинавы и не иные европейские народы, а некая «русь», именуемая *варягами-русью*. Дело в том, что как норманны, так и славяне жили по побережью одного и того же Варяжского (Балтийского) моря. Славяне населяли также берега Западной Двины, Эльбы и балтийское Поморье. Вполне очевидно, что предводители норманнских викингов набирали свои дружины из поморских славянских племен, которые летописец и называет варягами-русью. При этом все племена, обитавшие в Поднепровье, тоже назывались русью, хотя у каждого из них было свое собственное имя: поляне, древляне, кривичи, радимичи и другие.

По водным речным и морским путям и по великому пути «из варяг в греки» осуществлялась торговля между славянскими городами, с Прибалтикой, с черноморскими странами. В те времена варяжить — означало торговать, поэтому и купцов называли варягами или варяжскими гостями. Вся же торговля велась исключительно русскими купцами, а для ее охраны нанимались норманнские отряды, представлявшие для фрахта и свои превосходные корабли. Таким образом, и в данном случае варяги — это не норманны.

Читаем летопись дальше: «Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собою всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус — на Белоозере, а третий, Трувор — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне».

Если прочитать отрывок внимательно, мы снова найдем в нем подтверждение нашему доводу о том, что в Новгород призвали русь, а не норманнов, ибо сказано, что Рюрик, Синеус и Трувор пришли сюда со всей русью, то есть племенами и родами, обитавшими или в славянском Поморье, или в междуречье Днепра и Западной Двины. И наконец, мы находим еще одно подтверждение этому в тексте «Повести временных лет», относящемся ко времени завоевания князем Олегом Киева: «И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью (Киев. — *В. Р.*) городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, положил и для варягов давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава». Из последнего предложения напрашивается вывод, что Олеговы варяги — это княжеские дружины. Теперь все становится на свои места: под славянами следует понимать новгородцев-словен, а под «прочими» — как раз тех, что проживали на всем днепровском побережье и в Поморье — славянские племена, объединяемые общим названием «русь». Не случайно же летописец в самом начале «Повести временных лет», перечисляя все эти племена, совершенно конкретно указывает, по каким рекам и их притокам они обитали. Данный факт позволяет нам сделать вывод: слово «русь» обо-

значало не только языковую, но и этническую общность упомянутых славянских племен, было их самоназванием, которое возникло как следствие развития и углубления межплеменных экономических связей и объединения на этой основе разрозненных племен, что создало предпосылки для возникновения русской государственности. Не случайно поэтому византийские летописи VIII—IX веков называют восточных славян русинами или русью.

В этом выводе содержится лишь частичный ответ на вопрос, поставленный в заголовке. Конкретизируем его: если слово «русь» происходит от корней славянской речи, то что оно могло означать?

По нашему глубокому убеждению, «русь» — это русла рек Восточно-Европейской равнины, по которым обитали издревле славянские племена. Если взять весь район междуречья Волги, Днепра и Западной Двины, то мы не погрешим против истины, если скажем, что такого обилия водных речных путей, пожалуй, нет нигде в мире. Иных же дорог в те времена в краю непроходимых лесов, топей и болот или крутых увалов не могло быть, поэтому связи осуществлялись преимущественно по воде и в основном по главному маршруту, известному как путь «из варяг в греки». Благодаря ему из Белого и Балтийского морей через Неву, Ладожское озеро, озеро Ильмень и реку Волхов, а далее через волоки можно попасть в Западную Двину, а по ее притоку Каспле в Днепр, по которому плыть да плыть до самого Русского моря, как тогда именовали Черное море. Кроме того, осваивался водный путь в Поволжье через речки и волоки Вышневолоцкой, Тихвинской и Мариинской системы по рекам Цне, Тверце, Чагоде, Вытегре и Ковже. Было еще два маршрута от Ильменя к Волге. Первый — по рекам Поле и Явони, потом волоком к озеру Селигер и далее по реке Селижаровке до самой Волги. Другой проходил от волока Держковского на Мсте через Вышний Волочек и

озеро Печеново к реке Песи и затем по рекам Чагоды и Мологе — к Волге.

Торговля велась и через так называемое Заволочье — по Северной Двине и Онеге, по Свири, Волхову, и Ладожскому и Онежскому озерам. Но особое место в межплеменных связях принадлежало среднему течению Днепра, вокруг которого и образовалось ядро будущего первого русского феодального государства, именуемого Киевской Русью.

Вот почему древние славяне так почитали свои реки и озера, совершая на них русальские обряды, праздники или волхвования.

Не замирала жизнь на водных артериях и в зимний период. С образованием прочного льда по ним прокладывались прямые санные пути от Белого моря до самого Киева. Оценивая исключительно важное значение рек для развития Киевской Руси и для России в целом, известный русский географ и этнограф П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал: «Ручейки жизни отдельных людей сливаются в речки и большие реки целой жизни народной совершенно так же, как ручьи, речки и реки — в целую жизнь великой равнины, ими орошаемой... Древняя Русь, давшая вечевой Новгород и Киев, сосредоточивалась у великого водного пути «из варяг в греки». Средневековая Русь получила свою надлежащую силу лишь после того, как она решительно перешагнула в Волжский бассейн. Недаром народная легенда помещает богатыря Илью Муромца на Оке, в Карачарове, близ Муроме, недаром Москва выросла в междуречье Волги и Оки».

Те славянские племена, которые издревле обитали по берегам притоков Волги, тоже называли себя русью, а места их расселения назывались росями. Так и повелось географическое расселение славян определять реками и росями, или русью, и среди них различали Переяславскую, Северскую, Муромо-Рязанскую, Черниговскую руси.

Русь Переяславская занимала земли по Сейму и Пселу, Северская — по Сейму и Свапе, по верховьям Быстрой Сосны, по Оке и Десне. Муромо-Рязанская — по среднему течению Оки и, наконец, Черниговская — по Десне, Болве, Жиздре, верховьям Оки, Дона и Красивой Мечи. Все наши северные роси, расположенные в бассейнах рек Среднерусской равнины, входящих в систему притоков Оки и Волги, явились местом образования средневекового Русского государства с его столицей Москвой. Название же свое Москва также получила по имени реки, а Московское великое княжество уже со времен Ивана III называлось Россией. Да и в самом этом имени воспроизводятся сущностные признаки России: реки, русла, роси. Еще в середине VI века в хронике некоего Псевдо-Захарии сообщается о народе «рос», жившем к северо-западу от Нижнего Дона: «Народ Рос — люди, наделенные членами тела больших размеров. Кони не могут носить их вследствие их тяжести». Приводя этот письменный документ, известный советский историк Б. Д. Греков делает свой замечательный вывод: «Не случайно и Волга называлась Рось, и в устье Дона стоял город Росья. Мы знаем целый ряд южных рек, связанных по названию с этим именем «рось»: Оскол-Рось, Рось — приток Днепра и Нарева, Роска на Волыни и много других».

Великий днепровский путь представляется нам только как путь «из варяг в греки». В действительности же он являлся водной дорогой во все четыре стороны света и те его направления, что вели на запад и на восток, были не менее важными, чем те, по которым осуществлялось сообщение Киева с Новгородом или с Причерноморьем. Ведь у Славутича-Днепра имелись две самые мощные его руки, две десницы: притоки Десна и Припять.

Первая — Десна, протянувшаяся на 1184 километра, издревле связывала русичей Поднепровья с землями северян, радимичей и вятичей. Освоение пути до Оки и Вол-

ги последовательно осуществлялось с начала образования Киевского государства и продолжалось при князьях Олеге, Игоре, Святославе и Владимире. Одновременно на этом пространстве закладывались основы образования Северной Руси, Владимиро-Суздальского и Московского княжеств, будущее России. В Десну и ее главный приток Сейм впадает великое множество больших и малых рек. Те, что побольше, назывались росями, а те, что поменьше, заросшие водорослями (ряской), именовались рясями, рясью. Сами же вятичи и их соседи волжские болгары Днепр называли Русью, а Оку — Росью.

Другая десница Славутича — Припять простиралась на 800 километров в глубь лесов и болот Полесья, где обитали древяне и дреговичи. У Припяти великое множество притоков с такими стозвонными именами: Стоход, Стырь, Горынь, Уборть, Уж, Ясельда, Лань, Случь, Птичь. И эти-то «нитями» Славутич был связан с Вислой, Бугом и Неманом, а через них — с Польшей, Литвой, Германией, Данией и Англией. Однако во все времена указанный путь оставался крайне ненадежным и для Киевской Руси, и для России по причине сложности процесса формирования западноевропейских феодальных государств и их непрерывной экспансии в страны Восточной Европы.

Итак, слова «русь» и «реки» — синонимы и происходят они от общих русских корней: реч (отсюда «речение», «разговор», «течение»), рек (от него происходит «река»), рук (к нему восходят «руце», «рука», «рукав», «руксло», «русло»). От этих же корней образовались слова: «рось», «русалия», «русалка», «русый» (светлый), «роса».

Попутно отметим, что слова «русалия», «русальный», «русалка» зародились в те незапамятные времена, когда у праславян, обитавших в среднем течении Днепра, существовала высокая культура пойменного земледелия, с которым был связан и аграрный культ стихий рек и неба, называемый русалиями. В нем содержались мифы и ле-

генды о русалках-берегинях, водяницах, мавках, охраняющих посевы и созревающие злаки. Главными божествами русального культа были Купала и Ярила. В эту же эпоху зарождается родо-племенной культ Рода и рожаниц. Однако русальный культ имел наибольшее по сравнению с другими культурами распространение не только в Поднепровье, но и по всему великому междуречью Западной Двины и Волги.

«Реки явились великим фактором русской истории, — отмечал В. В. Мавродин. — На берегах наших рек возникали и расцветали древние славянские города, реки издавна были бойкими путями-дорогами для русского человека, реки объединяли «словенск язык на Руси».

Если в Поднепровье при обозначении пойм рек в основном использовался общеупотребительный термин «русь», то для приокских племен было характерно применение слова «рось». От него впоследствии и произошло название единого государства — Россия.

С вопросом о происхождении термина «русь» тесно связан и другой, не менее важный вопрос — о возникновении русской государственности.

Как справедливо отмечает академик Б. А. Рыбаков, историю Киевской Руси, а следовательно, и русской государственности следует вести не от Рюрика и не от Олега, а от киевского князя Кия и его братьев.

Теорию наследования нашей государственности от норманнов-варягов мы начисто отвергаем по причине ее полной научной несостоятельности. Ведь в те времена, когда Киев был широко известен в Византии и странах Востока как крупный центр славян на Днестре, ни Новгорода, ни других городов в северо-западном регионе еще не существовало, а скандинавы пребывали на стадии родового строя. Новгород и нанимаемые им варяги стали оказывать влияние на политическую историю Киевского княжества лишь в середине XI века, вторгаясь в его пределы,

чтобы утвердиться в нем как в главном общеславянском центре и господствовать над всеми племенными союзами.

Так линия киевских князей-полян (от Кия до Аскольда) была прервана в 882 году воцарением князей Рюриковичей, пришедших с севера Руси вместе с варяжскими дружинами. Правившие в Киеве Аскольд и Дир были смещены, их место занял Олег. После его смерти в 912 году на киевском престоле воцарился Игорь. Он не являлся представителем княжеского рода Рюриковичей и наследовал Олегу как муж его дочери Ольги. По-видимому, еще при жизни Олега ее выдали замуж за Игоря — одного из княжеских гридней (воинов), которому князь поручал взимание податей и организацию полюдьа (ежегодный сбор дани с подвластных земель). Единственный сын Игоря и Ольги — Святослав, годы жизни которого мы можем назвать более или менее точно (940—974), открывает плеяду великих киевских князей как государей Киевской Руси. Из трех сыновей Святослава на киевском столе утвердился прочно лишь один Владимир, родившийся около 960 года и правивший с 980 по 1015 год. Время его правления стало периодом величайших перемен в жизни всех восточнославянских племен, наиболее полно и прочно объединенных под властью киевского князя, что во многом было обусловлено личностью самого Владимира, которого мы по праву относим к наиболее выдающимся историческим фигурам того времени.

Славяне и их предки

Славяне были известны с начала I тысячелетия новой христианской эры. Первоначальным регионом их обитания считается Прикарпатье, откуда они распространялись на север до Балтийского моря, на запад до Эльбы и на юг до Адриатического моря. Несколько позже славянские племена заняли всю северо-восточную часть Европы.

В соответствии с географией расселения принято разделять славян на западных, южных и восточных.

Западные славяне образовали несколько групп: а) чехов, моравов и словаков; б) поляков; в) балтийских славян — венедов, или поморян. Они обитали по нижнему течению Эльбы (Лабы), Одеру (до устья Вислы) и южному балтийскому Поморью.

Южные славяне делились на: а) славен (словенцев); б) хорватов и сербов; в) дунайских болгар. Эти селились в бассейне Дуная.

И наконец, к восточным славянам относились те племена, о которых подробно идет речь в «Повести временных лет».

Следует заметить, что отдельные группы и племена не были жестко привязаны к какой-то одной территории. В ходе образования племенных союзов и в связи с вовлеченностью в мощный процесс великого переселения народов они постоянно перемещались в разных направлениях.

Заповедным регионом обитания восточных славян с незапамятных времен являлось Среднее Поднепровье. Здесь, в бассейнах Днепра, Западной Двины и Эльбы, Волги, Днестра и Южного Буга, находилась родина тех самых праславян, которых древние греки называли антами или скифами. Впрочем, ни анты, ни славяне в целом не имели никакого отношения к скифам и были их северными соседями. Если скифы — это преимущественно кочевники-скотоводы, то анты-праславяне — земледельцы, охотники, звероловы.

В V—VII веках анты в борьбе с Восточной Римской империей объединяются в племенные союзы и наносят ей все более чувствительные удары. Они выходят на сцену мировой истории одновременно с франками и лангобардами, заставив Византию не только считаться с собой, но и признавать их территориальный суверенитет. Греческий историк Псевдо-Маврикий характеризует антов

как воинственный, храбрый и свободолюбивый народ: «Вооруженные небольшими копьями, луками и стрелами, иногда с ядовитыми наконечниками, мечами и прочными, тяжелыми щитами, анты были опасными врагами. В густых лесах, обрывах, ущельях поджидали они своих противников и внезапно с криком нападали на них из засады. Днем и ночью, используя знание местности, прибегая к различного рода хитростям, анты нападали на врагов, изобретая всевозможные способы боя. Анты умело переправлялись через реки, превосходя в этом отношении всех людей».

Застигнутые врасплох, анты укрывались в камышах и, опустившись у берега на дно реки или озера, дышали через трубки-камышины, часами выдерживая пребывание в воде и укрываясь от глаз врага.

Когда противник внезапно напал на них, они устраивали укрепления из телег, как это делали позже русские во время походов в глубь степей на половцев и печенегов. Круг, составленный из сдвинутых телег, был неприступен для неприятеля. А меткие стрелы и метательные копья антов держали врага на почтительном расстоянии от их боевого стана. Другой греческий историк — Прокопий Кесарийский утверждает, что анты «научились вести войну лучше, чем римляне» и потому «они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия».

Военные походы не только привели к обогащению антских дружин и их вождей, но и способствовали укреплению развивающейся из родового строя военной демократии. «Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»¹, — подчеркивает Ф. Энгельс. Демократия означала, что вооруженный народ управляет народным собранием.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 21. — С. 164.

ем, советом старейшин и вождей и высшим военачальником, еще не знал власти, не только противопоставлявшей себя народу, но даже отделенной от него. А К. Маркс социальный строй антов — военную демократию называет «славным варварством».

Тот же Прокопий отмечает еще одну характерную особенность антов-славян — нравственную крепость и добрый нрав: несмотря на грубый, без удобств образ жизни, они «по существу неплохие люди и совсем не злобные». Их высокие внутренние качества — мужество, верность, гостеприимство, свободолюбие — заставляли даже врагов отмечать антов по достоинству.

Наиболее полное и достоверное описание антов-славян приводится в трактате Псевдо-Маврикия «Стратегикон»:

«Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас принести богу жертву и выполняют то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой жертвы. Они почитают реки и нимф (русалок), и всякие другие божества, принося жертвы всем им и при помощи этих жертв производят гадания... Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают, иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые ши-

роким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами... И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные...»

И далее:

«Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе, их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения (при переходе их с одного места на другое), охраняют их в случае надобности, так что, если бы оказалось, что по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпел (какой-либо) ущерб, принимавший его раньше начинает войну (против) виновного, считая долгом чести отомстить за чужеземца. Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей?.. Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считает смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь...»

Обратим внимание на то, что приведенные описания принадлежат византийским авторам, которые, представляя варварские племена антов-славян как извечных врагов империи, тем не менее не могли скрыть своего восхищения ими и признания их высоких нравственных качеств.

Анты являлись лишь одной славянской ветвью, укорен-

нившейся в Среднем Поднепровье. Другая многочисленная ветвь состояла из поморских славян, иногда называемых венедами или венетами, которые, по утверждению К. Маркса, были такими же хозяевами Балтийского моря, как и «дани» (датчане) и «свеи» (шведы). Поморяне слыли отличными мореходами и плавали к берегам Англии, где основали славянские поселения. Как мы уже говорили, по-видимому, именно поморских славян наши летописи называют варягами-русью, повествуя о призвании варягов в новгородские земли.

Касаясь истории славянских племен, Ф. Энгельс делает вывод о том, что они долгое время находились в движении. Это было подлинное переселение народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом.

Одной из зон интенсивных миграций являлось Поморье, откуда в новгородские земли переселялись те самые роды, которые возглавлялись легендарным Рюриком и говорили на славянском языке или диалекте. И здесь следует особо отметить, что варяжские дружины набирались новгородцами именно в Поморье, на южном побережье Варяжского (Балтийского) моря и по берегам впадающих в него рек. Не исключалась также возможность использования ими и шведских наемных дружин.

Движение поморских и северных (лесных) славян в направлении Среднего Поднепровья усилилось после того, как под ударами обров (аваров) анты были вытеснены на юг, в долины Южного Буга и в Придунайскую низменность. В течение довольно короткого времени северные и поморские славяне переняли высокую культуру антов, способы пойменного земледелия, их аграрные культы и социальный строй — военную демократию.

В мировой литературе сложился миф о «загадочности славянской души», порожденный гениальными творения-

ми русских писателей, композиторов и художников XIX столетия — века «русского возрождения». На самом же деле ничего загадочного в этой душе не было и нет. Она самобытна и хранит то, что в нее на протяжении более тысячи лет закладывалось всем ходом истории, образом жизни народа и самой русской природой. И если общественно-экономическое бытие формирует сознание людей, то и природная среда в значительной степени оказывает влияние на их характер и духовный мир. Каждая этническая общность отличается своеобразием.

Особо отчетливо это проявляется в языке и ритмах народной музыки и танцевальной пластики. Так, в музыке и танце народов Средней Азии отразились сухой палящий зной пустынь и полупустынь, от которого трескаются почва и камни, журчание воды в арыках и сухой шелест платановых листьев. В грузинских мелодиях вы услышите многоголосье горного эха, шум водопадов, бление овечьих отар, топот конских копыт по каменистой дороге и звон скрещиваемых сабель. У коренных жителей Крайнего Севера свои мотивы и звуковая ткань, отображающие однообразие снежных равнин и вой пурги, мерцание звезд и огней костров, мерный бег оленей по снежному насту.

Русские мелодии и ритмы чрезвычайно многообразны: то плавные и раздольные, как реки и степи, то гулкие и буйные, как вихрем проносящиеся тройки, то длинные и печальные, как осенние или зимние ночи. Отсюда и богатство музыкальной палитры русских композиторов и музыкантов.

В музыке, как и в народном эпосе, каждый народ выражает свой характер, свою культуру. Стоит лишь воспроизвести наугад ту или иную мелодию или танец, и мы тут же без особого труда узнаем в них и венгра, и итальянца, и норвежца, и индийца.

Мысль о связи психологических особенностей народов

с природной средой их обитания присутствует во многих литературных и музыкально-художественных произведениях. В частности, вот как она излагается устами варяжского гостя в опере Н. А. Римского-Корсакова «Садко»:

...От скал тех каменных у нас, варягов, кости,
От той волны морской в нас кровь-руда пошла.
А мысли тайны — от туманов, мы в море родились,
Умрем на море...

А что же легло в основу «загадочной русской души»? Очевидно, она формировалась в ходе смешения великого множества племен и «языцев», именуемого восточными славянами, или Русью, отмеченного летописцем в «Повести временных лет», и слагалась из неповторимых психологических особенностей каждого племени.

Так, поляне-киевляне отличались добродушием и гостеприимством, а также мужеством и отвагой в борьбе с врагами Отечества. Не терпели диктата и изгоняли неудобных народу князей или посягавших на власть иноземных пришельцев.

У древлян был несколько иной характер — более замкнутый и суровый, ведь они, как и дреговичи, жили в лесах и на болотах. Однако слыли прямыми и простодушными. Так, расправившись с киевским князем Игорем за его жадность и непомерные поборы с древлян, сами же, ничтоже сумняшеся, предложили в мужья овдовевшей княгине Ольге своего «хорошего и справедливого» князя — Мала.

Своеобразным характером обладали кривичи — племена, обитавшие в среднем течении Днепра вокруг их столицы — Смоленска. Это были тороватые, расхожие люди, умевшие и торговать, и ладьи смолить, и хлеб выращивать, и скот пасти, поклоняясь главному своему скотье-му богу — Волосу (Велесу). Отсюда и стали их называть «рожками» — мастерами игры на пастушьих рожках.

Радимичи и северяне свой норов имели. Рослые, могу-

чие, воинственные. Никому не хотели подчиняться и потому позже других племен вошли в состав Киевской Руси, укрываясь в своих непроходимых Брыньских лесах.

Самым большим племенным союзом Русского Севера являлись вятичи, обитавшие на всем обширном пространстве приокских долин и возвышенностей и под стать раздолью и простору обладавшие широтой натуры. Этот край — та самая приокская рось, на территории которой вокруг Москвы сложилась впоследствии средневековая Россия.

И разве не удивительно, что многие психологические черты представителей древних славянских племен и до сей поры сохранились и прослеживаются в облике и характере коренных жителей ряда наших русских, украинских и белорусских областей. Присмотритесь к ним, прислушайтесь к их речи, и тогда вам откроется многое такое, чего вы ранее не замечали в повадках псковичей или костромичей, полтавчан или харьковчан, белорусов Полесья и Могилевщины. Не здесь ли корни великого многоцветья нашего народного и классического искусства, родники которого не иссякают никогда?

Но вернемся к антам. Как отмечает В. В. Мавродин, именно с них начинается политическая история восточных славян (IV—V вв.). В это же время они вышли из Среднего Поднепровья на морские просторы и стали вытеснять Византию из ее черноморских владений в Крыму и на Дунае. Есть сведения, что в VII веке славяне на своих лодках-однодревках бороздили воды Черного, Мраморного, Средиземного и Адриатического морей. Силу их ударов poznали Эпир и Ахайя, Малая Азия и Апулия, Крит и Солунь, Киклида и Иллирия. Об этом мы узнаем из «Жития Дмитрия Солунского». Тогда же западные славяне заселили все побережье Балтийского моря от Старграда на Дунае до границ Дании и Каданьского (Гданьского) залива.

О походах восточных славян в южные моря рассказывают грузинские церковные летописи, которые, в частности, упоминают о том, как в 626 году «скифами, кои суть русские», был осажден Константинополь. Это сообщение еще раз подтверждает наш вывод о том, что восточные славяне уже в те времена были широко известны под их самоназванием «русь». Русь знали и по трудам Стефана Сурожского, и Георгия Амастридского, описавших прибытие русского посольства в Константинополь в 839 году, и по торговле с купцами-русамы в Херсонесе (Корсун) в Крыму, с которых «царь Рума» (византийский император) брал десятину.

Греческие хроники сообщают также о существовании «русского каганата» в Среднем Поднепровье, о посольстве кагана «народа рос» к императору Византии Феофилу. Уже тогда (в VIII в.) русские ездили «слами» (послами) и «гостями» (купцами) в Константинополь, торговали и жили в нем, как и на всем побережье Русского (Черного) моря, и настойчиво добивались от империи признания за Русью прав черноморской державы, свободного плавания и торговли, безопасности русских людей, их «слов» и «гостей», живущих в городах «ромеев», уважения к «закону русскому». И когда Византия стала утеснять эти права, в июне 860 года был предпринят киевским князем Аскольдом знаменитый поход на Константинополь. 360 русских кораблей неожиданно напали на Царьград, воспользовавшись тем, что император Михаил стянул свои силы для обороны границ в Малой Азии от нападения арабов.

Вот как об этом рассказывает патриарх Фотий: «Народ Рос — неименитый народ, не считаемый ни за что, но получивший значение со времени похода против нас, народ униженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства, народ где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием,

неожиданный, незамеченный, так быстро и так грозно пахлынул на наши пределы, как морская волна, истребил живущих на этой земле, как полевой зверь траву или тростник или жатву... О, как все тогда расстроилось и город едва, так сказать, не был поднят на копьё!»

Фотий рисует картину появления перед Константинополем русских витязей: «Помните ли тот час, невыносимо горестный, когда приплыли к нам варварские корабли... когда они проходили перед городом, неся и выставя пловцов, поднявших мечи и как бы угрожая городу смертью от меча».

Осада византийской столицы завершилась установлением «мира и любви», а также согласием империи признать права Руси при условии обращения ее в христианскую веру. Договор о согласии принять христианство от Византии и «епископа-пастыря» из Константинополя был заключен семь лет спустя, о чем сообщается в «Окружном послании» патриарха Фотия и в биографии императора Василия Македонянина, который «склонил к дружбе народ русский, воинственный и языческий, раздавая ему одежды золотые, серебряные и шелковые, установив с ними дружбу и соглашение, уговорил принять крещение».

Вот когда, оказывается, произошло первое «крещение Руси», начатое с самого киевского князя Аскольда и его приближенных. По всей видимости, именно этот факт и лег в основу летописной легенды о крещении киевлян князем Владимиром.

Итак, Аскольда мы можем с полным основанием считать первым русским киевским князем, принявшим христианство от Византии, и учредителем первой епископии на Руси. Об этом свидетельствуют византийские хроники, рассказывающие, как после набега на Константинополь Аскольд прислал свое посольство не только в целях заключения прочного мира и установления справедливых для

обеих сторон условий торговли, но и для решения вопроса об основании христианской митрополии в Киеве. Византийские императоры Василий и Михаил, сообщается далее, заключив прочный мир с «русами» и щедро одарив их золотом, серебром и шелковыми тканями, крестили прибывших, а патриарх Фотий назначил для Киева епископа. В связи с этим событием в своем окружном послании Фотий делает следующее заключение:

«Не только Болгарский народ переменял прежнее нечестие на веру Христа, но и тот народ, о котором многие рассказывают и который в жестокости и кровопролитии все народы превосходит, оный глаголемый Росс, который поработил живущих окрест его и, возгордясь своими победами, воздвиг руки и на Византийскую империю, и сей, однако, ныне переменял языческое и безбожное учение, которое прежде содержал, на чистую и правую Христианскую Веру, и, вместо недавнего враждебного на нас нашествия и великого насилия, с любовью и покорностью вступил в союз с нами. И столько воспламенна их любовь к вере, что и епископа и пастыря, и христианское богослужение с великим усердием и тщанием приняли».

Таким образом, описанное событие и следует считать первой попыткой «крещения Руси», первым этапом процесса ее христианизации, который был приостановлен и нарушен захватом Киева дружинами Олега, узурпировавшего власть и убившего князей киевских Аскольда и Дира.

Предание сохранило весьма любопытные подробности того, как принял Аскольд первого епископа, присланного из Царьграда. Он был приглашен на народное собрание, или вече, где ему задали вопрос: чему епископ хочет научить киевлян? Тогда византиец открыл Евангелие и произнес речь о жизни Иисуса Христа, о сотворенных им чудесах, о смерти его и воскрешении. Помимо этого

он рассказывал о сотворении мира и человека, об испытаниях, которым подвергся человек в райских и земных обителях. Выслушав речь проповедника, русы устроили ему весьма трудный «экзамен»: «Сотвори нечто подобное тому, что случилось с тремя отроками в огненной печи, тогда поверим». А история трех отроков — Анании, Мисаила и Азарии — заключалась в том, что вавилонский царь Навуходоносор приказал бросить их в «огненную печь» за отказ поклониться золотому истукану как богу. Но те, восхваляя своего бога, не сгорели и были спасены ангелом.

Как повествует легенда, епископ не растерялся и бросил в огонь Евангелие, и оно не сгорело. Вообще книги не всегда сгорают дотла, а сделанные из пергамента — тем более. И вот теперь, якобы уверовав, многие из присутствующих крестились. Да ведь это и есть та самая легенда о выборе веры, которую Нестор-летописец переработал на свой лад и соотнес со временем Владимира Святославича. А речь философа (о ней мы будем говорить чуть позже) в «Повести временных лет» — несомненный отголосок событий, происшедших во время первого принятия христианства при князе Аскольде.

Факт введения на Руси христианства в форме православия в третьей четверти IX столетия подтверждается и Уставом Льва Философа (860—911 гг.). В списке Устава русская спархия помещена 61-й по счету. При этом дается примечание, что крещение Руси было предпринято Фотием.

Учредителем русского православия, согласно церковным традициям, является не кто иной, как апостол Андрей Первозванный — родной брат первейшего апостола Петра (Симона), основателя Римской церкви. Андрей якобы после воскрешения Христа проповедовал в середине I века новой эры в Малой Азии (Анатолии), а также на Днепре и будто бы предсказал великое будущее Киеву как фор-

посту христианства на востоке Европы. В его честь на Старокиевской горе была построена в XVIII столетии Андреевская церковь, а Боричев взвоз переименовали в Андреевский.

На обратном пути из Поднепровья Андрей остановился на Босфоре и основал здесь Византийскую церковь, названную позже Константинопольской вселенской церковью. За это он, согласно легенде, был распят на «косом» кресте в Патре (Ахайя). Отсюда и ведет начало церковная традиция ортодоксального православного «косого» креста, особо чтимого староверами. В отличие от него происхождение католического четырехконечного креста легенда связывает с апостолом Петром, которого по его же просьбе распяли вниз головой, чтобы не удостоить той казни, какой был подвергнут сам «сын божий» Иисус Христос. Поэтому «петровский крест» и не нуждался в нижней перекладине.

О религии древних славян

Образование первого Русского государства знаменовало собой завершение процесса объединения восточных славян под властью киевских князей и формирования из племенной верхушки нового социального слоя, боярства — главной опоры княжеского правления. Одновременно закончилось слияние родо-племенных религий и культов, на их основе сложилась общеславянская многобожная религия, которую принято называть языческой. Языческой потому, что выросла она из верований отдельных племен, «языков». Теперь отношения между племенными божествами, включенными в единую систему общегосударственных связей, постепенно приобретают иерархический характер, соответствующий новым социально-политическим условиям.

Славянское язычество, как и всякое другое (греческое, римское, египетское и т. д.), возникшее в первобытном обществе и развивавшееся в рамках родового строя, включало в себя такие формы религии, как фетишизм, анимизм, тотемизм и магию.

Оно формировалось одновременно с язычеством древних германских, кельтских, финских и тюркских племен, испытывая влияние древних цивилизаций Азии и Средиземноморья. Этот процесс длился около двух тысяч лет и завершился лишь в IX—X веках. Своеобразие восточнославянского язычества заключалось в том, что по форме это было идолопоклонство, а по сути — религия родового строя. Оно отражало черты общинно-родовой военной демократии и обслуживало нужды свободных общинников. Поэтому собрание богов здесь относительно невелико, а сама мифология как система устрашения не получила сколько-нибудь значительного развития. Более развитым являлось устное народное творчество, народный героический эпос, дошедшие до нас в народных былинах и сказаниях, в произведениях раннеславянской литературы. У славян народная жизнь доминировала над божествами, как бы приспособляя их к нуждам и земным заботам людей. Здесь религиозные культы, в отличие от культов рабовладельческих цивилизаций, были чрезвычайно просты, с малым числом треб (священнодейств), совершаемых у капищ (языческих культовых сооружений) и требищ походя, по случаю праздников или иных важнейших событий жизни общины или города. Воздаяния и жертвоприношения в основном относились к военной магии и делались с целью востребования успехов и побед в очередном сражении или войне. Никакого особого страха или самоуничтожения при совершении этих треб славяне не испытывали, отдавая божеству положенную дань, как бы действовали по принципу: «я — тебе, ты — мне». Не зря же одного из своих главных богов они называли Даждь-

богом, повторяя заклинание или молитву: «Дай бог!» или «Не дай боже!»

Кровавое жертвоприношение животных и людей было развито несравнимо слабее, чем в других языческих религиях народов Азии и Европы, однако не обошлось и без этого. Правда, в позднем языческом периоде оно сошло на нет почти повсеместно, постепенно заменяясь условными видами жертвоприношений: вместо быка или барана забивали кур, зайца или подкладывали куриные яйца, окрашенные кровью. А вместо человечины богам отдавали то, что человеку принадлежало, но с чем не жаль расстаться: «на тебе, боже, что нам не гоже!» Это могли быть волосы, ногти, гнилой зуб и т. д. Что же касается сочинений некоторых византийских и арабских авторов, которые описывают обычаи и культы «скифов-славян» как жестокие, то в подобных описаниях немало напраслины и преувеличений, если учесть, что и византийцы и арабы оценивали чуждые им верования с позиций собственных «правильных» религий.

Система религиозных представлений, верований и обрядов восточных славян в период разложения общинно-родового строя, образования племенных союзов и в условиях отсутствия экономической и политической целостности была чрезвычайно многообразной. Основу их религии составляло поклонение силам природы и ее главным стихиям — солнцу, воде, огню, земле, а также растениям и животным. И все верования трансформировались в обрядовой практике. Это были культы вождения, когда человек ждал ниспослания благ и стремился получить их, почитая предков или тотемов, прибегая к магическим заклинаниям, делая жертвоприношения духам или богам.

Широкое распространение получили представления о слитности человека с природой и о двойственной ее сущности, то есть независимом бытии ее духовного и мате-

риального начал. На базе анимистических верований формировались многие ритуалы, обряды и праздничные действия. При этом у славян не существовало сколько-нибудь развитого, сложного религиозного культа, характерного для рабовладельческого общества и государства, так как они не знали рабства в классических формах, порождающего наиболее жестокие и изощренно-устрашающие формы религиозного поклонения.

Быт славян, как отмечают многие историки, в том числе и византийские, отличался общинно-родовым демократизмом и сравнительной мягкостью обычаев. Неразвитость культа явилась причиной отсутствия замкнутой привилегированной касты жрецов. Волхвы и колдуны являлись членами рода и общины и пользовались равными правами с другими. Но без их участия не могли совершаться особо важные жертвоприношения, заклинания и многие обрядовые действия, среди которых наиболее характерными были водосвятia.

Вода наделялась особыми животворными и очистительными свойствами, поэтому и практиковались очень широко всякого рода очистительные и целительные ритуальные купания в реках, озерах, прудах, у священных родников и колодцев. Здесь же проводили омовения новорожденных, болящих, странствующих и прочих, сопровождая ритуал наговорами и заговорами. Эти языческие водосвятia были распространены повсеместно и сохранялись вплоть до конца XIX столетия. Вот почему первоначальным видом крещения на Руси явилось омовение в реках или прудах¹.

---

¹ Только в XV в., уступая народному языческому обычаю, церковь вынуждена была отступить от требований устава, предписывавшего крещение младенцев только в храме: «Дети же на реце крещати летом не возбранно есть и на дому не возбраняется, но обязательно с попом». С попом, а не с волхвом — вот в чем суть. Следует заметить, что купельное крещение в восточном христианстве было введено лишь в XIII в. и утверждено Константинопольским собором в 1276 г., а на Руси его уза-

В основе поклонения древних славян стихиям огня лежали представления о сверхъестественной природе солнца, небесного света и тепла, могучих сил неба — гроз и молний, о смене времен года и годовом цикле как о бесконечном процессе умирания и воскрешения божественной природы. Как и у других народов мира, у славян огонь наделялся очистительными свойствами, поэтому их представления о житнетворной силе огня и света на практике проявлялись в почитании солнца, которое выступало в образах различных богов — Ярилы, Сварога, Дажьд-бога, Перуна.

Объектом поклонения также являлась и земля или, точнее, земля обитания племени, рода. Отсюда происходят такие священные понятия, как Родина, Отчина, Дедовщина, земля предков — щуров и пращуров. Она символизировала дух единства племени, нравственную силу и здоровье его членов. С ней связаны многие обычаи и ритуалы. Например, землей клялись или доказывали правоту при спорах. Как правило, истец в доказательство своего права на спорный участок клал себе на голову кусок дерна и проходил с ним по меже. Стремясь убедить кого-либо в правдивости своих слов, человек обычно ел землю. Путешественники, воины, купцы брали с собой в путь горстку родной землицы, служившей охранительным амулетом, и по возвращении домой кланялись земле низким поклоном, целовали и высыпали из узелка ту, что брали с

конили лишь в XV в. До этого в православии, как и в католицизме, существовало крещение посредством обливания взрослых или омовения в храмовых баптистериях — мраморных ваннах. Таким образом, купельное крещение детей на Руси вводилось с целью вытеснения древнего языческого обычая волхования, или послеродового омовения, а также первого пострижения дитяти от рождения его. Крещение младенцев — вопиющее противоречие идее крещения как сознательному акту принятия христианской веры, но церковь не пожелала мириться с господством родильных языческих обычаев и пошла на отступление от апостольских традиций.

собой в чужие края. Во время похорон клали в гроб землю, предполагая долгие странствия души покойного в ином мире. У земли просили прощения. Во всем этом проглядывали и рационалистические представления о земной природе человека, его земной сущности.

Почитали древние славяне деревья и рощи («рощения»). Так, греческий император и писатель Константин Багрянородный описывал жертвоприношение купцов-русов у священного дуба на острове Хортица. Дуб символизировал могучую силу Перуна — бога-воителя, бога грома, молний и небесных стихий. Поклонялись также березам и березовым рощам. На этой основе сложился весенний праздник «семик», во время которого в начале июня к обрядовому дереву приходили девушки с дарами и угощениями, наряжали и украшали березу и пели:

Радуйтесь, березы, радуйтесь, зеленые,
К вам девушки идут, к вам красные,
К вам пироги несут, лепешки, яичницы...

Широко было распространено и почитание животных (зоолатрия): коня, быка (тура), медведя, кабана, козы. В древнеславянских погребениях найдены при раскопках амулеты из клыков кабана, медведя, волка. Культ медведя существовал у многих народов Европы и Азии и сохранился вплоть до XIX века у народностей Севера (например, у нивхов). Этот культ нашел свое отражение в княжеских гербах и гербах русских городов — Перми, Ярославля, Ростова и др. Приручением медведей занимались с древних времен, поэтому вполне естественно, что он был любимым персонажем народных игр, праздников, былин и сказаний.

Священным животным у славян была коза. Она считалась покровителем урожая:

Где коза ходит, там жито родит.
Где коза — хвостом, там жито — кустом...

Так пелось в старинной русской песне. В обрядовых колядках козу приносили в жертву.

Зоолатрия древних славян сочеталась с поклонением антропоморфным (человекоподобным) божествам. Многие греческие и византийские писатели отмечали, что у жителей Восточно-Европейской равнины (бассейн Днепра, Вислы и Западной Двины) существовал пантеон, близкий греческому. Подобно нимфам греков, у них были вилы — русалки или берегини, которые ниспосылали дождь и росу и обеспечивали урожай. Позже их, как и остальных языческих богов, церковь причислила к категории бесов, леших и водяных. Русалки стали ассоциироваться с духами умерших или утопленников.

В процессе возникновения племенной автократии и иерархии власти утрачивали значение одни божества и выделялись другие и, наконец, определился наиболее чтимый, или главный бог. Таким в Киевском княжестве становится Перун. Византийский историк Прокопий Кесарийский, рассказывая о быте славян-антов, упоминает о том, что «владыкой мира они признают одного бога — создателя молнии и в жертву ему приносят быков и других жертвенных животных».

Перун — бог грома и молний — был одновременно земледельческим богом. Его образ берет начало от «тотемного коня» — главного божества одного из славянских племен. С введением христианства он трансформируется в образ Ильи, разъезжающего по небу на громахующей колеснице.

Наиболее древним божеством являлся Ярило или Ярила, ассоциировавшийся с пробуждающейся природой. В его честь в конце апреля устраивали веселые ярилины праздники, водили хороводы, выпекали из теста птиц. Нарядив одну из девушек Ярилой (белые одежды, голова украшена венком из полевых цветов), ее сажали на белого коня и водили вокруг нее хоровод. Для праздничных гуляний

выбирали излюбленные места, которые по имени Ярилы называли Ярилиным полем, Ярилиной рощей, Ярилиной долиной или просто яром.

Почитали славяне и Волоса, или Велеса — «скотьего бога», покровителя и охранителя скота, пастушеское божество, изображавшееся в виде быка или тура. Оно также покровительствовало дудошникам, рожечникам, музыкантам. О нем упоминается в договорах Олега и Святослава с греками. Волос был наиболее почитаемым на Севере, в Приильменье. В Новгороде существовал его культ, у деревянной статуи Волоса совершались жертвоприношения. Позже православие заменит Волоса Власием — святым, унаследовавшим функции своего языческого предшественника. На иконе Власия можно узнать по изображаемому рядом с ним быку.

В числе наиболее почитаемых была и Мокошь — богиня плодородия, покровительница льноводства, прядения и ткачества. В православии ее место заняла Параскева-Пятница, «льняница», которой приносили в жертву первые снопы льна и вытканые убрusy (полотенца). Отсюда пошел обычай украшать иконы и статуи святых полотняными убрusами.

Среди горожан особо популярным являлся Сварог — бог-кузнец, делатель мечей и орал. Он обладал свойствами бога, царя, покровителя искусства и всяческого ремесла. Его считали «патроном» семьи, кузнецом человеческого счастья. Этот наиболее демократичный бог был сродни греческому Гефесту, однако носил чисто славянские черты. Сын Сварога — Сварожич — покровительствовал домашнему очагу и жертвеннику. Имена обоих божеств происходят от корней «свар», «вар» и «жар». И поныне их образы сохраняются в художественной символике. Православная церковь заменила Сварога и Сварожича своими святыми Козьмой и Демьяном, покровительствующим скотоводству и кузнечному делу.

Как уже говорилось, на языческой Руси не существовало обособленной касты жрецов, поэтому многие жертвоприношения и религиозные ритуалы люди совершали произвольно, по мере необходимости у жертвенников и статуй богов. Вот что рассказывает об этом арабский путешественник Ибн-Фадлан, посетивший в X веке Поволжье: «Русы перед началом торговли расстаивали своих идолов и приносили им малую (предварительную) жертву: хлеб, мясо, лук, молоко, вино, чтобы торговля была удачной. Если торговля удавалась, то говорили: «Господин мой (покровитель) уже исполнил то, что было мне нужно и следует его наградить» и затем убивали быков и овец, часть мяса раздавали, другую клали перед идолами, головы жертвенных животных вешали на колья, вбитые в землю. Жертвенное мясо обычно поедали собаки, и после того было принято говорить: «Уже стал доволен господин мой мною и съел дар». Совершали жертвоприношение и по другим поводам, например, чтобы обеспечить успех предстоящего сражения. Обычно в этом случае резали или топили курицу, что должно было вызвать большую кровь и потери у противника.

Своеобразны похоронные церемонии восточнославянских племен. Древнейшим языческим обрядом являлось трупосожжение. Но наряду с этим существовало и трупоположение (погребение). В обоих случаях покойника хоронили в одежде и с личными вещами, без которых, как полагали, он не мог обойтись в потустороннем мире. Над могилами насыпали курганы, считавшиеся обиталищем умерших, которых после проведения особых ритуалов причисляли к сонму предков.

Отсюда ведет свое начало культ предков с его многочисленными религиозными церемониями у могильников и курганов, которых на Руси было великое множество. Они располагались и в городах, и у околиц поселков, и на высоких берегах русских рек. В одном только Киеве

насчитывалось в X веке около 280 таких некрополей. Как свидетельствуют раскопки, погребений по обряду сожжения в поздний родовой период совершалось намного меньше, чем по обряду ингумации (трупоположения).

В раннеродовом обществе почти повсеместно было принято сжигать трупы. Похороны знатных русов (представителей племенной верхушки) обставлялись более пышно в сравнении с простыми смертными и сопровождалась сожжением рабынь или наложниц. Погребальное сооружение представляло собой выдолбленную лодку, помещаемую в неглубокой овальной выемке для кострища. Подробное описание обряда сожжения именитого человека мы находим у того же Ибн-Фадлана, наблюдавшего его при захоронении славянина в 921 году в городе Булгар в Волжской Болгарии. Во времена Святослава на кострах сжигали и погибших воинов.

Этот обряд был тесно связан с культом огня и солнца. По верованиям древних славян, как мы уже говорили, пламя наделялось очистительными свойствами. Кроме того, оно освобождало дух умершего, открывало ему царство света, приобщало к духам предков. Сожжение в корабле рассматривалось как отплытие покойного в страну мертвых.

Обычные, рядовые похороны, по описанию летописца Нестора, совершались по общепринятому образцу: «И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах».

В позднеродовом обществе у русов уже преобладал обряд трупоположения. Покойника хоронили в деревянном гробу, опускаемом в могилу прямоугольной формы. В гроб предварительно клали золу или уголь (отголосок трупосожжения), а также зерно или льняное семя (символ

вечной жизни). По обряду трупоположения, в частности, были погребены киевские князья Аскольд, Дир, Олег, Игорь, княгиня Ольга.

После похорон, как правило, устраивалась тризна — составная часть погребальной языческой церемонии торжественного прощания с умершим, сопровождавшейся военным ристалищем и надмогильным пиршеством. Эти обряды были обращены к жизни. А конные состязания посвящались солнечному божеству, символом которого являлся конь.

Экономическую основу жизни восточных славян составляло пойменное земледелие — возделывание злаков на заливных землях в долинах рек. Поэтому в их быту среди других религиозных языческих церемоний и действий центральное место занимали так называемые русалии — весенне-летний цикл аграрных обрядов, связанных с культом божеств и духов природы. Этот цикл включал такие праздники, как «семик» — по случаю завершения сева, Купала — солнцеворота и созревания злаков, Перунов день — в связи с началом жатвы. Главным русальным праздником был день Купалы, посвященный солнцевороту — самой прекрасной поре года, времени наивысшего расцвета природы, наибольшего тепла, безмерной щедрости солнца, его ярости. Здесь нашло отражение поклонение небесным и земным стихиям, солнцу, земле и воде, олицетворяемым божествами Ярилой, Купалой и Перуном, а также почитание духов земледелия, русалок и берегинь, охраняющих поля и селения, вызывающих дожди и росы в речных долинах — росях. Купальские игры проводились с 24 июня по 20 июля, завершаясь Перуновым днем.

День солнцеворота отмечался повсеместно и в странах Западной Европы, беря свое начало из римского празднования, посвященного двуликому Янусу. Во Франции янусов костер зажигал сам король. В основе этих игрищ также лежали культы стихий огня и солнца, рек и озер.

В них содержались сходные с купальскими элементы: почные костры, хороводы, пляски и песни, купание в реках, прыгание через костер, обливание водой у домов и на улицах, плетение венков из полевых цветов и опускание их в воду реки, гадания.

Но у славян купальские дни отличались своеобразием и большой широтой охвата земледельческих племенных культов, о чем свидетельствует славянский эпос. Одновременно они посвящались и сугубо земным делам — началу созревания хлебов и других злаков. В них отражались чаяния и надежды людей на изобилие, щедрый урожай. Главное же отличие от Западной Европы заключалось в том, что гульбища и игры проводились у воды, на берегах рек и озер. В этом проявлялось уважительное отношение славян к «высокочитимым» рекам, которые играли в их жизни первостепенную роль. Как ни в какой другой форме религиозно-обрядовых действий, в купальских празднествах отразилось этнокультурное единство славянских племен, которое воплощалось в межплеменных торговых связях, товарном обмене и военных союзах.

Суть народного праздника в те далекие времена преднамеренно или по недоразумению искажалась не только церковными, но и светскими историками, наделявшими его чертами самого ужасного варварства и дикости. Однако при серьезном рассмотрении открывается во всей полноте глубокое эпическое содержание купальских церемоний — высокое и благородное, свободолюбивое и человеческое. Именно это сумел увидеть в них великий русский драматург А. Н. Островский, создавая свою «Снегурочку», в которой наши предки предстают перед нами во всем их величии и красоте.

Красочность праздников не могла не привлечь внимания и многих наших летописцев, являвшихся носителями и выразителями христианской идеологии. Вот как описывает народное гулянье составитель Густынской летописи

(XVI в.): «...сему Купалу — бесу еще донныне по неких странах безумные память совершают, начнеше июня 23 дня в новечерие рожества Иоанна Предтечи да е до жатвы и дня далей сицевым образом: с вечера собираются простая чадь обоего пола и сплетают себе венцы из ядомого зелия или корения и препоясавшись былием возгнетают огонь: иные же поставляют зеленую ветвь и, емшеся за руце около, обращаются окрест оногo огня, поюще свои песни, преплетающе Купалом, потом через оный огонь прескакуют».

Летописи свидетельствуют о массовом характере купальского праздника, подчеркивают, что на игрища шел весь народ: «Егда бо придет самый праздник, тогда во святую ту ночь мало не весь народ или град возмететсЯ, в селах взбесятся, в бубны и сапели и гудением струнным, плесканием и плясанием». Так описывал гульбища игумен Елизаровской пустыни Памфил (XVI в.).

А ведь веком позже все эти игрища «бесовские» были напрочь запрещены, а с ними вместе — музыкальные инструменты и само исполнительство. Особому осуждению подвергли церковники вольности в отношении между полами, которые допускались в купальскую ночь. «Ту есть мужем и отрокам великое падение, мужеско, женско и девичье шептание, блудное им воззрение, и женам мужатым осквернение и девам растление». На самом же деле здесь мы видим разнообразные обряды и ритуалы мужского и женского посвящения, явившиеся отголоском древних культов плодородия и воспроизводства человеческого рода. Подобные «девишники» и «женихания» были любовно-эротическими играми в честь Рода и рожаниц — богов плодородия, покровителей брака и семьи. Названные игры разворачивались как сложная бытовая театрализация. Парни и девушки сначала собирались раздельно: первые готовили костер, вторые мастерили куклу — Купалу. Затем парни ловили девушек, пытаясь отнять

се у них. После того как это удавалось, куклу доставляли на берег реки, устанавливали на высоком месте и начинали игры около костра.

На Купалу наступало всеобщее веселье, сопровождавшееся звонкими песнями и азартными плясками. Атмосферу тех празднеств хорошо передает одна из белорусских народных песен:

Ой, рапа, рана, да на Яна
Вся земля дрожала от Купалы,
Да леса звенели, как мы пели...

Многие черты древнего праздника отражены в повести Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купалы». Сколько же таинственно-поэтического содержалось и в поисках цветущего папоротника, и в возжигании костра, и в полуночном купании в реках и прудах! Здесь как бы происходило слияние человека с природой, и в этом проявлялась великая сила человеческого духа, его жизнелюбие, оптимизм и устремленность в будущее.

Составной частью гуляний являлись также церемонии сбора трав и цветов, плетения венков, приготовления обрядового дерева — березы, дуба, клена или вербы и соломенного чучела Ярилы (отголосок некогда существовавшего фаллического культа). Устраивались ритуалы потопления обрядового дерева, сжигания чучела Ярилы, опускания венков в воду реки и гадания по ним и, наконец, полуночного и полуденного купания. Купальское дерево — Морана, или Мара, олицетворяло смерть, зиму, и его потопляли вместе с Купалой, как бы прощаясь с летом, с Ярилой-солнцем. Перечисленные действия носили еще и магический характер и должны были вызвать дождь, необходимый для созревания хлебов и плодов. Опуская куклу в реку, приговаривали: «Плыви, Купала, за водою». Купальское дерево ломали на части, веточки его уносили домой и бросали в огород, чтобы дозрели овощи. Часть кустиков заносили в избу до будущего года.

Купальские праздники наиболее глубоко укоренились в южных областях Киевской Руси и дольше всех сохранялись на Украине. В северных землях, в Приильменье, в чудском крае этот день отмечали как праздник юношества, посвящаемого в совершеннолетие. Здесь также обряжалось купальское дерево, Купала пряталась девушками от парней. Похищение куклы выливалось в своеобразные состязания в ловкости и сопровождалось песнями и танцами. Как и в Поднепровье, возжигались от «древесного огня» — трута и огнива костры. Прыгание через костер было ритуалом «очищения». Прыгали и парами, взявшись за руки. Считалось, что если руки не разнимутся, то парень и девушка поженятся.

Наиболее впечатляющим обрядом купальского праздника было пускание венков по воде, к которым прикрепляли зажженные от костра просмоленные лучины или свечи. Существовало поверье, что чем дольше будут гореть огни, тем дольше будет жить тот, кто их зажег.

Этот обычай начинает возрождаться в наше время: часто венки с огнями опускают в воды рек в память о тех, кто сражался и погиб за Отчизну в годы Великой Отечественной войны. Подобный же ритуал проделывают и в море на месте гибели военных кораблей.

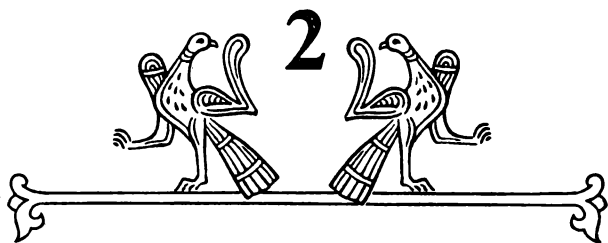
Многие древние обычаи, а также элементы языческих культов духов рек, родников, колодцев сохранились до наших дней в Нечерноземье и в северо-западных областях РСФСР.

Мне приходилось в 60-х годах видеть общие сельские купания в день Купалы во Владимирской и Горьковской областях. При этом входили в воду все вместе: мужчины, женщины, подростки и малые дети.

В ряде мест у так называемых «святых» водных источников жители округи и поныне совершают «целительные» летние и зимние омовения, которые иногда сопровождаются заговорами от разных болезней.

Имеет место и паломничество. Так, многочисленные посетители Троице-Сергиевой лавры в Загорске во время летних праздников после богослужений в храмах направляются к «святому» источнику, находящемуся в нескольких километрах от монастыря, где происходит «целительное» коллективное купание верующих и неверующих. Здесь же купают младенцев и подростков, чтобы оградить их от «нечистой силы» и болезней.

Поскольку в данном случае налицо чисто языческий характер водного ритуала, церковнослужители не принимают в нем никакого участия. Однако и не запрещают паломничество к роднику, боясь отпугнуть прихожан от лавры.

Последний поход и гибель Святослава

6479 год после сотворения мира, или 971-й от рождества Христова... На территории Болгарии второй год шла кровопролитная война киевского князя Святослава с императором Византии Иоанном Цимисхием. В жестоких сечах таяли русские полки, а греки все подтягивали свежие силы. Когда пала последняя крепость Доростол, Святослав отступил в свою новую столицу Переяславец и решил как можно скорее возвратиться в Киев. И хотя его последняя битва, произошедшая в день Перуна — 20 июля 971 года, не была проиграна, он согласился начать переговоры с Цимисхием о мире, стремясь сохранить остатки своего войска. Рассчитывать на поддержку со стороны болгар ему не приходилось в связи с их полным поражением в битве под Аркадиополем, после чего вся Болгария оказалась оккупированной греками, ее столица Преслав подверглась разграблению, а болгарский царь Борис и его семья были уведены в плен.

Святослав отправил к Цимисхию свое посольство во главе со Свенельдом — варягом, бывшим воеводой болгарской армии, которая в союзе с русскими войсками едва не овладела Царьградом в начале того же года. Цимисхий принял Свенельда с нескрываемой радостью и поторопил-

ся составить текст мирного договора, написанного на греческом и русском языках. В нем, в частности, говорилось:

«Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором эту клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым царем греческим, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то и я ему буду противником и буду воевать с ним... Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною, будем прокляты от бога, в которого веруем — в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Конечно же, договор был продиктован русским греческой стороной, поэтому Святослав и не захотел подписывать его сам. Пусть, мол, воевода Свенельд ставит на нем свою печать и за все в нем сказанное отвечает.

Почему в документе упоминаются греческие цари Василий и Константин? Сколько же в то время у греков было царей? Все объясняется просто: здесь подчеркивалась договорная перспектива. У Цимисхия своих детей не было, и он в качестве преемников прочил на престол кого-либо из двоих сыновей бывшего императора Никифора — собственного двоюродного брата, убитого им в 969 году. Цимисхий не зря беспокоился о наследниках: вскоре его отравили. Как и предполагалось, на императорском престоле обосновался один из упомянутых в тексте царей — Василий II, прозванный «Болгаробойцей».

И еще одно важное обстоятельство: в соглашении особо оговаривается право греков на «Корсунскую страну», то есть на крымские земли и города, где имелись также и русские владения, жило русское население, как, например, в Приазовье и в самой Корсуни (Херсонесе).

Помимо договорных условий был произведен обмен пленными, дружине Святослава предписывалось покинуть Болгарию и возвратиться на своих судах домой, чему греки обязывались не препятствовать.

По заключении договора Цимисхий на радостях послал по две меры муки на каждого русского воина, зная о том, что из шестидесятитысячной армии киевского князя в последних боях погибло 38 тысяч.

Однако свою победу греки приписывали только чуду, сотворенному с помощью великомученика Феодора Стратилата, которому якобы явилась Богородица и сказала: «Феодор! Твой царь воюет со скифами и находится в крайних обстоятельствах, так поспеши же ему на помощь!»

Кстати, согласно византийцам, всякий раз, как только русские подступали к греческим владениям, в события непременно «вмешивалась» Богородица — Одигитрия и «спасала» греков и греческих царей. Ну а на сей раз Пресвятая дева «позаботилась» о том, чтобы «скифы» поскорее убрались из Болгарии и тем самым позволили империи покончить с независимостью Болгарского царства.

По случаю «чудесного» завершения войны Цимисхий приказал заложить храм на месте могилы Феодора Стратилата, а город Евханию (Доростол), в котором почивали нетленные мощи святого, переименовать в Феодорополь. В честь победы с жителей сняли подать и выпустили монету с изображением Спасителя и надписью: «Иисус Христос Царь Царей». Велика была печаль русских, которым предстоял долгий путь домой. Превозмогая себя и боль от тяжелых ран, Святослав перед уходом из Пе-

реяславца отправился на встречу с Цимисхием к крепости Доростол, стоявшей на другом берегу Дуная.

По словам очевидца, знаменитого византийского историка Льва Дьякона, Иван Цимисхий, по происхождению армянин, два года назад убивший при содействии царицы греческого царя Никифора, теперь представлялся во всем блеске и великолепии императора. Он сидел верхом на коне в расшитой золотом одежде и в блистающих доспехах в окружении не менее разряженных вельмож. Все заметно волновались по поводу встречи со Святославом, одержавшим ранее столько побед над греческими армиями. И вот все увидели, как киевский князь переезжает реку в простой «скифской» ладье, сидя наравне с гребцами на веслах. Он почти ничем не отличался от остальных русских. Бросив весло, Святослав остался сидеть на скамье и сидя разговаривал с императором, который тоже не сошел с коня, не желая показать противнику свой слишком малый рост (Цимисхий в переводе с армянского означает «маленький»).

Лев Дьякон дает достоверную и яркую характеристику русского князя: «Видом же он был прост, среднего роста — не слишком высок, не слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с обыкновенным посолом, с бритой бородой и с густыми длинными усами. Голова его была начисто обрита, только на одной ее стороне висела прядь волос, означающая знатность рода, принятого у славян. Шея была крепкой, плечи широкими и стан довольно гибкий и сильный. Он казался мрачным и суровым. В одном ухе у него висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами посередине. Одежда его была из белого полотна, ничем кроме чистоты не отличаема».

Поговорив немного с императором об условиях мира, Святослав подал знак гребцам, и ладья поплыла к другому берегу. Греки же, как вкопанные, остались стоять на месте. Создалось впечатление, что их покидал не побеж-

денный «скиф», а грозный воитель, презиравший мишуру придворной камарильи.

Однако Цимисхий, провожая глазами удалявшуюся ладью, думал о том, как бы перехватить своего самого опасного противника на его пути в Киев. После встречи он поспешил отправить к печенегам личного посланца Феофила Евхаитского, чтобы сообщить им: «Вот идет Святослав домой в Русь с малой дружиной, взявши у греков богатства бесчисленные».

Зная или догадываясь об этом, русский князь, прежде чем войти в устье Днепра, стал держать совет с дружиной. Ему хотелось как можно скорее добраться в Киев, поэтому он предложил кратчайший путь: минуя днепровские пороги, пробиться сквозь печенежские засады. Только многоопытный воин Свенельд советовал идти в обход, через степи правобережья, добывая с боя коней у кочевников. Большинство было на стороне князя, и все же порешили послать меньший отряд во главе со Свенельдом посуху, а остальным двигаться к порогам.

Святослав еще питал слабую надежду на честное слово Цимисхия и, только подойдя к порогам, понял, что ошибся. Здесь его ожидало столько печенегов, что ему стало ясно: пробиться сквозь них с такими малыми силами невозможно. Надвигались холода, и решено было отойти назад в Белобережье и зимовать там. Эта зима оказалась крайне тяжелой. Иссякли все съестные припасы, питались одной рыбой, начался страшный голод, и многое число воинов погибло.

Весной 972 года, как только освободился от льда днепровский путь, Святослав решился на крайний шаг — попытаться с боем пробиться через пороги, где его терпеливо подкарауливали печенеги, предводительствуемые Курей.

В последнем смертельном бою была перебита вся русская дружина, и только много дней спустя в Киеве стало

известно о гибели князя. Куря приказал сделать из его черепа чашу, окованную серебром, пил из нее вино на пирах и похвалялся своей победой над великим русским воином. Сам же впоследствии он погибнет от руки внука Святослава — Мстислава, который окончательно разгромит печенежские орды.

Святослав — выдающийся военачальник, бесстрашный рыцарь битв и сражений. Он не знал поражений, пока не столкнулся с невероятно хитрым и коварным врагом, каким оказалась Византия. Прямодушный и бескомпромиссный славянский воитель, презирающий всякую ложь и предательство, стал жертвой вероломной политики византийских правителей. Сначала император Никифор Фока втянул его как союзника в войну с Болгарией — страной, грозившей покончить с Константинополем. Русский князь завоевал почти всю восточную ее часть, но как только силы его армии и силы болгар были истощены, другой император — Иоанн Цимисхий повернул оружие против Святослава и сумел нанести ему поражение, вынудив его заключить мир с империей и покинуть Болгарию. Все могло повернуться иначе, если бы с самого начала Русь и Болгария действовали как союзники.

Чтобы не допустить возможности русско-болгарского союза в будущем, Цимисхий заставил болгарского царя Бориса отречься от царского титула и принять титул сановника императорского дома. Таким образом, вся восточная часть Болгарии с ее столицей Преславом была надолго аннексирована Византией. Возникла еще одна преграда в развитии торговых и культурных связей Киевской Руси с придунайскими странами.

Можно лишь догадываться, какое сильное душевное потрясение испытали Святослав и его верные сотоварищи после поражения и сдачи крепости Доростол. Ему, одержавшему победы в бесконечном числе битв, было над чем задуматься, и наверняка одной из причин своей

неудачи он считал немилость к нему славянских богов, тем более что греки похвалялись при нем о покровительстве им их богов и самой Богородицы. Не потому ли, еще находясь на Дунае, Святослав решил выместить гнев на божествах своих врагов, немедленно отправив нарочных в Киев с повелением уничтожить все христианские храмы и молельни, построенные его матерью княгиней Ольгой? В «Истории епископа новгородского Иоакима» говорится о том, как подверглись на Руси первым гонениям последователи новой религии: среди княжеских дружин распространился слух, что это киевские христиане прогневали языческих богов. Святослав якобы покарал многих своих крещеных дружинников и даже убил собственного брата Глеба, который не захотел отречься от православной веры. Обвиняя киевских священников в своем поражении, князь повелел «храмы христиан разорить и сжечь, и сам вскоре пошел, желая всех христиан погубить».

Здесь вымысел церковного историка переплетается с действительностью. Святослав не мог не заметить, что его дружинники молятся разным богам, что это наносило ущерб единству его войска. По всей видимости, он пришел к выводу о необходимости каких-то решительных мер с целью приведения всего народа к единой вере, наследуемой от отцов и дедов. И то, что не успел сделать Святослав, попытался осуществить его сын Владимир десять лет спустя после гибели своего отца.

А факт сожжения киевских церквей подтверждают раскопки: археологи обнаружили один из фундаментов разрушенного в тот период храма, а на нем — вновь сооруженное языческое капище и требище, посвященные Перуну.

Святослав, хотя о нем написано немало, остается загадкой не только для писателей, но и историков. Он являлся подлинно русским киевским князем, глубоко осо-

знающим свою роль в судьбах Руси. Святослав выступает как истинный славянин, пытаясь в противовес Константинополю и Риму реализовать в своей политике идею единого государства восточных и южных славян, способного не только противостоять христианским цивилизациям, но и успешно развиваться на собственной самобытной почве.

«Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина моей земли, туда стекаются все блага: из греческой земли — золото, паволоки, вина и различные плоды, из Чехии и Венгрии — серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рыба». В этом проявились его ум и дальновидность. После гибели князя и императоры Византии, и короли Священной Римской империи упорно проводили линию на разобщение славян, всячески противодействуя их сближению или объединению, используя в этих целях и религиозную рознь между ними.

Княгиня Ольга не разделяла грандиозных планов сына и считала, что в первую очередь следует заняться делами в своем собственном княжестве. Ее беспокоило и огорчало длительное отсутствие Святослава, который лишь изредка навещался в Киев, да и то только затем, чтобы собрать новые дружины для продолжения войны с греками и достижения своей главной цели — создания могучего славянского государства на Дунае. Но уговоры матери переключиться на внутригосударственную деятельность не увенчались успехом. Не хотел Святослав, как и прежде, слышать и о принятии греческого православия, сохраняя верность заветам и традициям отцов и дедов, а также своему покровителю — богу-воителю Перуну. Он считал для себя позором взять веру заклятых врагов Киева, которые, прикрываясь именем их главного бога, причинили Руси столько вреда и нанесли немало обид. По тем же причинам князь запретил крестить и своих сыновей.

В отсутствие Святослава столица Русского государства не раз подвергалась набегам печенегов со стороны Поля.

Особо опасным был их рейд в 968 году. Взяв Киев в кольцо осады, кочевники в течение нескольких недель штурмовали его укрепления и чуть было не захватили город. Недобрую весть принесли Святославу в Переяславец киевские гонцы, заявив: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих». Приняв этот горький и справедливый упрек, он поспешил с дружинами на выручку и прогнал печенегов в Поле. «И наступил мир», — с облегчением сообщает летописец, как бы подчеркивая мысль о том, насколько необходима была Киеву крепкая и надежная княжеская власть.

Святослава называли сыном Ярилы. Такое прозвище он получил потому, что, согласно легенде, был зачат своей матерью княгиней Ольгой не от старого Игоря, которому тогда было около семидесяти лет, а от некоего «русского мужа» в одну из ночей в период ярилиных молодеческих игр.

Дети, зачатые во время этих весенних праздников, получали прозвище «ярилиных детей», а их детей, зачатых при тех же обстоятельствах, называли «ярилиными внуками». Именно таким «ярилиным внуком» являлся Владимир Святославич, рожденный от Святослава княжеской прислужницей Малушей Любечанкой. А законными детьми Святослава считались лишь двое — Ярополк и Олег.

Ярополк на Киевском престоле

Гибель Святослава была воспринята в Киеве как великое горе всего его населения. Кто же теперь защитит столицу от набегов кочевников? Сохранится ли власть Киева над другими городами? Посаженному на престол сыну Святослава — Ярополку от роду всего 12 лет, и дру-

жина при нем малочисленна. Повсюду царили неуверенность и растерянность.

В это время у городских стен появился небольшой отряд воеводы Свенельда, которому удалось с большим трудом пробиться к Киеву, потеряв на долгом пути большую часть своей дружины. С прибытием воеводы произошли заметные изменения дел в княжестве к лучшему. Соратник и сподвижник Святослава сумел навести порядок в городе и усилить его оборону. Он укрепил также связи с другими городами и весями Киевского княжества и постепенно сосредоточил в своих руках всю власть.

История выдвигает подчас на первый план не только князей и царей, но и выходцев из различных слоев общества, в том числе и из самых низов. Именно они иногда добивались не только высокого положения в государстве, но и оказывали влияние на происходящие в нем процессы. Такого рода исторические личности появлялись и в нашей, отечественной истории, выдвинувшись как талантливые полководцы, государственные деятели, политики и т. д. Многих вынесло на гребень политической жизни случайно, благодаря тому, что однажды они попали в поле зрения монарха. Такими были Меншиков, Разумовский, Потемкин и другие. Иногда выдвинувшийся человек не становится властителем дум эпохи, но его поступки оказываются судьбоносными для всей последующей истории государства. Вернемся в 40-е годы X века.

Вскоре после гибели князя Игоря, казненного древлянами, его жена княгиня Ольга предприняла великий объезд русских земель для установления своих органов власти в городах и селах, а также во вновь создаваемых погостах (местах для постоя княжьих людей). На обратном пути домой она остановилась в городе на Днепре — Любече, охранявшем подступы к Киеву с севера. Здесь во время встречи с городскими старшинами Ольга заприметила детей одного из них — Малка Любечанина, поразив-

ших ее своей красотой и статностью. Дочь звали Малушей, а сына — Добрыней. Брат и сестра, что называется, пришлись ко двору. Малуша стала ключницей (экономкой) в княжеском тереме, а Добрыню включили в состав теремных служб. Вскоре юноша начал быстро продвигаться по служебной лестнице, удостоившись звания стольника. Есть сведения о том, что сперва был он «конюхом да приворотничком», а позже «стольничал-чашничал девять лет».

Былинный Добрыня Никитич хотя и привязывается ко времени Владимира Красное Солнышко, вовсе не является Добрыней — сподвижником князя. Былинные богатыри соотносятся со всей эпохой великого расцвета Киевской Руси, охватывающей целое столетие — от Владимира I до Владимира II Мономаха. В былинах Добрыню величают по отчеству Никитичем, тогда как реальный Добрыня имел отчество Малкич или Мистишич. Во времена Владимира Святославича христианское именованье еще не имело распространения среди русичей, и такие имена, как Иван, Василий, Никита, появились не ранее середины XI века.

История последующей жизни Добрыни и Малуши оказалась бурной и романтической. Оба этих имени канули бы в Лету, если бы не тот довольно банальный случай, который имел столь далеко идущие последствия: ключница Малуша стала наложницей молодого князя Святослава и не замедлила народить ему сына, названного Владимиром. Однако для Малуши эти события обернулись бедой. Негодная служанка, не оправдавшая доверия госпожи, была сурово наказана — сослана в дальнее село Будутино. А ее младенца, вероятно, отдали на воспитание Добрыне: по старому обычаю, дядя становился воспитателем и кормильцем собственного племянника — воем. По всей видимости, и сам Святослав не остался безучастным к своему отпрыску, оказывая всяческое расположение

Добрыне. Как только скончалась княгиня Ольга, Владимир был приобщен к княжеским детям, хотя и считался незаконнорожденным. Из-за своего низкого происхождения от холопки, рабыни за ним закрепилось прозвище «рабичич».

О судьбе его матери в летописях не дается никаких подробностей. Правда, некоторые историки предположительно связывают с Малушей короткое сообщение, датированное 1000 годом: «Преставилась Малфрида». Другие считают упоминаемую Малфриду древлянкой, одной из жен Владимира, матерью двух его сыновей — Святослава и Мстислава.

И тем не менее судьба Малуши волновала воображение многих авторов исторических романов. Так, писатель Семен Скляренко построил на этом трагическом сюжете свой роман «Владимир», в котором вся жизнь матери и ее сына пронизаны несбыточным и неутешным стремлением отыскать друг друга, излить друг другу любовь своих сердец. Отсюда происходят и многие авторские отступления от исторической правды, и приближение реального образа Владимира к житийному, иконописному.

По всей видимости, на самом деле все обстояло просто и естественно: Малуша тихо и спокойно дожила свой век в одном из княжеских теремов. Не могла же она быть брошена на произвол судьбы своим братом — Добрыней, который, состоя в родстве с Владимиром, до конца жизни пользовался его покровительством. К тому же ссылать ее, прятать где-то в глуши, дабы скрыть родственные связи с нею Владимира, не было никакой необходимости: никто в те времена секретов о происхождении князя не делал.

Нельзя отрицать, что печать «рабичича», или «сына рабыни», прочно пристала к личности Владимира и, возможно, тот факт, что в его жилах текла кровь простолюдинки, сыграл немалую роль в формировании кня-

жеского характера. Отсюда могли проистекать и близость к простому народу, и отсутствие тех барских повадок и замашек, какие были характерны для его сыновей и внуков.

Звездный час Владимира пробил, когда ему еще не исполнилось и десяти лет. Только благодаря уму и энергии Добрыни он избежал участи побочного княжеского отпрыска, затерянного среди многочисленной челяди великокняжеского двора. Законные наследники Святослава, его двое сыновей — Ярополк и Олег в случае гибели отца заняли бы его место, и тогда Добрыне пришлось бы убраться подобру-поздорову из Киева. Таким образом, от будущего племянника зависело и будущее дяди, поэтому он выжидал удобного случая, чтобы начать действовать.

Уходя в очередной (как оказалось, последний) поход на Дунай, Святослав, не предполагавший его гибельного исхода, лишь формальным образом определил своими наместниками маленького Ярополка в Киеве, а в Чернигове — меньшого сына Олега. Он считал это дело поконченным, как вдруг произошло событие, заставившее его вновь вернуться к вопросу о назначении наместников. В Киев перед самым отъездом Святослава прибыла депутация из Новгорода, возглавляемая посадником, и приступила к нему с настоятельной просьбой назначить и Новгороду князя, который был бы связующей фигурой в отношениях между боярами и посадским людом, ибо управлять ими становилось невозможно. Новгород хотя и сохранял автономию и независимость от Киева, но платил ему установленную дань. Где же было новгородцам искать наместника, как не в Киеве? Не обращаться же снова к варягам? Так, впрочем, послы и заявили Святославу: «А если не пойдете к нам, то мы на стороне отыщем себе князя!» — «Да где же я возьму вам князя? — взмолился Святослав. — Вот поговорю с сыновьями, может, кто и согласится». Но Ярополк и Олег наотрез отказались.

И тут свою роль сыграл Добрыня, заслуживший к

тому времени у Святослава авторитет и доверие и как воевода, и как дядя его внебрачного сына. Воспользовавшись случаем, он шепнул новгородским посланцам: «Просите Владимира». Те приступили к Святославу: «Отдай нам Владимира!» И князь, выказывая свое обычное добродушие, уступил их просьбе: «Вот он вам!» Владимир как раз оказался под рукой. Ох, и хитер был этот Добрыня! Мальчик приглянулся новгородцам: рослый и пригожий, весь в мать — Малушу.

Так разошлись пути-дороги Святослава и трех его сыновей: князь пошел с дружиной на Дунай, Ярополк остался в Киеве, меньшей Олег отправился в Чернигов, а Владимир вместе с Добрыней, назначенным новгородским посадником, — в Новгород...

После гибели Святослава прошло три года. Княжата подросли, а Ярополк уже подавал надежды как достойный воспреемник дел своего отца¹. Как бы там ни было, но в этот период оживилась торговля с греками, болгарами, а также внутри государства. Строились новые города. Влияние Свенельда было по-прежнему велико.

По свидетельству летописцев, Ярополк не питал вражды к своим братьям, так как полагался на незыблемость отцовских установлений². Он даже намеревался всту-

---

¹ Возможно, Ярополк и Олег, несмотря на запрет отца, были окрещены их бабкой — Ольгой. В княжеском тереме на Горе проживала бывшая греческая монашка, привезенная ранее Святославом с Дуная и отданная в услужение Ярополку, которая потом стала его наложницей. Ее имя так и осталось неизвестным, как и ее дальнейшая судьба после гибели Ярополка и рождения ею от него сына Святополка — того самого, который вошел в историю как Святополк Окаянный за убийство своих братьев — Бориса, Глеба и Святослава.

² Некоторые писатели, в частности С. Складенко, представляют Ярополка коварным, вероломным интриганом и политиком, что противоречит сведениям, содержащимся в летописях. Да и факты, приводимые ими самими, говорят о противном. Более того, Ярополк в ряде случаев проявил излишнюю доверчивость и благородство, которые и привели его к гибели.

пить с ними в союз для укрепления обороны княжества и надеялся на признание ими его главенства в этом союзе.

Весною 975 года сын Свенельда — Лют охотился в дальних лесах и, преследуя зверя, забрался в глубь древлянских земель. Там в это время находился Олег — младший брат Ярополка. По-видимому, в Чернигове росло недовольство усилением власти Свенельда и поэтому, узнав, что в его владениях хозяйничает отпрыск ненавистного варяга, Олег приказал убить Люта. Получив известие о гибели сына, Свенельд решил отомстить за его смерть. Он внушил Ярополку необходимость войны с Олегом и полного подчинения Чернигова Киеву: «Пойди на своего брата и захвати волость его». Однако князь довольно долго не внимал этим доводам и лишь два года спустя согласился предпринять поход на древлян.

Древляне были наготове. Их дружины вышли навстречу Ярополкову войску, которым командовал Свенельд, и остановили его у города Овруча. Дружинники Олега после короткой стычки были опрокинуты и бросились спасаться в стенах Овруча. На мосту через ров создалась страшная давка, множество воинов сорвалось вниз и погибло. Войдя в город, Ярополк принялся повсюду искать брата, но не мог нигде найти, пока один из древлян не сообщил ему, что черниговского князя спихнули с моста. Ярополк приказал разобрать ров. Вскоре на самом дне под грудой других тел обнаружили тело юного Олега. Ярополк горько заплакал над ним и, обращаясь к Свенельду, произнес: «Смотри, вот ты чего хотел!»

Олега похоронили с большими почестями у стен Овруча. Ярополк возвратился в Киев. С этого момента Свенельд уже не входил в состав приближенных князя и, вероятно, отбыл в страну своих предков к туманным берегам Варяжского моря. Место воеводы занял лстивый и изворотливый Блуд, назначение которого явилось роковой ошибкой Ярополка, приведшей его к гибели.

Внук Ярилы выступает против Ярополка

Тем временем на широком приволье Приильменя подрастал под присмотром своего дяди Добрыни теперь уже единственный брат Ярополка — Владимир. В свои шестнадцать лет он выглядел настоящим молодцом — рослым, статным и ловким. Был участником всех драк и потасовок со сверстниками, азартным охотником и рыболовом. Добрыня исподволь готовил племянника ко всем возможным испытаниям, ожидая своего часа для вступления в борьбу за место под солнцем. Дядя предвидел, что в Киеве не станут долго терпеть его как новгородского посадника, а Владимира — в качестве наместника и постараются избавиться от обоих тем или иным способом.

Стремясь опередить своих противников, он занимался детальной разработкой плана решительных действий по овладению киевским престолом. Приучал племянника к дальним переходам, прививал ему навыки командования дружиной в бою, посылал его «за море» — на Балтийское побережье, чтобы тот освоился с поморами и свеями, попробовал вербовать из них воинов и привлекать к себе на службу шведских ярлов-воевод. В те же времена Владимир обзавелся женой и первыми детьми, как и было положено всякому порядочному мужу княжеского рода.

Новгородский русский северо-западный край, по территории сравнимый с большим европейским государством, был издавна населен не только словенами, как сами себя стали называть славяне со времен освоения этих земель, но и финскими племенами балтийской группы — карелой, чудью, весью, мерей и другими.

Новгород стоял на стыке водных путей между Варяжским и Белым морями, между Ладогой и Ильменем, в начале великого пути «из варяг в греки». Отсюда и его лицо — торгового города-посредника, где сходились тор-

говые маршруты: из Византии, районов побережья Балтийского, Белого и Северного морей, Поволжья. В товарный обмен втягивались народы всего балтийского Поморья и скандинавские племена, откуда то и дело прибывали находники. Город фрахтовал их морские и речные суда, нанимал норманнов на службу для охраны своих речных караванов с товарами, ходивших аж до самого Константинополя и берегов далекого Хвалисского (Каспийского) моря, в города Хазарского каганата. Об этом свидетельствуют многочисленные клады, найденные в разных местах новгородского края: среди драгоценностей в них было много монет — иранских, византийских, римских, арабских.

Каким был в те времена Новгород? Каменных строений тогда еще в нем не существовало, лишь кое-где дома ставились на фундаменты из камня. Крепостных стен, мостов через Волхов тоже не было. На левом берегу Волхова высились высокие боярские терема с крышами из дранки. Поблизости от них стояли купеческие дома и амбары, а в стороне от центра городились повети (навесы из камыша), рылись норы, покрытые жердями и тростником, в которых жил простой городской люд: оружейники, корабельщики, литейщики, плотники, гончары. Со времен княгини Ольги появились в этом крае христиане. Была у них и своя деревянная молельня. Относились к ним терпимо, тем более что большинство их составляли купцы.

Строения теснились ближе к реке. Можно сказать, Новгород в описываемое нами время жил не «на земле», а «на воде» и свое «земное» лицо окончательно обретет лишь полвека спустя, при Ярославе и Владимире Мономахе, когда начнут застраиваться обе стороны по берегам Волхова — боярская (Софийская) и посадская (торговая), соединенные знаменитым мостом. При Ярославе (около 1050 г.) будет построена и София Новгородская.

Как только стало известно о гибели Олега, Добры-

ня поспешно спарядил Владимира за море собирать дружины из поморов и варягов, полагая, что Ярополк не замедлит сместить своего брата, и если сам он не додумался до этого, то уж бояре постараются его надумать, тем более что им было хорошо известно, какую власть имеет Добрыня со своим племянником над Новгородом и всем Русским Севером. Не в этот ли самый момент Ярополк совершил роковую ошибку, решив сместить Добрыню и Владимира и назначить другого посадника? Все могло для него повернуться иначе, если бы он пошел с ними на мировую, признав их право оставаться в Новгороде.

Около двух лет отстраненные от власти Добрыня и Владимир вербовали воинов и собрали довольно большие силы, составленные не только из новгородских дружин, но и из крупных отрядов варяжских наемников.

Тем временем Ярополк совершил успешный поход на печенегов, разбил их наголову и, отомстив таким образом за смерть отца, обложил данью. Эта победа над грозными кочевниками произвела сильное впечатление на правящие круги Византии, и последовало незамедлительное согласие недавно воцарившегося на престоле императора Василия II платить Киеву крупную дань только лишь за то, чтобы русы не предпринимали новые походы на Дунай или на Константинополь.

Теперь положение киевского князя значительно укрепилось и ничто, казалось, не предвещало грозящую ему с чьей бы то ни было стороны опасность, тем более что в Новгороде сидел его новый наместник, заменивший смещенного Владимира. По-видимому, своего сводного брата Ярополк не принимал в расчет, так как он по всем данным не мог претендовать на великокняжеский киевский стол. Но события опровергли эти расчеты. Владимир вместе с Добрыней не только не смирились с волей великого князя, но и заставили его крепко задуматься о своей дальнейшей судьбе.

Все началось с того, что Владимир и Добрыня нагрянули со своими дружинами в Новгород и прогнали наместника. Отпуская его в Киев, они наказали ему передать Ярополку, что начинают против него войну: «Владимир идет на тебя». Однако объявление войны последовало либо после нападения новгородских дружин на Полоцк, либо его вообще не было. О выступлении против Ярополка стало известно только после захвата Полоцка. Согласно летописям, поводом для нападения на город явилось неудавшееся сватовство Владимира к дочери полоцкого князя Рогволода — Рогнеде. Еще раньше ее сосватали в жены киевскому князю, поэтому посланным к ней сватам Владимира она ответила так: «Не хочу идти за сына рабыни, а хочу за Ярополка». Оно и понятно: Ярополк — законный киевский князь, а Владимир — неизвестно кто, незаконнорожденный. И хотя его мать не была рабыней, а занимала при дворе княгини Ольги должность ключницы, то есть возглавляла ее прислугу, являлась экономкой, все же она считалась холопкой. Отказ Рогнеды привел Владимира в ярость неопишущую, вот почему разбойное нападение на Полоцк подается летописцем как акт мести за нанесенное ему оскорбление.

Но по логике вещей главной причиной похода на город стало не само это неудачное злосчастное сватовство, а стремление расчистить дорогу новгородским дружинам к Киеву, преграждаемую полоцким князем — союзником Ярополка и его предполагаемым будущим тестем. Как известно, основные пути к Киеву были водными и контролировались заставами полочан, которые взимали дань и с купцов, и с дружин, следовавших по рекам через волоки.

Полоцкое княжество, по сути, являлось со времен Рюрика одним из шведских форпостов на Руси, и если новгородцы к моменту описываемых событий давно уже освободились от присутствия шведских гарнизонов на

своей территории, то в Полоцке варяги при помощи норманнских дружин довольно прочно удерживали свои позиции, укрепляя самостоятельность княжества. Его столица была надежно защищена не только естественными водными преградами, болотами и топями, но и оборонительными крепостными сооружениями. Рогволод поддерживал постоянные торговые и союзнические связи с норманнами и Поморьем. Все это позволяло ему вести себя независимо по отношению и к Новгороду, и к Киеву.

Войско Владимира было хорошо укомплектовано и подготовлено к боевым действиям. В него входили около двух тысяч закованных в броню шведских наемников во главе с ярлом Фулиером, новгородские дружины вместе с отрядами финских племен общим числом около десяти тысяч. Имелось великое множество тяжелых и легких судов — норманнских лайв и шнеков, новгородских ушкуев, учанов-однодревков.

В начале лета 978 года из озера Ильмень войнство Владимира вошло в устье Ловати, проплыло вверх к Днепру, преодолело волоки и, войдя в воды Полоти и Двины, оказалось у стен Полоцка. Для полочан это явилось полной неожиданностью. Атака новгородцев была настолько мощной, что сопротивление дружин Рогволода прекратилось довольно скоро, а население самого города не поддержало своего князя, натерпевшись немало от своеволия иноземцев. В короткой и жестокой сече пало все войско Рогволода, а сам он и оба его сына — Роальд и Свен были убиты. Владимир вошел в Полоцк и объявил жителям о заключении с ними вечного мира и союза, а также об оставлении в городе своего наместника с малой дружиной.

С этого дня Рогнеда становится не только «военным трофеем» Владимира, но и одной из его жен. Известно также, что после победы над Ярополком она по приказу Владимира переселяется в Киев, помещается в пригород-

ное сельцо на реке Лыбедь и становится главной избранной супругой любвеобильного князя, привязанность и глубокие чувства которого к ней подтверждаются хотя бы тем, что за весьма короткий период их супружества Рогнеда родила ему четырех сыновей и двух дочерей.

Лаврентьевская летопись дает более подробное описание событий, упирая на то, насколько жестокой и разбойной была месть Добрыни и его племянника Владимира за нанесенное им оскорбление: «Услышав же, Владимир разгневался за ту речь, за то, сказала «не хочу за сына рабыни», пожаловался Добрыне и пришел в ярость и, взяв войска, пошел на Полоцк, и победил Рогволода. Рогволод же укрылся в городе. И подступили к городу, и взяли город, и самого Рогволода пленили, и жену его, и дочь его...»

Далее автор летописи рассказывает о позоре Рогнеды и ее родителей: «И Добрыня поносил его (отца Рогнеды.— *В. Р.*) и дочь его, вспоминая ей о сыне рабыни, и велел Владимиру быть с нею (надругаться над нею.— *В. Р.*) перед отцом ее и матерью. Затем отца ее убил, а ее саму взял в жены. И была она названа Гориславой... Владимир же после того имел много других жен и стал ею пренебрегать...»

Повествует летописец и о том, как были прерваны супружеские отношения между Владимиром и Рогнедой около десяти лет спустя после полоцкого побоища, когда князь вознамерился вступить в брак с греческой царевной Анной. Его привязанность к жене, однако, не помешала ему поступиться своими супружескими чувствами ради достижения тех политических выгод, которые открывались при заключении нового брака...

Вскоре центр событий переместился с северо-запада в Киев. Это стало поворотным моментом всей истории Киевской Руси, началом установления крепкой власти над всеми русскими землями, которые необходимо было объ-

единить в единое государство и создать условия для развития нового феодального общества.

Твердая рука Добрыни упорно и настойчиво направляла волю своего юного племянника на осуществление честолюбивых замыслов, достижение своих целей любыми средствами. Теперь оставалось завершить начатое — убрать со своего пути последнего соперника, завоевав Киев. Решено было склонить на свою сторону киевского воеводу Блуда.

Вот как описывает сговор летописец, проявляя явное сочувствие к Ярополку — жертве жестокой политики Добрыни и Владимира, жертве предательства самого доверенного лица — Блуда: «Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с лживыми словами: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня, не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: «Буду с тобой в любви и дружбе».

Далее следует целая тирада, обличающая Блуда: «О злая ложь человеческая! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, поднял на меня ложь». Этот же обманом задумал коварство против своего князя... Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие, безумцы те, кто приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляет погубить жизнь своего князя, хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь, потому и виновен он в крови той...»

Получив неожиданную весть о приближении дружин Владимира, Ярополк сначала растерялся. Подкупленный людьми, подосланными Добрыней, киевский воевода готовился нанести юному князю предательский удар, о котором тот и не подозревал. Когда Ярополк пришел в себя и принял решение собрать полки для отражения возможного нападения, Блуд принялся отговаривать его от

этого шага, уверяя, что Владимир не посмеет напасть на Киев: «Это все равно, как бы синица пошла воевать на орла... Чего нам бояться и незачем собирать войско. Напрасный труд будет и для тебя и для ратных людей».

Таким образом, Добрыня и Владимир с помощью предателя добились главного: у Ярополка не оказалось под рукой достаточных сил для обороны Киева. И ему пришлось с малой дружиной затвориться в стенах деревянной крепости на Старокиевской горе. Боясь затяжной осады, Владимир снова подослал своих людей к восводе, чтобы уговорить его перейти с дружиной на сторону новгородцев.

Блуд ответил согласием, заверив Владимира, что будет помогать ему всем сердцем. Но вопреки стараниям предателя дружина решила постоять за своего князя и лечь костью, обороняясь до конца. Тогда Блуд постарался внушить Ярополку недоверие к воинам, шепнув, что они хотят выдать его Владимиру и что нужно тайком убежать к печенегам и просить у них помощи. Ярополк поверил Блуду, поскольку тот согласился бежать вместе с ним в Родню — пограничный город на реке Роси, притоке Днепра. Узнав о бегстве, дружина не стала оборонять город. Владимир же без боя вступил в Киев.

Родня, или Родень, находился в трех днях конного пути от Киева¹. Со времени княгини Ольги он являлся

---

¹ Этот город был известен не только как русский форпост на границе с Диким Полем, но и как древний культовый центр поднепровских славян. Здесь находилось святилище их главного божества — Рода, отсюда и название города — Родень. Род являлся богом неба и вселенной, повелителем всех небесных грозных стихий — этаким славянским Зевсом-громовержцем. Когда-то ему приносились человеческие жертвоприношения перед тем, как славянские дружины отправлялись в военные походы или караваны торговых судов отплывали в заморские страны. Обычно жертвами становились иноземцы, захваченные в плен, поэтому свободный доступ чужестранцам сюда был строго запрещен. Роду посвящался особый праздник, приходившийся на 20 июля, во время которого и совер-

пограничной крепостью. Внутри нее размещался княжеский теремной двор, располагался сторожевой наряд, имелись припасы всякого оружия и походного снаряжения. Кроме того, здесь была перевалочная база товаров, предназначенных для отправки на рынки Причерноморья и в Византию. Тут же рядом, на другом берегу Роси и за Днепром, кочевали печенеги и раскинулись поселения родственников им племен торков и берендеев, которых киевские князья нередко привлекали к себе на службу. Затворившийся в теремном дворе Ярополк как раз и рассчитывал на их помощь.

Владимир с воинами вступил в южные пределы, преследуя остатки дружин сводного брата до самой Родни. Город был взят в кольцо осады, оказавшейся долгой и изнурительной для обеих сторон. В нем начался страшный голод, о котором народ сложил поговорку: «Беда, как в Родне».

Теперь, когда участь осажденных была предрешена, Блуд внушает доведенному до полного отчаяния Ярополку мысль о сдаче крепости: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим».

«И сказал Ярополк: «Пусть так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась-де мысль твоя, приведу-де к тебе Ярополка: приготовься убить его».

Получалось так, что именно киевский воевода подсказал Владимиру мысль об убийстве князя и сам же взялся устроить это дело. Ярополк прекратил сопротивление и бежал из Родни вместе с Блудом и своим верным другом Варяжкой. Владимир с дружинами вошел в город и разместился в отчем дворе теремном.

шалась «ксеноктония» (греч.) — кровавое жертвоприношение. Владимир попытается возродить этот обычай, перенеся празднование в Киев и посвятив его главному дружинному богу — Перуну, прообразом которого и явился древний Род.

Теперь Ярополку нужно было принимать решение: либо обращаться к печенегам за помощью, либо идти на мировую с братом. Блуд советовал: «Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму». Варяжко же отговаривал: «Не ходи, князь, убьют тебя, беги к печенегам и приведешь воинов». И не послушал его Ярополк, решив отправиться к Владимиру.

Представим себе ту настороженную тишину и безлюдье, когда Ярополк и несколько его спутников приближались к теремному двору, за полуоткрытыми воротами которого притаились с мечами два варяга. Князь направился внутрь, а Варяжко и его люди остались дожидаться, не слезая с коней.

Как только Ярополк миновал ворота, мечи двух варягов подняли его под пазухи. Спутники Ярополка кинулись к воротам на выручку, но вышедший из укрытия Блуд быстро закрыл створки. Услышав предсмертные крики князя, Варяжко и его товарищи поняли, что совершено предательство, и поскакали в степь подальше от места подлого убийства. Впоследствии Варяжко еще не раз объявится в окрестностях Киева со своим летучим конным отрядом и будет крепко досаждать новому киевскому князю.

Так завершилась братоубийственная борьба за киевский стол, и теперь Владимир мог, ничтоже сумняшеся, опираясь на мудрые советы Добрыни и силу своих дружин, править всеми делами государства. На первых порах им владело чувство торжества одержанных побед, которое он изливал буйно и бурно, при всем честном народе, устраивая гульбища и пиры, приглашая на них огромное число людей, как именитых, так и простых. Испытывал ли он угрызения совести по поводу гибели Ярополка или был всецело охвачен жаждой жизни и наслаждения, ощущением упоения своей властью над огромным множеством послушного ему народа?

Новый князь прибрал к рукам не только киевский стол, но и все, что осталось от предшественника. Бывшая наложница Ярополка — монахиня-гречанка, ожидавшая ребенка, стала теперь его наложницей. А родившийся вскорости от нее сын, названный Святополком, считался «сыном двух отцов». Летописец дает убийственно-едкую оценку этому факту: «От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиня, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира».

Здесь автор летописи переусердствовал в своих выводах. Владимир ни в чем не ущемлял и не ограничивал прав Святополка, напротив, стремился оказывать ему даже большее покровительство, нежели другим своим сыновьям.

Описывая многие безрассудства киевского князя, летописец не выставлял его «святым» и «равноапостольным», а зачислял в единый ряд князей-язычников и относил ужасные княжеские пороки и прегрешения ко всему язычеству. Как мы увидим в дальнейшем, он не пожалеет красок, чтобы усилить обличение «греховных» деяний Владимира-язычника и противопоставить ему «другого» Владимира — христианина и «крестителя» Руси.

В начале державного пути

Со временем в поведении новоявленного киевского князя происходят разительные перемены. Он остепеняется, набирается ума и сметки, постигает премудрости ведения государственных дел, вынашивает далеко идущие замыслы укрепления княжеской власти и всего государства, процесс образования которого был еще далеко не завершен. В своей политике Владимир руководствуется совершенно четким планом действий по подчинению

Киеву племен и племенных союзов Поднепровья и Поволжья с тем, чтобы затем упрочить собственные позиции и на Балтийском, и на Черном морях.

И дело заключалось вовсе не в каких-то особых свойствах интеллекта и характера Владимира, а в том, что им все эти годы руководил Добрыня Мистишич — муж большого ума и энергии, расчетливый политик и опытный воин. С первых самостоятельных шагов князя за его спиной или рядом с ним стоял Добрыня. Он руководил захватом Полоцка, а затем и Киева, он склонил Владимира к убийству Ярополка, а еще позже руководил его действиями в военных походах. Ему же, по всей видимости, принадлежала инициатива введения на Руси христианской религии с целью укрепления великокняжеской власти. Добрыня представляется нам крупной политической фигурой, оказавшей большое влияние не только на своего племянника, но на весь ход исторических событий того времени.

Оказавшись в роли великого киевского князя, Владимир вскоре пришел к убеждению, что для наведения порядка в государстве в первую очередь необходимо покончить с той вольницей, которая существовала повсюду в городах и в самом Киеве, где всяк был сам себе господин и хозяин. В первую очередь это касалось варяжских дружин, которые творили произвол везде, куда они приходили как викинги — наемные воины. Дело дошло до того, что варяги требовали выплачивать им дань, как было при Олеге и Игоре. От их жестокостей постоянно страдало мирное население. Пришла пора избавиться от чужеземцев, фактически считавших Киев и другие города своей военной добычей.

Наиболее умеренных и покладистых военачальников направили в разные места воеводами или тысяцкими в русское войско, а основную массу наемников запродали византийскому императору, выдав каждому солидное

вознаграждение. Отправляя их по Днепру к Черному морю, Владимир отписал в Константинополь просьбу ни под каким видом не выпускать их из пределов империи, где им поручалась охрана византийских крепостей. Взамен варяжских дружин князь стал формировать русские полки по городам и готовить воинов к походам. Походы эти почти не прерывались в течение всех лет его пребывания на киевском престоле, то есть с 980 по 1015 год, и имели целью покончить с досаждавшими Киевской Руси многочисленными врагами, а также завоевать новые земли. Образно говоря, 35 лет Владимир не слезал с боевого коня. По масштабам и расстояниям предпринимавшиеся экспедиции превосходят аналогичные военные мероприятия всех русских князей того времени.

Вокруг Добрыни Мистишича образовался своеобразный государственный совет, или дума, в которую входили воеводы Путята и Волчий Хвост, бояре Вратислав и Чудин, а также ряд племенных вождей и городских старейшин. Опираясь на этот орган власти, Владимир и его дядя смогли определить главные принципы и направления своей внутренней и внешней политики. Положение на границах оставалось крайне напряженным и опасным. Существовала реальная угроза военного вторжения с запада — со стороны поляков.

Образование Польского княжества происходило на основе объединения родственных славянских племен и сопровождалось захватом чужих земель. Польша стремилась подчинить себе не только Прикарпатье и балтийское Поморье, но и все правобережье Днепра вместе с Киевом, используя для этого любую предоставившуюся возможность, в том числе и военные союзы с враждебными Киевской Руси племенами и государствами.

Объединение в единое государство западнославянских племен, обитавших между Одером и Вислой, произошло в середине X века. Во главе поляков стоял Мешко, или

Мечислав из рода Пястов. Он успешно отразил вторжение датчан и немцев на Балтийское побережье и сам стремился укрепиться на нем. В 968 году Мешко вступает в союз с Чехией и принимает католическую веру, становясь также союзником германского императора Оттона I, а новая польская церковь подчиняется с этого времени Магдебургскому архиепископу. Расширив владения княжества за счет чешских и поморских земель, Мешко ставит задачу отвоевать у князя Владимира русские червенские города Волынь, Перемышль, Червен и другие.

Так было положено начало пресловутому «польскому вопросу» (притязаниям поляков на русские земли), созданному не столько самими польскими королями, сколько политикой германских императоров Оттона I и Генриха II, стремившихся установить свое господство над территориями западных славян и Прибалтикой. Позднее эта политика будет осуществляться под лозунгом «Drang nach Osten» — «Натиск на Восток» и преследовать цель захвата славянских земель в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе, в том числе и русских. Как только Польша стала католической и подпала под влияние Священной Римской империи, германские императоры стали использовать ее как орудие в борьбе с Русью. С тех пор между двумя славянскими государствами на протяжении не одного столетия постоянно возникали распри и войны.

На защиту западных границ Руси направились из Киева дружины, которыми командовал воевода Путята. Под 981 годом летописец сообщает о том, что «иде Володимир к ляхам (полякам) и взя грады их (т. е. захваченные ими. — В. Р.) — Перемышль, Червен и иные грады, иже суть и по сего дне под Русью, в самом же лете и вятичей победи и возложи на ня дань от плуга и якоже отец его имаше». Чтобы еще более упрочить свое положение на западных рубежах, Владимир в 983 году двинул войско

в Прибалтику: «Иде Володимер на ятвягов (литовцев. — *В. Р.*) и победи ятвягов и взя землю их». Тем самым он устанавливает власть Киева над частью Балтийского побережья до Одера и Немана.

В следующем году князь вторгается в земли радимичей и подчиняет их племена. Затем, собрав огромные силы со всех завоеванных им областей и городов, совершает самый грандиозный свой поход против Волжской Болгарии и Хазарского каганата.

Как возникли и что представляли собой эти два государства? Болгары и хазары пришли в Европу из Азии вместе с другими тюркоязычными народами — аварами, печенегами, половцами вслед за гуннами и расселились в Нижнем Поволжье и Приазовье. В начале VII века среди них шел активный процесс образования мощных племенных союзов.

В 635 году болгары, теснимые хазарами, откочевали на Таманский полуостров и образовали здесь свое государство — Великую Болгарию во главе с ее правителем Кубратом и со столицей в городе Фанагория. После смерти правителя Великая Болгария распалась на две враждующие орды, возглавляемые его сыновьями Аспарухом и Батбаем. В борьбе с братом Батбай вступил в союз с хазарами, и Аспаруху пришлось откочевать на Дунай во Фракию и Македонию, где он основал новое государство, получившее название Дунайской Болгарии. В течение сравнительно непродолжительного времени пришельцы ассимилировались среди оседлых славянских племен, восприняв их язык и культуру.

Совершенно по-другому сложилась судьба болгар, возглавляемых Батбаем. Они переселились в Среднее Поволжье и здесь, у слиянии Камы с Волгой, создали Болгарский каганат (Волжская Болгария) со столицей в городе Булгар. Волжские болгары подчинили местные финно-угорские и славянские племена и овладели всем сред-

невожским торговым путем, играя роль посредников в торговле городов Приильменя и Поднепровья с хазарами, арабами, иранцами, норманнами, финнами. В VIII веке среди населения каганата распространилось мусульманство. Впоследствии этот народ принял участие в этногенезе чувашей и татар.

Хазары в VII веке образовали собственное сильное государство — Хазарский каганат, который вплоть до X века господствовал на территориях от низовий Волги и Дона до Крымского полуострова, сосредоточив в своих руках посредническую торговлю и являясь источником постоянной военной угрозы для соседей. Хазары регулярно делали разбойничьи набеги на русские земли, разоряя и облагая их данью, уводя в полон местное население. Здесь наряду с мусульманством утвердился и иудаизм. Дальними родственниками хазар являются нынешние крымские караимы, сохранившие некоторые элементы их языка и культуры.

Для обеспечения безопасности рубежей Руси против каганата совершали военные походы Олег, Игорь и Святослав. Последний в 965 году нанес мощный удар по хазарам, оттеснив их к Каспийскому побережью. Но в 70-х годах те снова вернулись в донские степи, создав угрозу Киевскому государству.

Главной целью военной экспедиции Владимира было окончательно устранить угрозу со стороны хазар и волжских болгар, разгромив их или вынудив пойти на союз и тем самым развязав себе руки в борьбе с Византией; раздвинуть пределы Киевской Руси до Приуралья, Каспийского и Азовского побережий, а также прочно укрепиться на волжском торговом пути, обеспечив на всем его протяжении бесперебойную торговлю.

Великий волжский поход Владимира начался в середине апреля, как только Днепр и Десна очистились ото льда. У Вышгорода, стоявшего у слияния Десны с Днеп-

ром, собралось бесчисленное множество ладей и ододревков со всех ближних и дальних рек, а по обе стороны Десны выстроились отряды конников — русских и примкнувших к ним оседлых печенегов — торков. Наконец на большом княжеском корабле подняли алый косой флаг, и вслед за флагманом головные корабли и ладьи стали выгребать из Днепра к устью Десны. Вслед за ними двинулся остальной флот. По обоим берегам одновременно пошла вперед конница. Предстояло проделать по этой реке путь длиной около тысячи километров.

Вот уже остались позади земли северян. Достигнув Чернигова, войско сделало первую остановку. Следующий привал устроили в Новгороде-Северском. Скоро миновали земли радимичей, тянувшиеся вплоть до того самого урочища Девяти дубов, где, согласно легенде, таился свирепый Соловей-разбойник.

Почти тысячекилометровый путь по Десне заканчивался выше впадения в нее Сейма, где она становилась вдвое уже. Надо было войти в ее приток, называемый Болвой, и по нему проплыть до тех мест, откуда начинался волок к Жиздре и Оке. В течение нескольких дней через этот волок перебросили весь речной флот. Как только добрались до окских вод, начался легкий ход вниз по Оке до самого ее впадения в Волгу. Скоро войско миновало обширные земли вятичей, примыкавшие к ним владения племен муромы, мордвы и мери и достигло волжских болгар, занимавших территорию от впадения Камы в Волгу до Самарской луки.

Собственно, этот поход не был в полном смысле военной акцией, а являлся скорее демонстрацией силы молодого государства. Население Поволжья довольно дружелюбно встречало русское войско, надеясь не только расширить торговый обмен с городами Поднепровья, но и получить надежную защиту своих селений от набегов кочевых племен Приуралья.

Обычно об успехе в военных делах судили по количеству захваченных трофеев и всякой иной добычи, а также числу взятых в полон людей, которых превращали в рабов или холопов боярских либо продавали на невольничьих торгах. На этот раз все получилось иначе. Добрыня, осмотрев пленных и увидев, что все они в сапогах, сказал Владимиру: «Этим дани нам не давать — пойдем, поищем себе лапотников». Видимо, зажиточное население Волжской Болгарии трудно было заставить платить налог. Вот почему Владимир решает заключить мир с болгарами, полагая иметь большую пользу от торговли с богатым Поволжьем. «...И клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». Таким образом, союзником Киевской Руси становится сильное государство Среднего Поволжья, которое сыграло очень важную роль в окончательном разгроме печенегов уже при сыновьях Владимира Святославича. На обратном пути русское войско прошло по землям Хазарского каганата. Хазары не оказали серьезного сопротивления. Еще Святославом у них надолго была отбита охота воевать с Русью.

Сразу же по возвращении в Киев Владимир и Добрыня занялись решением вопросов русско-византийских отношений. В качестве главных выдвигались задачи: закрепить на Черноморском побережье, вынудить Византию признать Киевскую Русь в качестве самостоятельного и равного ей государства, устранить установленные империей дискриминационные барьеры в области торговли.

Начало регулярным контактам русских со своим южным соседом было положено во времена легендарного Кия — основателя Киева (конец V в.), которого наша историческая наука считает древним предшественником Святослава, простирающим свою деятельность до берегов Дуная и дипломатические связи — до Царьграда. Летописец Нестор свидетельствует о путешествии Кия в Констан-

тинополь, где он «великую честь приял от царя». С того самого времени русско-византийские торговые и политические отношения не прекращались вплоть до падения Византийской империи под ударами турок в 1453 году. Но они всегда были чрезвычайно сложными и напряженными.

Византия получила свое название от города Византиума, основанного древними греками на берегу Босфорского пролива. После завоевания Греции Римом во II веке до н. э. Византиум вошел в состав римских территорий. В IV веке н. э. римский император Константин перенес столицу империи из Рима в Византиум, переименовав его в Константинополь — «город Константина». В русских летописях он назывался Царьградом. В 395 году Римская империя распалась на Восточную с центром в Константинополе и Западную, столицей которой оставался Рим. Восточной Римской империи были подвластны Малая Азия (Анатолия), Сирия, Палестина, Египет, часть Закавказья (Армения). Впоследствии ее стали именовать Византией.

Империя, постоянно испытывая пужду в русских товарах и продуктах, стремилась к сближению с Киевом, в то же время опасалась усиления славян, претендовавших на ее черноморские владения. Она постоянно подвергалась набегам русских и с моря, и с суши. Их совершали в IX веке киевские князья Аскольд и Дир, а в X веке — Олег, Игорь и Святослав. Они не раз принуждали Византию заключать с Русью унижительные договоры и выплачивать ей немалую по тем временам дань.

Во времени княжения Владимира основные усилия империи были направлены на сохранение своих владений в Причерноморье и установление мирных отношений с Русью. Одновременно использовалась любая возможность, чтобы ущемить интересы русских, столкнуть их с европейскими народами — поляками, чехами, венграми, гер-

манцами, натравить на Киевское княжество его извечных врагов — печенегов.

С незапамятных времен существовали и торговые связи восточных славян с Византией. Торговля велась по издавна установившемуся порядку. К началу весны завершалось русское полюдьё. Собранный хлеб, мед, воск, меха, льняное полотно, мясо, рыба и другие продукты и товары на санях доставляли к рекам, грузили на ладьи и сплавливали по Днепру и его притокам в Киев. Здесь после окончательного учета часть собранных припасов отгружалась для торговли, тут же организовывались большие купеческие караваны в Константинополь и иные города Причерноморья. Как правило, караваны сопровождали княжеские дружины или нанимаемые отряды викингов. Перевалочным пунктом являлся город Вятичев, находившийся в 80 километрах от Киева. Отсюда суда направлялись далее к днепровским порогам. Здесь приходилось разгружаться, чтобы провести ладьи через узкие протоки. Товары тащили волоком по берегу в обход порогов. Иногда, в малую воду, приходилось перетаскивать и ладьи. На своем пути до порогов и дальше по обоим берегам Днепра следовали конные отряды, охранявшие караваны от нападения печенегов. Наконец груженные корабли попадали в Черное море и после нескольких дней плавания, войдя в Босфор, достигали Константинополя. Однако греки не пускали русских купцов в стены своей столицы. Этот заслон от всех «варваров» был установлен еще в V—VI веках. Русским купцам отводилось предместье святого Мамы, где им разрешалось жить не более полугода. Здесь же селили прибывших русских послов, сюда же по списку доставляли съестные припасы от казны. В сам Царьград допускали русских единовременно не более 50 человек, без оружия и с провожатым. На зиму не позволяли оставаться в Византии никому.

Таким образом, торговля с греками подвергалась

строжайшей регламентации и обставлялась всяческими предосторожностями. Правила торговли постоянно уточнялись и дополнялись договорами, и киевским князьям пришлось затратить немало сил, чтобы завоевать право более или менее беспрепятственно торговать с Константинополем и городами на Черноморском побережье и на Дунае.

Княгиня Ольга в отличие от своих предшественников киевских князей Олега и Игоря, стремившихся добиться устранения коммерческих ограничений с помощью военного давления на Византию, пыталась наладить нормальные торговые связи с империей путем учреждения на Руси христианской церкви. С этой целью она совершила в 955 году (согласно византийским источникам, в 957 г.) поездку в Константинополь, где, по свидетельству Нестора, была принята Константином Багрянородным с великими почестями и будто бы даже крещена им. Однако автор не сумел скрыть того факта, что ей пришлось чуть ли не два месяца ожидать аудиенции и все это время находиться на корабле в бухте Золотой Рог. Тем самым император хотел принизить значение как визита, так и самой русской княгини. Он поднес ей дары, но просьбы ее не удовлетворил. Вскоре после возвращения Ольги в Киев сюда не замедлило прибыть великое посольство императора за обещанными ею подарками. «Много даров я дал тебе, — писал Константин в своем послании. — Ты ведь говорила мне: когда де вернусь в Русь, много даров пришлю тебе: челядь, воск и меха, и воинов в помощь». На это она ответила ему со всей откровенностью и прямотой: «Если ты также постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе» (то, что просишь. — *В. Р.*). Сказав это, отпустила послов с миром.

В конце концов Константинополю пришлось поступиться своими принципами, когда империя все более стала испытывать нужду в русских товарах. В свою очередь

Русь в княжение Владимира Святославича сумела не только снять прежние ограничения в вопросах торговли, но и заставила византийских императоров считаться с ее экономическими и политическими интересами.

По мере того как под властью киевского князя объединялось все большее число земель, формировались и новые государственные органы власти. Власть находилась в руках служилого сословия (военной касты бояр), стоявшего во главе княжеских дружин.

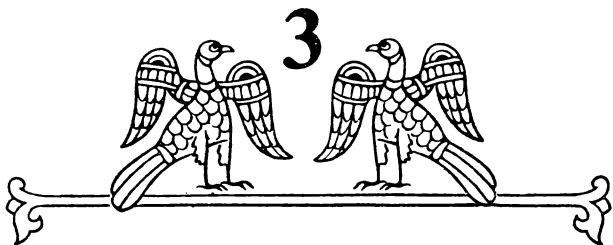
Историки-«норманисты» полагали, что боярство формировалось поначалу из варягов-наемников и что термин «боярин» образовался от шведского *boljar* — служилый, имущий. Постепенно иноземное боярство восполнялось русским и превращалось в совет дружины или в боярскую думу. Однако боярство существовало и у дунайских болгар как слой военной верхушки, служилых или именитых людей, поэтому слово «боярин» могло произойти от славянских корней «бой», «вой», «боян», «бояр». Тем более что на Руси боярство стало распространяться со времени дунайских походов Святослава.

К X веку в Русском государстве уже сложились привилегированные группы населения. К ним в первую очередь относились «княжи», или «лучшие» люди, то есть старшая дружина князя. Помимо них был еще слой «нарочитых» людей, состоявший из представителей племенной верхушки и «старцев людских» — старейшин отдельных племенных общин (вервей), а также выборных сотских и тысяцких, уличных и городских старост, составлявших органы управления городов Киевской Руси. Из этих высших слоев общества уже в XI веке образуется класс крупных собственников — боярство.

При Владимире боярство становится привилегированной социальной прослойкой, обладавшей правом наследования власти и земель, причем каждый боярский род вел свое происхождение от кого-либо из числа именитых

людей или приближенных князя. Другими словами, боярство представляло собой правящую элиту, «касту» пользовавшихся поддержкой киевского князя знатных особ, занимавших высшие должности, — воевод, наместников и членов боярских советов.

Киевские бояре были не только служилыми, но и торговыми людьми, получавшими доходы с торгов в своих землях. Им принадлежали также кустарные промыслы, ремесла. Позже — в XI—XII веках боярство обзаводится землями и крепостными и становится главной опорой государственной системы крепостничества. В отличие от поместного дворянства, возникшего в XII—XIII веках как низший слой военно-служилого сословия, боярство состояло в основном из крупных землевладельцев, удельных князей и наместников городов.

О пантеоне Владимира

Теперь, когда под властью Киева оказались племена и земли всего междуречья Одера, Днепра и Волги, на первый план выдвинулась задача укрепить княжескую власть, дополнив политическое единство различных территорий идеологическим единством населяющих их племен и народов. Это можно было сделать через унификацию племенных языческих культов и создание новой религиозной системы во главе с общим для всех славян богом, возвышающимся над подчиненными ему племенными богами.

Владимиру и его окружению пришлось немало потрудиться и поломать головы. Ведь речь шла о создании государственной религии, создании нового пантеона (совокупности) богов и соответствующего новым условиям жизни культа. По-новому предстояло обустроить языческие культовые объекты — капища и требища, обставить сами богослужения. Встал вопрос о возрождении некоторых забытых культовых обычаев. Все делалось в срочном порядке. И в этом проявилась неумемная энергия молодого князя, поддерживаемая Добрыней, боярами и дружинами, крепко стоявшими за старую веру и новые реформы.

Политика укрепления единства государства, как отмечает Б. Д. Греков, проводилась широко и обдуманно. Вла-

димир объявляет своего княжеского и дружинного бога Перуна главным богом населения государства. И потому выносит его статую и третище за пределы теремного двора. Рядом с ним ставит еще пять идолов — Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. «И постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь».

Именно эта шестерка стала ядром всего Владимирова пантеона, включающего и других, менее значимых языческих богов, которым отводились более низкие ступени в божественной иерархии.

Статуи богов установили на том месте, где находился Бабин торжок. Туловище Перуна было вырезано из дерева, вероятно из дуба. Голова отлита из серебра, а усы — из золота. По описанию Густынской летописи, ноги у него — железные, а глаза — из драгоценных камней. В руке он держал подобие каменной стрелы, осыпанной яхонтами. В отличие от киевского идола, в руке Перуна, установленного несколько позже Добрыней в Новгороде, была увесистая палица-дубина. Иногда Перуна сопоставляют с богом-громовержцем греков — Зевсом или римлян — Юпитером, однако в пантеоне и других языческих религий существовали подобного рода божества. Взять, к примеру, индийского Шиву или скандинавского Одина.

Перун, по существу, является заменой более древнего божества славян Сварога — бога огня, олицетворявшего небо и зажигавшего само солнце. Его сыновьями были Сварожич и Дажьбог.

Культ Перуна при Владимире устанавливается на всем пути из «варяг в греки». В Новгороде его святилище размещалось на левом берегу Волхова, на высоком холме. Вокруг него постоянно горело восемь костров, и жрецы под страхом смерти следили за тем, чтобы они не угасали.

Перун был божеством всепобеждающим или карающим, посылающим на землю и на нечестивцев свои огненные стрелы, он грохотал по небу колесами своей колесницы, закрывал небо тучами, посылал дожди и почитался как податель благ (урожая), покровитель земледелия, кормилец.

Хорс и Дажьбог также считались небесными божествами. О них сообщается и в «Повести временных лет», и в «Житии князя Владимира», и «Слове о полку Игореве», и «Слове о том, как язычники поклонялись идолам». Но Хорс и Дажьбог не одно и то же лицо. Если Дажьбог — божество дня («Даст бог день, даст и пищу»), то Хорс божество ночи, а точнее, луны. Об этом мы узнаем из «Слова о полку Игореве», где говорится о том, как Хорсу Всеслав Полоцкий дорогу перебежал: путь от Киева до Тмутаракани он совершил в течение одной лунной ночи. Поэтому, отмечает исследователь древнерусских письменных источников Е. В. Аничков, упоминающийся в «Слове» великий Хорс — это месяц, которому поклонялись восточные славяне. А в древнем памятнике «Хождение богородицы по мукам» во вставке, сделанной переводчиком, сказано, что люди называли богами «солнце и месяц, землю и воду, и зверей, и гадов, все это те люди сделали из камней, Трояна, Хорса, Велеса и Перуна в богов превратили».

Месяц обожествлялся во всех языческих религиях, и наиболее распространенными календарями являлись лунные. В Европе в эпоху средневековья культ луны был широко распространен, существовали даже подвески-лунницы в виде полумесяца, которые носили на груди как талисманы или обереги. Такие подвески во множестве находят археологи на территории нашей страны. В эпоху язычества их обычно целовали, когда клялись чем-либо или заклинали нечистую силу. С приходом новой религии отношение к ним изменилось. В «Заповеди» митрополита Георгия сказано: «Аще кто целует месяц, да будет

проклят». Христианство заменило подвески-лунницы на грудным крестом, а целование месяца — крестоцелованием.

Как отмечает советский историк и археолог Я. Е. Боровский, Хорс ассоциировался с суровыми осенне-зимними месяцами (с ноября по февраль), «волчьим временем», когда чародеи могли превращаться в волков. Так, в «Слове о полку Игореве» говорится о Всеславе как о князе, который «грады рядил», и как о кудеснике-оборотне, ночью перебежавшем волком путь великому Хорсу — ночному светилу.

О Дажьбоге в Ипатьевской летописи читаем: «...солнце же царь, сын Сварога, он же Дажьбог». Славяне считали его «дедом всех людей», да и свою родословную вели от богов солнца — Сварога, Дажьбога, Ярилы. Автор «Слова о полку Игореве» называет русский народ Дажьбожьими внуками, то есть детьми солнца.

Возникает вопрос: почему и откуда такое множество солнечных богов: Сварог, Перун, Ярило, Коляда, Дажьбог и другие? Здесь сказывается не только само разнообразие солнцепоклонения, но и его разноплеменные виды, объединявшиеся теперь в общей религии Киевской Руси. Что же касается Дажьбога, то это был бог благополучия и богатства, бог рода и семьи, предок, к которому обращались повседневно с молитвой: «Дай бог!»

Среди солнечных божеств следует назвать и Сварожича — бога кузнечного огня, мечущего или кующего стрелы, подобные солнечным лучам. Он — сын Сварога. Вместе они, как и иные солнечные божества (Ярило — бог весеннего солнца, Купала — бог летнего солнца, Троян, или Триглав, — бог весны, лета и зимы, Коляда, Переплут и др.), выступали во множестве ипостасей, соответствующих различным сторонам жизни и трудовой деятельности людей.

Почетное место занимает в пантеоне Владимира Стри-

бог. Автор «Слова о полку Игореве» называет его дедом или родоначальником всех ветров: «Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря». Имя этого божества происходит от древнего русского слова «стрити» — уничтожать. Стрибог — бог войны, бурь и смерчей, нарушитель мира и покоя. Однако Перун и Дажьбог несколько уравновешивали его устрашающую силу.

Рядом с ним располагался бог с довольно странным названием — Симаргл, которого относят к божествам одного из чужих племен, подвластных киевскому князю, но некоторые исследователи считают его славянским богом. Так, А. С. Феминицын полагает, что имя этого бога составлено из двух слов: «сим» и «ерыл», то есть Семиярило, Семиглавый. По-видимому, Симаргл — солнечный бог, олицетворявший период или цикл весенних полевых работ, начало произрастания злаков и цветения садов, называемый в народе «семиком» — семь недель, которые предшествовали жатве и всему летнему купальскому периоду. Таким образом, Симаргл, или Семиярило, вероятно, являлся богом земледелия и произрастания злаков — таким славянским Озирисом. Церковь, будучи не в состоянии искоренить земледельческий праздник «семик» превратила его в «троицу-пятидесятницу».

Не до конца выяснена суть божества женского рода Мокошь. Некоторые ученые производят ее имя от слов «мокрый», «мокнуть», и считают Мокошь богиней воды, дождя и плодородия, подобной греческой Деметре.

Мокошь являлась покровительницей овцеводства и домашнего ткачества. Согласно народным поверьям, она была женой скотьего бога Велеса, покровительствовала роженицам. Обычно ей молились у воды женщины, прося о помощи в разрешении от бремени. Она ассоциировалась со святыми источниками и родниками. Поэтому священники, исповедуя крестьянских жен, обычно вы-

спрашивали: «Не ходила ли еси к Мокше?», то есть молиться к роднику или колодцу, что осуждалось церковью.

Во времена Владимира Святославича наиболее распространенным являлся культ Волоса, или Велеса. Именем этого бога клялись дружины Олега, Игоря и Святослава при заключении договоров с греками. Он был покровителем скотоводства и торговли, поэтому его статуи устанавливались на торжищах, торговых пристанях, как это делалось в Киеве и Новгороде. Идол Велеса вытесывался из дерева и имел человечье туловище и бычью голову. Перед ним сооружался жертвенник для заклания животных. Как отмечалось ранее, культ Велеса в христианское время заменили культом святого Власия — также покровителя скотоводов и торговли. В Киеве на месте Велесова капища на Подоле на берегу Печайны была построена церковь святого Власия, сгоревшая в 1651 году. Об этом напоминает название одной из улиц на Подоле — Волошской.

В Киевской Руси Велес почитался и как покровитель купечества, охранитель богатства. Ведь роль эквивалента в торговом обмене до распространения денег выполняли скот, меха или шкуры животных. Кроме того, Велес являлся покровителем и земледелия. Ему во время жатвы завивали бороду, приносили в жертву пучок несрезанных колосьев или дарили сноп спелой ржи либо пшеницы. Однако и этим не исчерпывается перечень его добродетельных качеств. Он же выступал как покровитель певцов и музыкантов, слыл родоначальником песенного творчества, былин и сказаний, поэтому легендарного певца Бояна называли внуком Велеса. Филолог-славист И. И. Срезневский сравнивал Велеса с греческим богом солнца Аполлоном. Легенда о Велесе-книжнике породила другую легенду — о еще не найденных «велесовых книгах», поисками которых и поныне занимаются некоторые

библиофилы, считая их потерянными или укрытыми в самых неожиданных местах.

Помимо главных богов, о которых мы уже рассказали, существовало еще немало второстепенных божеств или полубогов. Густынская летопись называет среди них Ладо и Купалу. Ладо — бог праздничного веселья, домашнего и семейного благополучия. Ему приносили жертвоприношения в предсвадебный период, посвящали свадебные гимны. Если Ладо принял образ бога любви, то его супруга Лада почиталась как богиня материнства и представлялась в виде красивой и нарядной женщины, украшенной цветами, колосьями и лентами.

Богом плодородия считался у восточных славян Купала. Ему посвящался праздник начала жатвы, о котором уже рассказывалось выше. Со временем церковь трансформировала языческий культ на свой лад, вместо Яна Купалы насаждался и постепенно внедрялся в быт христианский Иоанн Креститель, крестивший, согласно евангельским преданиям, в Иордане первохристиан и самого Иисуса Христа. Так появился Иван Купала — церковный праздник, в котором так тесно переплелось язычество и христианство, а само языческое купальство обросло легендой о так называемом «крещении Руси».

Завершая рассказ о пантеоне Владимира, следует подчеркнуть, что со времени написания «Слова о полку Игореве» языческие мифические образы органически вплетались в ткань русского народного эпоса и стали вновь с необычайной силой возрождаться в русском искусстве и литературе на рубеже XX столетия в творчестве блестящей плеяды поэтов, художников и композиторов, в новом течении «Мира искусства».

Образы народного древнего эпоса всемерно обогащают и советские праздники и обряды, творчество мастеров прикладного искусства и художественных ремесел. Так через века передаются нам эстетические и нравственные

ценности, формирующие наш духовный мир, украшающие народный быт. Все более входят в искусство, в самодеятельное творчество, в сферы отдыха и досуга художественные образы, олицетворяющие или символизирующие стихии природы, родную землю, реки и озера, поля и луга, леса и рощи. Думается, что в годовом цикле народного празднования подобающее место наряду с известными образами западного язычества — Нептуном, Музами, Геркулесом, Афродитой и прочими займут наши собственные, истекающие из родников нашего языка и литературы: Лада, Купава, Лель, Ярила, Коляда, Кострома, Щур и Пращур, Мать-Земля, Хлеб-Батюшко и многие другие.

Христиане и язычники в Киеве

Всецело полагаясь на прочность обычаев и традиций своих предков и на могущество своего покровителя — Перуна, Владимир стремился воссоздать во всей полноте языческие культы, устраивал всенародные культовые торжества и игрища, сопровождаемые жертвоприношениями и пирами, состязаниями и поединками.

Особенно широко отмечался купальский праздник и Перунов день. По древнему славянскому обычаю, Перуну — богу неба, громовержцу — когда-то приносились умиловительные человеческие жертвы. Ко времени Владимира об этом почти забыли и ограничивались жертвоприношениями быков и других животных. Однако теперь князь в целях укрепления своих подданных в старой вере решает восстановить кровавый ритуал, выступив в качестве ревнителя дедовских законов и традиций.

Так, летом 983 года, возвратившись из похода на ятвягов (литовцев), Владимир решает отпраздновать свою победу человеческим жертвоприношением, как это делалось при Святославе. Обычно во время военных походов

жертвой становился кто-либо из военнопленных, а в мирное время ее определяли по жребию. В присутствии князя и его дружины, располагавшейся по кругу, на ровной поверхности стола кидали кости (кубики) представители от каждой городской слободы или улицы и таким образом устанавливали дом, в котором проживал юноша, еще не посвященный в воина.

Так было и на этот раз: бросили кости и жребий пал на юношу из семьи купца-варяга, оказавшегося христианином. Возможно, в данном случае намеренно выбрали представителя противной, христианской веры. Не исключено, что Владимир именно таким образом хотел устрашить киевских христиан, в лице которых видел оппозицию своей власти, не подозревая, к каким трагическим последствиям это может привести.

Оставалось привести замысел в исполнение. К дому купца по имени Иоанн направился наряд дружинников, чтобы схватить купеческого отрока Федора и доставить его к месту жертвоприношения перед статуей Перуна. Но не тут-то было: двери оказались накрепко запертыми и выломать их никак не удавалось, а отец Федора наотрез отказался выдать сына на заклятие Перуну. Находясь за дверьми, он пытался обличать язычество и самих языческих богов: «Не боги это, а простое дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны человеческими руками из дерева. Бог же один, ему служат греки и поклоняются; сотворил он небо и землю, и звезды, и солнце и человека и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам!» Вот какие поучения вложил в уста первого на Руси христианского мученика Иоанна наш летописец.

Толпа язычников стала рубить углы дома топорами, и скоро крыша и стены обрушились на головы несчастных, запершихся изнутри. Итак, жертвоприношение не состоя-

лось, но сама гибель двух человек явилась причиной больших волнений и столкновений между христианами и языческим населением Киева. Эти события показали, что христианство прочно укоренилось в столице и в самом княжеском окружении — среди бояр и дружинников, и заставили Владимира крепко задуматься. У него могло возникнуть соображение о целесообразности новых реформ в религиозной области и о возможном признании христианства как государственной религии.

К такому выводу князя могли привести сторонники новой веры из его ближайшего окружения, которые, возможно, представили ему убедительные доводы в пользу христианской церкви, доказательства ее преимущества перед язычеством в вопросах не только государственного устройства, но и отношений Киевской Руси с европейскими государствами, и прежде всего с Византией.

О том, что события, приведшие к столкновениям и гибели христиан, действительно происходили в тот период, свидетельствует то, что о них сохранились устные и письменные предания, вошедшие в церковные анналы. Варяг Иоанн и его сын Федор, наделенные христианскими именами авторами их жития, а не летописей, были объявлены церковью мучениками. В житиях говорится о том, будто бы Владимир приказал над их могилами построить церковь Богородицы — Десятинную церковь, а потом, уже гораздо позже, неизвестно почему останки убиенных якобы перенесли в Антониеву пещеру Киево-Печерской лавры. К ним обычно прикладывались не имеющие детей люди с молитвой «о чадородии».

Конечно же, ни о каких мучениках и праведниках Владимир в то время не помышлял, все еще оставаясь сторонником язычества, а церковь Богородицы была возведена лишь годы спустя и посвящалась она не этим «мученикам», а взятию князем Корсуни и его жемчужине на греческой царевне Анне.

Рассказ летописца об избиении христиан язычниками явился свидетельством все более возрастающего расслоения киевского населения на имущих и неимущих, на господ и холопов. Рост противоречий между ними принимал религиозную окраску и выливался в открытые столкновения. Становилось все более очевидным, что старая языческая вера, которая всего прочнее держалась в среде коренного населения и беднейших слоев, не могла быть опорой боярской верхушки, обратившей свои взоры к христианской церкви. Не мог не прийти к аналогичному выводу и Владимир после того, как испытал грозную стихию городских волнений.

Вместе с тем на него оказывали сильное влияние присутствовавшие в Киеве церковные послы, которых засылали Константинополь и Рим с целью обращения Руси в свою веру. Таким образом, Киев стал ареной борьбы между двумя мировыми христианскими центрами за преобладание во всей Восточной Европе. С этого времени христианская экспансия, направленная на Киевскую Русь, не только не ослаблялась, но принимала самые различные политические формы.

Вопрос о «выборе веры» действительно стоял перед князем и боярством, но смысл его сводился к тому, насколько новая религия послужит укреплению власти и какие экономические выгоды она принесет. Все преимущества здесь были на стороне греческой церкви. Оставалось найти наилучший способ или предлог для учреждения ее на Руси. Разговор об этом возникал не раз на боярском совете, и принимались решения об отправке специальных посольств в Константинополь для ведения переговоров об установлении греческой церковной митрополии на Руси, что нашло отражение в наших летописях, содержащих легенду о «выборе веры». В ней запечатлелась более чем вековая история христианизации Киевской Руси, которая пришла в соприкосновение с множеством племен и наро-

дов, государств и империй, живших по разным законам и имевших разные религии. Киевским князьям со времени Аскольда приходилось многократно задумываться о том, какую форму правления избрать и чью религию предпочесть. Сама же по себе летописная легенда о «выборе веры» представляет большой интерес как шедевр ранне-средневековой русской литературы.

Легенда о «выборе веры»

Почему легенда? А разве не было на самом деле выбора веры, когда пришла крайняя необходимость замены язычества тем или иным видом наиболее распространенных мировых религий? Похоже на то. Ведь при сложившихся к тому времени на Руси условиях этот выбор был предрешен всем предшествующим периодом существования Киевского княжества, его вовлеченностью в отношения с христианскими странами и народами, и прежде всего Византией. Греко-православная церковь уже занимала прочное положение в княжестве среди иных вер и религий. Распространение православия шло через Болгарию, в киевских церквях главенствовали болгарские священники. И все же легенда о «выборе веры» представляется нам исключительно интересной и не только как шедевр летописной литературы, но и как философско-политический трактат о значении религии и церкви, об их роли в развитии Русского государства.

Первое десятилетие своего княжения Владимир, опираясь на боярскую верхушку и военный совет дружины, употребил на создание органов управления городами и землями своего обширного государства, на укрепление военной и экономической основы власти. Были созданы боярская дума, волостные и городские управы, возглавляемые княжескими наместниками, городские ополчения во

главе с князьими воеводами. Вводились новые виды подушных податей и налогов с дома, сохи, торгов и доходов купечества. Одновременно с этим назрела необходимость и религиозных реформ, то есть легализации христианских общин и церквей и их централизации под эгидой княжеской власти по образу и подобию византийской церковной системы.

986 год, согласно «Повести временных лет», проходит под знаком религиозных диспутов и «испытаний» разных вер, организуемых якобы по инициативе самого князя. Не исключено, что его внимание привлекали и чисто религиозные вопросы, различия в доктринах ведущих вероисповеданий, тем более если учесть, что большинство западных славян склонялось к принятию католичества. Но на первом плане все же стояли экономические соображения, ибо в данном случае непосредственно затрагивались интересы боярства и купечества, теснейшим образом связанных с Византией.

Итак, обратимся к рассказу летописца. Картина «выбора веры» предстает в сценах последовательного приема и бесед с представителями разных вероучений в княжеском дворце на Горе. Первыми оказались посланцы волжских болгар, которые, в отличие от дунайских болгар, принадлежали к финно-угорским племенам и исповедовали мусульманство.

Предлагая свою веру, болгарские послы убеждали Владимира: «Ты, князь, мудр и смьслен, а закона не знаешь, веруй в закон наш и поклонись Магомету».

— А какова же ваша вера? — спросил он.

— Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен и изберет из них одну красивейшую, и возложит на нее красоту всех, та и будет ему женой.

Искажая преднамеренно самую главную суть ислама, летописец как бы смотрит на него глазами самого князя — жизнелюба и прелюбодея: «Владимир же... слушал их власть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть».

Таким образом, мусульманство отвергалось с порога как чуждый славянину образ жизни, который сложился на Востоке в среде кочевых племен.

Мусульманских послов сменили католические, присланные самим римским первосвященником. Такие посольства многократно направлялись в Киев и раньше, но они ничего не добились, ибо слишком явны были их намерения подчинить Русь римскому папе по примеру Чехии, Венгрии и Польши. Однако католики решили еще раз попытать счастья.

— Земля твоя такая же, как и наша, — сказали посланцы Рима. — А вера наша не похожа на твою, так как наша вера — свет; кланяемся мы богу, сотворившему небо и землю, звезды, месяц и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево...

— Ну, а в чем заповедь ваша? — спросил их Владимир.

— Пост по силе, если кто пьет и ест, то все во славу божию, как сказал учитель наш Павел.

Кажется, и на сей раз миссия римских послов закончилась неудачей, о чем свидетельствовали заключительные слова Владимира: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». В них содержался явный намек на прежние провалы католических миссий.

Менее всего князь и его бояре были склонны принять католичество. Здесь в Киеве еще хорошо помнили о великом посольстве во главе с гордым и строптивым рыцарем-епископом Адельбертом, которое прислал в 960 году германский король Оттон I. Епископ пытался без-

застенчиво склонить княгиню Ольгу к согласию встать под покровительство германского короля и католической церкви. При этом давались заверения и обещания взять Русь под защиту от Византии и прочих ее врагов. Присутствовавший на церемонии приема посольства и на переговорах Святослав, сын Ольги, был вне себя от гнева и ярости. Каково было слушать эти наглые ультимативные предложения ему — сотрясателю Византийской империи и покорителю столь многих племен и народов? Он внезапно прервал переговоры и приказал Адельберту вместе с посольством немедленно убраться из пределов княжества, что те и сделали с великой поспешностью...

Католических миссионеров сменили «хазарские евреи». Так летописец называет представителей тюркской народности, которая обитала в границах Хазарского каганата. Значительная часть хазар исповедовала иудаизм, который был ими воспринят от еврейских купцов, переселившихся в период мусульманской экспансии из Сирии, Ирака и Ирана в земли каганата, где они постепенно стали занимать ведущее положение в торговле и ростовщичестве. Со времени княжения Олега и Игоря в Киеве обосновалась целая колония хазарских купцов и ростовщиков, которых здесь прозывали «хазарскими евреями». По-видимому, сведения об иудаизме были получены именно от них и положены в основу легенды о выборе веры.

Хазары заявили следующее: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей веро. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова».

— А что у вас за закон? — полюбопытствовал Владимир.

— Обрезываться, не есть свинины и зайчины, хранить субботу.

— А где же земля ваша?

— В Иерусалиме.

— Точно ли она там?

Смущенные этим вопросом, посланцы отвечали:

— Разгневался бог на предков наших и рассеял нас по различным странам за грехи, а землю нашу отдал христианам.

— Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны? Если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?

Кстати, заметим, что иудаизм являлся религией глубоко национальной и распространялся главным образом среди евреев диаспоры (рассеянных за пределами Палестины еврейских общин), поэтому и не мог быть принят в качестве государственной религии не только славянским, но любым другим нееврейским народом. И все же нельзя было обойти молчанием эту религию ввиду того, что она стала истоком и христианства, и ислама — двух мировых религий. Что же касается самой характеристики иудаизма, данной посланцами хазар, то в ней отсутствуют главные его признаки — догмат о богоизбранности еврейского народа, об ожидаемом мессии, который должен спасти только евреев и собрать их воедино в Израиле — государстве евреев, разгромленном римлянами в I веке до нашей эры.

Наконец, на конкурсе различных религий была представлена и греко-православная вера в лице присланного из Константинополя ученого богослова и философа. В его уста летописец вложил все свои познания о вероучениях «ложных и истинных», противопоставляя им «единственно верное, истинное» вероучение, каким является греческое православие. Речь философа представляет собой образец богословской риторики, в которой излагаются основы Ветхого и Нового заветов, предается проклятию и осуждению язычество, а также всякое отступление от апостоль-

ских догм и истин, характерное для католиков и христианских еретических учений.

Свое выступление философ начинает характеристикой ранее представленных князю религий: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру. Вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморры, на которых напустил господь горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день гибели их, когда придет бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны. Ибо подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще большую...» Слушая это, Владимир якобы, плюнув на землю, сказал: «Нечисто это дело».

Здесь философ напоминает о проклятии богом рода человеческого за «первородный грех» и всяческое отступление от священных заветов. В число грешников он включает и мусульман, уподобляя их обитателям Содома и Гоморры — двух ханаанских городов, испепеленных богом за отказ жителей совершить обрезание. При этом господь дал возможность уйти лишь Лоту, его жене и дочерям, запретив им в пути оборачиваться назад. Но жена Лота, сторая от любопытства, все же не утерпела, оглянулась и тут же превратилась в соляной столб. Поэтому дочери Лота заменили ему жену, и от них пошли маовитяне и филистимляне.

Однако, по мнению философа, не только мусульмане и прочие прокляты богом, но и те, кто верует в него иначе, нежели правоверные греки: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима проповедовать у вас веру свою. Вера же их немного от нашей отличается: служат они на опресноках, то есть на облатках, о которых бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: «Сие есть тело мое, ломимое за вас...» Так же и чашу

взял и сказал: «Сия есть кровь моя нового завета». Те же, которые не творят этого, неправильно веруют».

Здесь богослов говорит об обострении отношений между константинопольской и римской церквями за их главенство в странах Европы. Противоречия в основном касались богослужебной практики в обеих частях бывшей Римской империи, раскол которой произошёл в 395 году. С этого времени постепенно формировались два основных направления в христианстве: римско-католическое и восточно-православное (греко-кафолическая церковь). По-разному складывалась в них система иерархии духовенства, а также порядок отправления так называемых святых таинств — крещения, миропомазания, причастия, исповеди, венчания (брака), священства и елеосвящения (соборования).

Наиболее сложным в христианстве всегда был вопрос о его связи с иудаизмом, об отношении к идеям Ветхого завета. Признавая еврейского бога — творца вселенной, земли и человека, а также всех ветхозаветных патриархов и пророков, христианское учение напрочь отрицает тот иудаизм, который основывается на концепциях еврейского мессианства и богоизбранности еврейского народа, которому якобы самим богом предназначено преобладать над другими народами и спастись в день «страшного суда». Эти же идеи лежат в основе современного иудаизма, идеологии и политики сионизма — крайне реакционного политико-религиозного национал-шовинистического течения.

Проблема отношения христиан к иудаизму — национальной религии евреев — в IX—X веках стояла весьма остро. Почему христиане веруют в того, кого распяли евреи? Отвечая на вопрос, философ пытался объяснить заблуждения древних евреев, создавших миф о своем мессии, который должен прийти от их бога Яхве и спасти только правоверных евреев и истребить всех неиудеев.

Вследствие этого в Иудейском царстве избивали и истребляли еретиков и пророков, которые предсказывали появление божьего посланника (его сына) для спасения не только евреев, поработанных Римом, но и неевреев — всех страдающих, угнетенных и обездоленных.

«Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю (имеется в виду Иисус Христос.— *В. Р.*), был он распят, и, воскреснув, поднялся на небеса, ожидал бог покаяния от них (евреев.— *В. Р.*) сорок шесть лет, но не покаяться, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве».

Свое выступление посланец Константинополя завершает объяснением того, зачем «сын божий» сошел на землю и принял тяжкие муки и страдания во имя спасения всех грешников на земле, обещая им воздать по заслугам при втором своем пришествии. Богослов живописует, как грешники, стеноя и плача, идут в ад, а праведники, радостные — в рай. «Если хочешь с праведниками справа стать,— обращается философ к князю,— то крестись». На что тот ему уклончиво ответил: «Подожду еще немного».

Только спустя год Владимир возвращается к тому же вопросу и созывает боярский совет и городских старейшин. Но не для того, чтобы обсуждать преимущество той или иной веры, а, скорее, для выработки каких-то условий принятия греческой веры и определения структуры соответствующих церковных органов. Однако летописец представляет дело так, будто на совете было решено избрать мужей славных и умных, числом десять и послать их и к волжским болгарам, и к немцам, и к грекам, дабы еще раз «испытать» их веру. Через какое-то время князь снова созвал свой совет, и на нем был заслушан подробный отчет об итогах этих своеобразных «научных командировок».

Те, кто ходил к болгарам, сказывали: «Ходили в Болгарию (Волжскую. — *В. Р.*), смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделал поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы в греческую землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве».

Мы отлично понимаем, что эти описания различных вер и культов сочинялись авторами, жившими в XI—XIII веках, когда христианство прочно утвердилось в Киевской Руси. Естественно, монастырский писатель постарался, не жалея красок, изобразить райские красоты своей религии. Но справедливости ради следует сказать, что византийские храмы действительно превосходили всякие другие своей архитектурой, внутренним убранством, обилием золота и драгоценных камней. Поражала своей красочностью пышно обставленная литургия, заимствовавшая каноны античного греческого театра. В храме с его клиросами, притворами и амвонами, царскими вратами, голосистыми дьяконами и торжественными хорами, как на подмостках, разыгрывались уже не сцены из жизни царя Эдипа или Агамемнона, а мистерии, посвящаемые Иисусу Христу и его апостолам, а также трагедийные эпизоды «крестного пути», распятия и воскресения Христа.

С пышностью византийского богослужения не способно было соперничать мусульманское храмовое богослужение, проникнутое суровым духом жизни кочевников — обитателей пустынь или горных селений Востока. В нем

нет ни хоров, ни яркой живописи, ни того возжигания множества свечей и светильников, какое присуще греческим храмам, которые не могли не восхищать всякого «варвара», впервые увидевшего эту «неземную» красоту.

Теперь, после того как мы ознакомились с содержанием этой пространной легенды о «выборе веры», важно выяснить, когда и кем она была составлена и кому адресована?

Ясно, что ее рождение произошло не при жизни князя Владимира, а гораздо раньше. В ту пору христианство в Киевской Руси уже имело довольно широкое распространение, а в самом Киеве со времен княгини Ольги в православных церквях велось книжное богослужение на славянском языке. Так что у князя было полное представление о христианской вере, но он противился ее принятию по завету своего отца Святослава — непримиримого врага Византии и христианства.

По своему содержанию и структуре легенда о «выборе веры», безусловно, относится к более раннему периоду русской истории, точнее, ко временам Аскольда — 60-м годам IX века. А наиболее пространная ее часть, поучения греческого философа, выдает с головой «анонимного» творца — константинопольского патриарха Фотия, автора известных бесед «По случаю нашествия россов на Константинополь» (860 г.). Этот святитель являлся наиболее ярким обличителем язычества и распространителем греко-православной веры среди восточных славян. Ему же принадлежала инициатива обращения киевского князя Аскольда в христианство, а также крещения славянского населения в Херсонесе и других причерноморских городах и селениях. А наставления о христианской вере (речь философа) могли быть прочитаны Аскольду перед заключением договора об учреждении православной епархии в Киеве в 867 году. Конечно же, Аскольд и его окружение имели довольно слабое представление о христианстве,

поэтому наставления Фотия пришлось как раз ко времени и к месту. С этого момента и начался процесс христианизации восточных славян под влиянием Константинополя. Одновременно происходила христианизация и западных славян под влиянием римско-католической церкви.

Перед тем как принять новую веру, Владимир должен был решить для себя множество вопросов, в том числе и весьма щекотливого свойства. Как известно, христианская религия требует строгого соблюдения и выполнения ряда предписаний, регулирующих поведение человека в быту. В частности, не допускается прелюбодеяние и многоженство. Князь же, усиливая свою власть и распространяя ее на все Поднепровье и Поволжье, по свидетельству летописца, умножал и число своих жен и наложниц.

В церковной литературе обходят этот факт либо молчанием, либо обвиняют летописи в предвзятости. Но какой смысл было автору изображать Владимира в столь невыгодном для него свете? Не он ли признает его заслуги в принятии христианства и распространении новой веры на Руси? Думается, в основу изложения легли действительные события и сведения из надежных источников.

А сообщается о князе следующее: «Был же Владимир побежден вожделением, и вот какие были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, а наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове, в сельце, которое сейчас называют Берестовое».

Летописец характеризует Владимира как несусветного женолюбца и развратника: «И был он ненасытен в блуде,

приводя к себе замужних женщин и растляя девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение». Свой рассказ автор заключает рассуждениями о «добрых» и «злых» женах, но, обвиняя Владимира как язычника-блудодоя, противопоставляет ему Владимира-христианина, обретшего с принятием православия и свое спасение.

Здесь необходимо кое-что пояснить. У восточных славян к тому времени уже существовала моногамия, то есть парный брак. Однако полигамия, или многоженство, еще оставалось привилегией, правом племенных вождей, которые во время войн захватывали пленных и превращали на определенный срок плененных мужчин в своих рабов, а женщин — по выбору — в жен или наложниц. Следует еще учесть, что в те времена во всех странах Востока имела широкое распространение торговля рабами и рабынями. Особенно доходными являлись женские торги в городах Хазарского каганата, на всем Черноморском побережье и в самой Византии. Вот почему было принято иметь как можно больше рабынь и наложниц. Этим подчас определялось богатство и славянских племенных вождей или князей.

Как истинный представитель своего времени, Владимир тоже не ударил в грязь лицом, заведя столько жен и наложниц. Впрочем, торговлей ими он, кажется, не занимался, а без дарения их приближенным или иноземным гостям дело не обходилось. Наличие у него такого гарема можно объяснить еще и тем, что тогда существовал обычай, согласно которому победитель брал от каждого покоренного им города не только вещественную или денежную дань, но и женщину как заложницу. Таким образом, у Владимира Святославича, покорившего множество русских и нерусских городов, могло скопиться значительное число жен.

А то, что их у него было немало, сам за себя говорит следующий факт: князь имел двенадцать законных сыновей и не меньшее количество дочерей, из которых известны имена только двух: Предславы и Доброгневы.

Осада и взятие Корсуни

В 987—989 годах в Киевском государстве произошли события поистине революционные, изменившие древние устои языческой Руси, жизнь Киева и самого князя — главы и вдохновителя коренных религиозно-политических преобразований.

Жизнь требовала скорейшего введения христианства в государстве. На решительные шаги Владимира подталкивали в первую очередь внешние обстоятельства. Чтобы иметь беспрепятственный доступ русских купцов в византийские города, получить свободный выход в Причерноморье и на Дунай, необходимо было установить с Константинополем равноправные, союзнические отношения. Однако империя не торопилась признать Русь, относясь к ней как к стране «варварской», «незнаемой», «незначительной». Вот если бы она стала христианским государством, приняв новую религию из рук императора, тогда с ней можно было бы считаться, как, скажем, со Священной Римской империей.

Созрели для введения «греческой» веры и внутренние условия. Православие уже получило широкое распространение в русских городах, ведь еще бабка Владимира — Ольга крестила все свое окружение и даже внуков своих — Ярополка и Олега. Оставалось лишь узаконить то, что уже давно существовало, учредив правящую, или князеву, церковь.

Оттягивать с решением вопроса нельзя было и по той причине, что дружина Владимира Святославича в религиозном отношении не представляла собой единого, спло-

ченного войска, разделялась на последователей язычества и христианства. Особенно это проявлялось тогда, когда принимались клятвы перед боем или воздавались благодарения за одержанные над врагом победы: одна часть дружины следовала на Гору к требищу и статуе Перуна, а другая — в христианский храм на Подоле.

Таким образом, налицо были все условия для принятия новой веры. Но учредить ее собирались под эгидой не византийского императора, а константинопольской церкви. Оставалось лишь найти подходящий для осуществления замысла способ.

Удобный случай вскоре представился. В начале 987 года в Киев нагрянуло великое греческое посольство с богатыми дарами и посланием от императора Василия II, в котором он слезно молил «царя русов» оказать ему срочную военную помощь в подавлении восстания малоазийского сатрапа Варды Фоки, угрожавшего сместить Василия с престола. За эту услугу император обещал пойти на любые условия и уступки вплоть до признания Владимира «великим царем русов», если только тот примет крещение. В составе великого посольства находились и корсунские священники, в том числе пресвитер Анастас, хорошо знавший русское богослужение.

И вот тут-то, вернее всего, в княжеском окружении возникла идея женитьбы Владимира на греческой царевне Анне, объявленной сестрой самого императора. Все выгоды такого брака были, что называется, налицо: Владимир становился шурином Василия II и мог как равный ему управлять не только своим государством, но и новой государственной церковью. Немалые преимущества мог получить он и в торговле со всем Причерноморьем, закрепившись на Азове, в Крыму и на Дунае. Русские изложили греческим послам свое требование.

И тем ничего не оставалось, как проинформировать обо всем самого императора. Можно лишь удивляться

тому, как скоро из Константинополя был получен положительный ответ на условия киевского князя. Владимир же, не медля ни дня, сформировал шеститысячный корпус из своих дружин и отправил его к Черному морю по Днепру, с ним же в Царьград отбыло восвояси и греческое посольство. А корсуньские попы и епископ Анастас остались в Киеве, чтобы подготовить Владимира Святославича к торжественному событию. С этого времени Анастас войдет в доверие и станет служить князю до тех пор, пока сочтет нужным.

Вся зима 988 года прошла в ожидании вестей из Константинополя. Наконец пришло известие о том, что войска Варды Фоки разгромлены и русские воины, сыгравшие в этом решающую роль, возвращаются обратно.

Империя и ее император были спасены, но о выполнении своих обещаний в Константинополе и не помышляли. Еще ранее было условлено, что Анна должна прибыть в Киев до начала лета того же года. Чтобы обезопасить ее путь от нападения печенегов, Владимир с дружиной отправляется ей навстречу и до конца лета понапрасну ожидает царевну у порогов: она так и не появилась. Таким образом, ни о каком «крещении Руси» в то лето не могло быть и речи.

По возвращении в столицу Владимир, еще раз испытавший лицемерие и коварство византийских политиков, объявил о решении пойти на Корсунь, чтобы показать Царьграду свою силу и решимость отстаивать собственные интересы до конца. Поход намечался на весну 989, а не 988 года, как полагает летописец, допуская явную ошибку: византийские хроники помечают корсуньскую кампанию именно 989 годом, подробно описывая все, что происходило в те дни и недели и в Корсунии, и в Константинополе.

Мельчайшие детали предстоящего похода были тщательно продуманы. Теперь Владимир Святославич обла-

дал вполне достаточным опытом проведения дальних военных экспедиций и посуху, и по воде. И все же на сей раз предстояло нечто новое — атаковать и захватить с моря крепость, считавшуюся неприступной. Для успеха операции необходимо было изучить все окольные подходы к Корсуни и с моря, и с суши и, кроме того, провести в полной тайне переброску по Днепру и по морю более чем тридцатитысячного войска, на перевозку которого снарядили более восьми тысяч кораблей. Одновременно готовилась и конница для обеспечения безопасности продвижения отрядов по реке.

Военные силы при Владимире Святославиче состояли из княжеской дружины, а также ополчений и войсковых гарнизонов в городах и крепостях, где они формировались из местного населения. Основой армии оставалась княжеская дружина как регулярный вид войска, делившаяся на старшую и молодшую.

Старшая дружина являлась привилегированной частью армии, ее высшим, или командным, слоем. Она состояла из приближенных князя, преимущественно из представителей боярского сословия и из потомственных служилых (княжьих) людей. Из ее среды назначались воеводы в города и заставы, а также члены военного совета. При Владимире усилился процесс обрастания дружины недвижимым имуществом и землями, и она, постепенно сливаясь с боярством, высвобождается из-под княжеской опеки.

Младшая, или молодшая, дружина представляла собой контингент постоянного войска, набираемый из княжеской и боярской челяди, купечества и горожан. В ее составе имелись формирования мечников, лучников и копьевщиков. Особо отличившихся в боях зачисляли нередко в старшую дружину.

Кроме княжеской дружины на время войны создавались ополчения из жителей городов и сел, делившиеся на

сотни и тысячи во главе с сотскими и тысяцкими. Рядовых ополчения называли воями. Существовали также и временные формирования — наемные отряды и дружины, в которые за деньги шли служить иноземцы — варяги, прибалты, кочевники тюркских племен. В частности, торки и берендеи нанимались для защиты южных границ Руси от тех же печенегов или половцев. Дикое Поле, где обитали кочевники, являлось постоянным поставщиком боевых коней для княжеской конницы.

Существовал у князя и мощный по тем временам флот, который был незаменим при переброске крупных военных сил на большие расстояния. Не имея значительного количества различного типа судов, было бы невысказано за неполное десятилетие сделать то, что удалось Владимиру — объединить славянские племена междуречья Днепра и Волги, подчинить все народы, обитавшие в Поволжье вплоть до берегов Каспийского моря, покорить волжских болгар, усмирить Хазарский каганат, умиротворить ятвягов (литовцев), косоогов и печенегов, совершить военные походы на Дунай, в балтийское Поморье и в северные земли Приильменя. И наконец, двинуться в Крым и взять считавшуюся неприступной византийскую крепость Херсонес (Корсунь).

Мореходство и судостроение среди восточных славян зародились в начале первого тысячелетия. Из греческих и византийских источников мы узнаем, что наиболее древним судном у этого народа является «корабль», сооружавшийся из гибких ивовых прутьев и обшитый корой или кожами. Он напоминал пироги индейцев и каяки эскимосов, был чрезвычайно легким, удобным при переноске через бесчисленные волоки и пороги, но малоустойчивым, маломестительным и почти непригодным для плавания в открытом море. Позднее появилось более совершенное судно — лодка, или лодья-однодревка, изготовлявшаяся из огромных древесных

стволов, выдолбленных внутри и обтесанных снаружи. Она вмещала большее количество людей и груза, но, как и «корабль», еще не была пригодной для плавания по морям. Наконец, ко времени первых походов на Царьград киевские князья располагали наиболее совершенными судами как для речной торговли, так и для плавания по морям. Это были так называемые «набойные лодьи», по существу — высокортные шлюпки. Они обшивались внаклад досками и смолились смолой и дегтем. Их называли по-разному — лодьями (ладьями) морскими или заморскими, стругами, челнами. Кроме того, широко использовались в русских походах скандинавские шнеки, новгородские лойвы и ушкуи, а также греческие триеры и дромоны — предшественницы черноморских шаланд.

Какова же была грузоподъемность этих судов? В договоре Олега с греками 907 года говорилось: «...а в корабли помещалось по 40 муж». Из сочинений Константина Багрянородного узнаем, что на 7 русских судах помещалось 415 воинов, а на 10—12—629. Получается, что в среднем они могли принять на борт по 40—60 человек каждое. А для набегов на Царьград киевские князья располагали флотом в несколько тысяч кораблей.

Обычно, спустившись по Днепру к морю, русское войско и корабли делали последнюю стоянку на острове Евферия. Здесь флот оснащался парусами, веслами и якорями, а также катками-колесами для волоков и таранами. Для увеличения непотопляемости и остойчивости корабли обвязывали по бортам связками сухого камыша — черета. Во время плавания по морю старались не удаляться от суши. Ориентиром служили знакомые очертания берегов, звезды или солнце.

Неповторимое свособразие русского флота определялось характером рельефа русской равнины, особенностями взаимного расположения политических центров

Руси, отстоявших довольно далеко от моря — Киева, Переяславля, Чернигова, Ростова, Смоленска, Пскова, Новгорода, Полоцка, Червена, Перемышля и других. Отсюда и отличительные черты русских кораблей. Пороги и волоки требовали плоскодонных судов с минимальной осадкой и сравнительно небольших размеров. В то же время они должны были быть достаточно грузоподъемны, дешевы и просты в постройке, пригодны для плавания и по рекам, и по морю.

Легкость, подвижность и быстроходность таких судов диктовали и соответствующую тактику русских на море. «Полная неожиданность похода, стремительность атаки, возможность быстрого отступления в открытое море или к мелководным побережьям, плавням и речным устьям, где не в состоянии были бы настигнуть их тяжелые суда греческого флота,— такова была тактика наших предков,— отмечал русский историк Н. П. Загоскин,— требовавшая флота если и многочисленного («покрыли суть море корабли» — говорится про поход Игоря 945 года), но вместе с тем не громоздкого, легкого и подвижного, способного, смотря по обстоятельствам, идти как на веслах, так и под парусами».

В бою русские стремились разгромить врага, используя момент внезапности. Быстро нападали, пытались сойтись с противником борт о борт, взять его на абордаж, при неудаче так же быстро отходили, рассыпаясь по морю и стараясь ускользнуть от преследования¹.

¹ Типичным примером такого боя на море явилось сражение у Царьграда в 1043 г. Целый день греческие триремы не решались нападать на русских, выстроившихся перед ними фронтом. Лишь вечером их тяжелые суда устремились в атаку. Камнеметные машины, «греческий огонь» и страшная буря сделали свое дело. С большими потерями русские отошли в бухту. Но когда византийский адмирал Феодорокан увлекся погоней, русские, используя свое превосходство в маневренности и быстроходности, вступили в бой, разгромили греков, пустили ко дну несколько неприятельских судов, четыре галеры захватили и убили самого Феодорокана.

Основным принципом ведения войны в Древней Руси было единство военных действий на суше и на море. Рейды предпринимались одновременно и по земле, и по воде: поход по суше превращался в морской, а морской сопровождался или заканчивался военными действиями на суше. С судов высаживались десанты, в том числе конница.

Среди воинства Древней Руси никакого деления на сухопутное и морское не было и быть не могло. Один и тот же воин по мере надобности сражался и на земле, и на воде. Этим отличалось русское военное искусство от стратегии и тактики всех европейских государств. Верность его традициям, его постоянное развитие обусловили впоследствии многочисленные победы России на суше и на море, выдвинули целую плеяду великих полководцев и флотоводцев, исповедовавших унаследованную от своих далеких предков тактику единства морского и сухопутного боя. «Русь шла своим самобытным путем, отнюдь не отгораживаясь от соседей, заимствуя у них и, в свою очередь, передавая им свои навыки, свой опыт, свое искусство, создавая оригинальные суда и своеобразную морскую тактику, эффективную и живучую, унаследованную в модифицированном виде и днепровскими казаками и галерным флотом Петра, и превзойдя многие народы в области судостроения как по качеству, так и по количеству судов, а главное, в мореходном искусстве и морской доблести, заслуженно вошла в историю как страна предприимчивых и доблестных «пенителей морей». Так характеризует В. В. Мавродин особенности флотоводческого дела на Руси.

Великое множество больших и малых судов строилось на всем днепровском пути от Ладоги и Чудского озера до Смоленска, Чернигова и Киева. Сюда же сходились корабли, сработанные на притоках Днепра и Западной Двины. Их поставляли корабелы устюжане,

псковари, жившие по реке Великой и ее притоку Пскове¹

В строительстве кораблей принимали непосредственное участие и смоленские смолокуры — добытчики дегтя, мастера смолить ладьи, и вятичи — приокские мастера однодревков.

Вся Русь строила и города, и корабли. Именно такой представляет нам ее и наш ученый-этнограф и художник Н. К. Рерих. С присущим ему даром проникновения в русскую старину отображает он в ранний период своего творчества неумную силу и энергию созидания русских людей, возводивших новые города и крепости, делавших первоклассные по тем временам корабли. Вот лишь некоторые сюжеты его картин: «Утро богатырства киевского», «Старая Ладога», «Красные паруса», «Город строят», «Строят ладьи», «Волокуч волоком», «Смолокуры» и др.

Движение армады кораблей в те времена являло собой впечатляющее зрелище. Вот как поэтически образно, романтически красочно описывает Николай Рерих эту картину: «...длинными рядами идут ладьи: яркие раскраски горят на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким - стройным носом — драконом. Полосы красные, зеленые, желтые и синие наведены вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, грива и перья зеленые. На килевом бревне пустого места не видно — все резное: крестики, точки, кружки переплетаются в самый сложный узор... Около носа и кормы, на ладье щиты навешаны, горят под солнцем. Паруса своей пестротой наводят страх на врагов, на верхней белой

---

¹ Кличка «псковари» перешла в «скобари» из-за обычая, распространенного среди псковских плотников: носить свои острые плотницкие топоры в деревянных скобах, чтобы они не тупились. Про них говорили: «Эвот, пошли скобари терема строить!»

кайме нашиты красные круги и разводы, сам парус редко одноцветен — чаще он полосатый, полосы на нем или вдоль или поперек, как придется...

Стихнет ветер — дружно подымутся весла, как одновременно бьют они по воде, несут ладьи по Волхову, Ильменю, Ловати, Днепру — в самый Царьград...»

Это описание можно было бы дополнить некоторыми деталями: обычно большие многовесельные парусные ладьи сопровождались легкими верткими и быстрыми, как челноки, однодревками, то вырывающимися вперед, то возвращающимися к главным силам. При высадке на берег десанта они являлись незаменимыми.

Из всего сказанного о военных силах русских становится ясно, насколько серьезную угрозу создавали они для любого противника в случае войны. А что же представлял собой город, на который собирался двинуть свое войско Владимир?

Корсунь со времени ее основания греческими колонистами в V веке до н. э. (греки назвали колонию Херсонес) являлась полисом-крепостью, защищенным со всех сторон мощными оборонительными сооружениями. Свободолюбивое многоязычное население города на протяжении почти полутора тысяч лет защищало свои порядки и свободу, выработав тактику борьбы не только с самой митрополией — Византией, но и с кочевниками Причерноморья — сарматами, аварами, хазарами и печенегами. В этом богатом торговом порту издавна селились мореходы, торговцы и ремесленники из многих земель, в том числе и из Поднепровья, а ко времени описываемых нами событий его славянское население было весьма значительным, по преимуществу христианским, имело свои приходы и храмы. Именно здесь поначалу появилась славянская письменность и книжное богослуже-

ние на болгарском языке, заимствованное из Болгарии.

Как всякий торговый морской полис, Корсунь превыше всего ценила свою свободу и независимость от какой бы то ни было деспотии. Ее правители (архонты) издавна избирались всем населением и присягали на верность своему городу, произнося клятву: «Не предам Херсонес!»

Империи приходилось считаться с этим, так как императоры боялись потерять чрезвычайно важную колонию на северном побережье Черного моря, обеспечивавшую метрополию жизненно необходимыми товарами и продуктами, прежде всего хлебом, рыбой, медом, воском, которые поступали сюда из Поднепровья. Поэтому и для киевских князей Крым и особенно Корсунь приобретали все большую важность для развития торговли со всеми странами Причерноморья, да и не только его. Здесь сходились торговые речные пути Днепра, Буга, Дона, отсюда русские купцы отправляли свои товары в придунайские земли, в Византию, Армению, в средиземноморские государства.

Значение Корсуни определялось также и ее ключевым географическим положением. Располагаясь в устье Днепра, она запирала выход в море. Тот, кто владел крепостью, обладал мощным средством воздействия на стратегическую обстановку в обширном районе.

Кроме того, с незапамятных времен город являлся своеобразным плацдармом распространения христианской религии среди языческих народов. Именно отсюда, согласно церковной традиции, в I веке новой эры христианство начало проникать во все греческие колонии Причерноморья и Приазовья. Римляне сделали Херсонес местом ссылки христиан. Так, сюда была сослана племянница римских императоров Тита и Домициана — Флавия Домитилла за приверженность христовой вере.

в годы правления Траяна здесь отбывал заключение римский епископ святой Климент, работавший как простой раб в местных каменоломнях¹.

В этом городе возникли еще в конце IX века первые русские церковные общины и церкви. Отсюда же пришли на Русь и многие миссионеры-христиане. И отторжение города, игравшего роль центра религиозно-миссионерской деятельности, не могло не ослабить позиции Константинополя.

Все это учитывал киевский князь и поступил очень умно, выбрав в качестве объекта военного удара не Царьград, а Корсунь.

Как ни скрытничал Владимир, но сохранить в тайне переброску такого большого войска оказалось невозможным, так как лазутчики императора постарались сообщить об этом эстафетой в Константинополь. К устью Днепра был спешно направлен флот Василия II, чтобы запереть выход русским кораблям в море. Но греки опоздали. Княжеский флот уже подходил к крымским берегам, приближаясь к Херсонесу.

Владимиру стало известно, что в Херсонесской (ныне Севастопольской) бухте находится значительное число греческих боевых кораблей, охраняющих подступы к крепости с моря, поэтому он сначала предпринял высадку своих войск на отлогом берегу в тридцати километрах от Корсуни, намереваясь затем взять ее в кольцо осады как с суши, так и с моря.

Осада Корсуни оказалась долгой и изнурительной для обеих сторон. Наступило знойное крымское лето, тянулись дни за днями, а крепость отражала все атаки

---

¹ Климент якобы основал в Крыму 75 церквей, за что был сброшен в море с железным якорем на шею. Однако его «нетленные» мощи будто бы извлекли из морской пучины, и в IX в. святой Кирилл Философ перевез их в Рим. Но часть мощей осталась в Корсуни, откуда и была доставлена в Киев Владимиром Святославичем после взятия этой крепости.

русских сотен и тысяч. Стены ее были сложены из каменных блоков, толщина стен достигала трех метров, к тому же город имел двойную и тройную систему земляных и каменных оборонительных поясов, пробиться сквозь которые без наличия мощных стенобитных орудий было просто невозможно. Недаром эти стены выдерживали приступы вражеских полчищ на протяжении многих предшествующих веков.

Греческий гарнизон оборонялся стойко и умело, имея запасы продовольствия на целые годы, и Владимир крепко задумался над тем, как овладеть цитаделью, сохранив живую силу. Ведь на подход свежих сил ему не приходилось теперь рассчитывать. И тут он вспомнил, что в Корсуні находится тот самый Анастас, с которым князь еще недавно встречался в Киеве. Помнится, пресвитер предлагал свои услуги в любом предприятии против Константинополя и самого аскетичного, коварного и лицемерного императора Василия II. Решили непременно связаться с ним, послав в Корсунь своего лазутчика.

Тем временем Владимир задумал испытать еще один способ овладения крепостью: возвести у ее стен земляную насыпь до их верхнего уровня и по ней прорваться в город. За день с большим трудом едва удавалось насыпать земляную гору, но всякий раз за ночь она исчезала. Защитники города подкапывались под стены и корзинами оттащивали землю внутрь цитадели. Все это походило на чудо.

Штурм возобновился с новой силой. И вот во время очередного приступа неподалеку от Владимира упала выпущенная сообщником Анастаса варягом Ждьберном стрела с привязанной к древку запиской. Записку тут же перевели. В ней Анастас сообщал: «Перекопай и перейми воду из колодца, лежащего от тебя к востоку, из него по трубе вода идет в город».

Прочитав послание, князь воспрянул духом и якобы

воскликнул: «Если от этого Корсунь сдастся, то я сам крещусь!» Судя по этим словам, приводимым летописцем, тогда «царь русов» еще не принял крещения.

Указанный в записке колодец вскоре обнаружили, а трубы, идущие от него в город, перекрыли. Спустя несколько дней горожане, лишенные воды и изнемогшие от невыносимой жары, которая обычно наступает здесь в разгар лета, сдались на милость противнику.

Владимир торжественно вошел с дружинами в город. На улицах его встречало духовенство во главе с Анастасом, благодаря бога за сохранение жизней населения и за то, что победитель оказался добрым и милостивым, чего тут отродясь не бывало. Подавленное состояние жителей, ожидавших самого худшего, вскоре сменилось всеобщим ликованием. А Владимир Святославич, пребывая в великой радости и гордости, посылает в Константинополь нарочных с письменным сообщением: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». Трудно судить, так ли все было, поверим летописцу на слово. И все-таки император получил нечто похожее на это сообщение из Корсуни, иначе он не стал бы срочно отправлять в Херсонес своих послов на переговоры с Владимиром, чтобы потянуть время и выторговать наиболее выгодные условия выдачи царевны за напористого и опасного «царя русов». Ответ на ультиматум Владимира, как приводит его летописец, был таким: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников». Тогда князь заявил послам: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И снова из Константинополя: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Но Владимир стоит на своем: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня».

Пока шли препирательства, в Корсуни происходили более важные события: обсуждалось положение дел в торговле русских купцов в городах Причерноморья, в самом Царьграде и на Дунае. Одновременно с приехавшими сюда сановниками греческого патриарха решался вопрос об учреждении греко-православной митрополии в Киеве. Да и вообще в Корсуни творилось нечто доселе невиданное: пока Владимир ожидал приезда греческой царевны, в город прибывали все новые депутации из многих стран, чтобы представиться Владимиру Святославичу как сокрушителю могущества Византии и заявить о своих союзнических намерениях. Сюда пожаловали посланцы Болеслава Лядского (Польша), Стефана Угорьского (Венгрия), Андриха Чешского (Чехия), императора германского Оттона III и папы римского Сильвестра II. Они хотели склонить киевского князя к принятию католичества, обещая ему покровительство и римской церкви, и всего католического Запада. По-видимому, именно это заставило императора Василия II поспешить с заключением мира и отправкой Анны в Корсунь вместе с сановниками и пресвитерами.

Имея о Владимире представление как о кровожадном человеке, новом Аттиле, Анна, естественно, упиралась и не хотела покидать своих близких: «Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И тогда принимались всячески увещевать ее: «Может быть, обратит тобою бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны».

А ведь и впрямь положение Византии было крайне неустойчивым и могло стать критическим, если бы Владимир в союзе с другими странами Европы направил свои силы на Дунай. Понимая это, император и весь его двор все же принудили Анну отправиться в Херсонес. «Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли

корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего, и скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего».

Вот ведь сколько пришлось упрашивать Владимира, чтобы он все-таки крестился. И теперь, наконец, это свершилось: «Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир». Развивая тему, автор летописи приводит и такие подробности: «Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем».

Самым любопытным в описании данных событий представляется нам следующее рассуждение летописца: «Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Васильеве, а другие и поному скажут...». Значит, существуют на этот счет разные точки зрения. Так когда и где в действительности крестился киевский князь? После взятия Корсуни или до корсуньского похода? В самой Корсуни или где-то еще? Над этими вопросами ломали головы многие наши историки, но так и не пришли к единому мнению. Так же как и в отношении крещения бабки Владимира — княгини Ольги. Если верить сведениям различных источников, то выходит, что оба крестились дважды. А ведь так и могло быть на самом деле. Не исключено, что Владимир Святославич первый раз принял православие в Киеве. За это говорит следующий факт.

Христианская церковь как таковая еще не существовала на Руси из-за отсутствия официального ее учреж-

дения как митрополии византийской либо римской церкви, и поэтому то крещение, которое практиковалось в киевских или иных храмах, не признавалось действительным в Византии, тем более если вопрос касался «игемонов» (государей) русских. Вот почему и Ольге и ее внуку пришлось перекрещиваться по всем правилам византийского церковного обряда. Актом крещения устанавливался патронат греческого императора и его церкви и над самими «игемонами», и над Киевской Русью. Ведь именно на этом настаивал византийский император Василий II, когда предлагал Владимиру принять крещение в главном храме Корсуни от греческого духовенства и взять имя их общего святого покровителя — Василия. И князю пришлось сделать такую уступку ради достижения главной цели — быть признанным наравне со всеми европейскими государями.

Таким образом, и корсунское крещение, и венчание с Анной явились исходным актом введения греко-православной митрополии на Руси. Теперь Владимир мог возвращаться в Киев в новом качестве реформатора, вместе с вновь обретенной супругой и греческим духовенством — корсунскими священнослужителями, в числе которых были Анастас и Иоаким, ставшие первыми русскими епископами.

Какие выгоды, конфессиональные и политические, получала Русь от перехода в новую веру? Русская церковь учреждалась как самоуправляемая и национальная с точки зрения богослужебной практики, а киевский князь обретал статус суверенного государя своей страны, имеющего теперь равные со всеми европейскими государствами права в решении всех межгосударственных вопросов. Принятие христианства сулило и иные преимущества, открывающие широкие перспективы в культурном обмене со всеми европейскими странами, в распространении славянской письменности, учреждении школ, строи-

тельстве церквей и монастырей, словом, всего того, что выводило Русь на новые исторические рубежи в развитии феодализма.

Согласно летописи, и самому Владимиру новая религия принесла пользу — он чудесным образом прозрел! Здесь следует сказать, что и его слепота, и его «исцеление» могли произойти по самым что ни на есть естественным причинам. Кратковременная потеря зрения, или «куриная слепота», как раз характерна для этого приморского района и вызывается укусами москитов. Болезнь, называемая здесь «москиткой», поражает тех, кто приезжает сюда впервые и проходит период акклиматизации. Этим заболеванием и поныне страдают матросы Черноморского флота, начинающие свою службу в Севастополе или Балаклаве.

А что известно о жене князя, той, которую называли сестрой обоих императоров — Василия II и Константина VII, правившего после него? Бала она, если верить летописям и византийским хроникам, дочерью коварной Феофано — жены императора Никифора, убитого своим двоюродным братом Цимисхием, состоявшим в заговоре с Феофано. Она же приходилась сестрой Феофании, выданной замуж за германского императора Генриха II. Однако в «Повести временных лет» мы находим довольно странное утверждение о том, что Анна являлась не гречанкой («грекиней»), а болгаркой («болгарыней»). Так, перечисляя всех сыновей Владимира, родившихся от разных жен, Нестор говорит буквально следующее: «...а от болгарыни имел он двух сыновей: Бориса и Глеба». Может быть, Нестор ошибся или оговорился? Или эту ошибку допустили переписчики «Повести» либо ее последующие редакторы?

И тут напрашивается еще одна версия о происхождении царевны. Вполне вероятно, что Анну выдавали за сестру императоров потому, что она являлась дочерью не

византийки Феофано, как принято было считать, а болгарского царя Бориса, которого император Иван Цимисхий пленил в 972 году вместе со всем семейством и перевел на жительство в Константинополь. После гибели Бориса его дети жили при императорском дворе на правах царских отпрысков, от имени которых империя правила болгарами. Вследствие этого Анну и выдавали за сестру Василия II. Ведь не случайно и то, что вместе с нею в Корсунь прибыло большое число болгарских священников. И наконец, еще один довод в пользу нашей версии: обоим сыновьям Анны дали болгарские имена, а первенца назвали в честь болгарского царя Бориса.

Самого Владимира брак с болгарской царевной устраивал как нельзя лучше. Он убивал сразу двух зайцев: с одной стороны, вступал в отношения родства с византийской императорской династией, а с другой — становился восприемником царской власти над Болгарией как муж болгарской царицы. И благодаря этому получал право на политический статус равного среди равных на Балканах и на Дунае, продолжая то, что было начато его отцом — Святославом.

Помимо всего сказанного о «болгарской версии» существует еще один довод в пользу ее: Владимир Святославич одерживает блестящую дипломатическую победу, согласившись подчинить Русскую Епархию не константинопольскому патриарху, а Болгарской Охридской Митрополии и назначить на пост главы русской церкви болгарина митрополита Михаила. Это положение оставалось вплоть до 1018 года, когда Болгария была полностью подчинена власти императора Византии Василия II и константинопольского патриарха. Спустя два столетия Болгария вновь обрела независимость при Иване Асене II и русско-болгарские связи были восстановлены. О том, что матерью Бориса и Глеба являлась болгарыня, свидетельствуют фрески тырновской церкви Петра и Павла, созданные около

1235 года. На них изображены Владимир и Анна — «болгарская царица». Вот что скрывалось за одним лишь словом «Повести временных лет».

Владимир, названный Василием, возвращается в Киев

То-то было удивление людей, собравшихся у Боричева взвоза на просторной площади у Днепра, когда сюда возвратился из корсуньского похода Ярилин внук и его дружины. Все произошло прямо как в той сказке, где молодой и удалой царевич, победив заморского царя, привозит домой царскую дочь, ставшую его женой.

Можно себе представить, как по широким сходимым с громоздкого греческого дромона сходит на берег невиданная доселе процессия попов в фелонях, в золоченых омофорах и сверкающих камнями митрах, молодцеватых дьяконов, несущих иконы, хоругви, золотые и серебряные священные сосуды, огромные фолианты евангелий в золотых окладах, предметы епископского богослужения — орлец и посох, серебряную раку с частью мощей святого Климента и его ученика Фифа. За ними следует приземистый чернобровый грек Анастас, ставший духовником Владимира после его корсуньского крещения и бракосочетания с Анной.

С другого дромона спускают на толстых капатах тяжелую квадригу (колесницу) и четырех медных коней, казавшихся живыми. Прихватив эти скульптуры с собою из Корсуни, князь собирался поставить их на Горе вместо Перуна, о чем никто в Киеве еще не подозревал и не догадывался.

А вот и сам князь сходит на берег, поддерживая за руку греческую царицу, облаченную в белые шелковые одеяния новобрачной. Владимир садится на поданного ему моло-

дого жеребца, а его супругу усаживают в легкий паланкин, который несут по взвозу наверх шестеро молодцов-дружинников.

Не устраивается ни обычного в таких случаях ликования, ни веселья — ни здесь, у пристаней, ни на Горе, куда поднимается вся процессия к ожидающим ее там княжеским детям и боярам. После встречи опять происходит нечто странное: вместо того чтобы совершить благодарственное жертвоприношение Перуну у его третища, Владимир и княжеское сопровождение следуют в терем и закрываются в нем.

А тем временем на Подоле, на Почайне и на Лыбеди люди толпятся у старых третищ, принося жертвы своим покровителям, и ведут пересуды об увиденном и услышанном. Между ними ходят волхвы и обносят их дымными головнями. В разных концах на улицах завязались стычки между ревнителями дедовской веры и христианами, запылали пожары.

В последующие дни по всем улицам Горы и Подола стали ходить «крестные ходы», охраняемые дружиной. Попы кропили святой водой дома и колодцы, окуривали жилища и скот дымным каждением, изгонявшим «нечистую бесовскую силу». По приказу князя начали рубить во всех частях верхнего и нижнего города деревянные церкви и молельни, вокруг которых заводи церковные приходы. В связи с этими нововведениями обстановка в Киеве накалилась до предела, все его население раскололось на два враждующих лагеря. Если одни шли и поклонялись Перуну и Волосу, то другие истово молились в наскоро отстроенных церквах и вели себя по отношению к язычникам весьма независимо и воинственно, имея за своей спиной мощную поддержку со стороны самого князя и его дружины. А ведь совсем недавно христианам здесь приходилось весьма туго.

Впрочем, и самому князю в том его положении было

нелегко разобраться во всем происходящем. Голова шла кругом от множества вопросов, он не знал, с чего начинать установление новых порядков. Как оказалось, начинать надо было с себя. Царица и новое духовенство подступили к князю с требованиями коренного переустройства жизни его семьи на греческий манер, согласно «Номоканону» — церковному уставу, а также регламенту византийского царского двора. Но для этого надо было обратиться в новую веру всех княжеских детей, а также избавиться от многочисленных жен и наложниц. Представляется, что именно ритуал обращения в новую веру родных и приближенных князя и лег в основу предания о «крещении Руси», так как адресованный якобы всем киевлянам приказ Владимира «явиться завтра на реку» мог касаться только конкретных лиц всего его семейства и той части дружины, которая еще не приняла христианство.

Затруднений в проведении данного религиозного обряда существовало немало. По всей видимости, он совершался формально в ходе общего литургического богослужения вместе с «оглашением» и «имянарчением», так как наиболее полный чин церковных таинств в то время на Руси отсутствовал. Само таинство крещения могло ограничиваться «оглашением», или надеванием нагрудного крестика. О том же, как крестились князевы дети, нам ничего не известно, кроме лишь того, что им присваивались новые христианские имена. Так, Ярославу дали имя Юрий (Георгий).

Что же касается бывших жен и наложниц Владимира Святославича, то их последующая судьба нам неизвестна, хотя из летописей мы узнаем о том, что в Изяславль, где якобы проживала с сыном Изяславом высланная по воле Владимира Рогнеда, было послано предписание: «Теперь, крестившись, должен я иметь одну жену, а ты выбери себе мужа из моих князей и бояр, кого пожелаешь». На что гордая Рогнеда ответила: «Царицей я была, царицей и оста-

нусь, и ничьей работой не буду. А если ты сподобился крещения, то и я могу быть невестой христовой». То есть стать монахиней. Предписание киевского князя, как и ответ на него Рогнеды — чистейший вымысел летописца.

Во-первых, никуда из Киева Рогнеда не переселялась, а город Изяславль возник уже после ее смерти, после того, как сюда уже взрослым был назначен наместником ее сын Изяслав.

Во-вторых, решение или угроза Рогнеды постричься в монахини представляется нереальной по той простой причине, что ни мужских, ни женских монастырей на Руси тогда не существовало. Первые монастыри появились при Ярославе пятьдесят лет спустя после описываемых событий. В летописях под 1037 годом сообщается: «Черноризьцы почали множитися и монастыреви начинаху быти». При Ярославе построены два монастыря: Георгиевский — мужской и Ириновский — женский в честь христианских княжеских имен. Немного позже был основан игуменом Антонием и Киево-Печерский (пещерный) монастырь.

Судя по всему, Рогнеда продолжала жить в тереме на Лыбеди вместе со своими детьми, а под конец жизни — с дочерью Предславой. В ее отношениях с Владимиром Святославичем после его нового брака, как мы полагаем, не произошло особых перемен, так как князь во всем поступал по собственной воле и совести и питал к ней постоянную привязанность, имея от нее столько детей.

Тем не менее со временем отношения Владимира и Рогнеды обросли легендой о неудавшемся покушении на жизнь князя, предпринятом его «главной» женой то ли в канун корсуньского похода, то ли после него.

Упомянутая легенда легла в основу летописного рассказа, построенного целиком на вымысле, как и сообщение о пострижении Рогнеды в монахини. Это вызывалось необходимостью хоть как-то обелить Владимира Святосла-

вича, который после женитьбы на Анне и крещения оставался по-прежнему многоженцем, что никак не вязалось с его новым статусом христианина и православного государя. Во-первых, надо было оправдать Владимира перед богом и церковью, за все заслуги перед ними, создать ему образ праведника, утверждая, что с Рогнедой он не жил, а во-вторых, сохранить моральный облик князя как семьянина и человека, переложив вину за его разрыв с семейством целиком на Рогнеду, намеревавшуюся убить отца своих детей, и представив ее помилование мужем как акт христианского милосердия последнего. Вместе с тем представлялось важным причислить и саму «грешницу» и язычницу Рогнеду, якобы посвященную в монашество, к последователям новой веры, создать ей образ добропорядочной матери и прародительницы православных русских князей и царей.

В общих чертах сюжет сводится к следующему. В один из дней Владимир приехал навестить Рогнеду и своих детей, проживавших в тереме на Лыбеди, где он обычно отдыхал и оставался ночевать. Но на этот раз его визит завершился самым ужасным происшествием. Находясь с Рогнедой в опочивальне, князь погрузился в безмятежный сон, но вдруг внезапно проснулся и увидел Рогнеду, занесшую над ним кинжал и собиравшуюся пронзить его сердце. Перехватив ее руку с кинжалом, Владимир вскочил с постели и тем самым избежал от смерти. Затем последовали объяснения: «С горести подняла на тебя руку, — оправдывалась Рогнеда. — Отца моего убил, землю его полонил из-за меня. А теперь не любишь меня, ни своих детей...»

Вот ведь какая сложная гамма чувств и мыслей. Не слишком ли запоздалой оказалась ее месть и ревность к супругу, имевшему столько жен и наложниц?

Не менее странными представляются реакция на это самого Владимира и его ледяное самообладание, когда он

приказывает Рогнеде приготовиться к казни, как обреченной на заклятие жертве: нарядиться в те одежды, которые были на ней в день их свадьбы, и сесть на богато убранном ложе в горнице. Хотя ни о какой их свадьбе нигде в летописях не упоминалось, да и могла ли она быть при тех обстоятельствах, после полоцкого побоища и убийства родителей и братьев Рогнеды?

Далее рассказывается, как Рогнеда после ухода Владимира из опочивальни бросилась к своим детям и подговорила одного из них — Изяслава появиться в горнице, как только в нее пожалует его отец, чтобы помешать ему совершить свою казнь и суд над нею. Когда же Владимир вошел в горницу, то увидел пред собою сына с отцовским мечом в руках. Протянув меч отцу, мальчик произнес слова, которые внушила ему мать: «Отец, или ты думаешь, что ты здесь один ходишь?» В полной растерянности и смущении князь будто бы на эти слова отозвался так: «А кто тебя чаял здесь?»

Пытаясь выйти из положения, он действует не лучшим образом, вынося, что называется, «сор из избы» — предает Рогнеду боярскому суду: решайте, мол, и быть посему. А бояре, сжалившись над Рогнедой, порешили: «Не убивай ее ради детей, а устрой вотчину и дай ей с сыном». И тогда якобы Владимир построил в полоцкой земле городище и отправил туда Рогнеду вместе со спасителем-сыном Изяславом.

Судьба Рогнеды волновала воображение не только древних русских летописцев, но и писателей, поэтов, композиторов XVIII—XIX столетий, уже после открытия и публикации списков «Повести временных лет». О Владимире и Рогнеде писали драмы, стихи, а А. Н. Серов создал на тот же сюжет оперу «Рогнеда». Поэт-декабрист Кондратий Рылеев положил легенду о трагическом разрыве супружества князя и его полоцкой жены в основу драмы в стихах, также названной им «Рогнеда». Вот как в его

изложении предстает драматическая картина развития событий:

При стуках чаш Боян поет,
Вновь тешит князя и дружину...
Но кончен пир — и князь идет
В великолепную одрину.
Сняв меч, висевший при бедре,
И вороненые кольчуги,
Он засыпает на одре,
В объятьях молодой супруги...

Князь спит покойно... Тихо встав.
Рогнеда свечок зажигает
И в страхе, вся затрепетав,
Меч тяжкий со стены снимает...

Идет... стоит... ступила...
Едва дыханье переводит...
В ней то кипит, то стынет кровь...
Но вот... к одру она подходит...
Уж поднят меч! ...Вдруг грянул гром,
Потрясся терем озаренный —
И князь, объятый крепким сном,
Воспрянул, треском пробужденный —
И пред собой Рогнеду зрит...
Ее глаза огнем пылают...
Подъятый меч и грозный вид
Преступницу изобличают...

Меч выхватив, ей князь вскричал:
«На что дерзнула в иступленьи?..»
— «На то, что мне повелевал
Ужасный Чернобог — на мщенье!» —
«Но долг супруги? Но любовь?..»
— «Любовь! к кому?.. к тебе, губитель...
Забыл во мне чья льется кровь,
Забыл ты, кем убит родитель!..»

Далее следует монолог Рогнеды, исполненный справедливого гнева и негодования, заканчивающийся словами:

С какою б жадностию я
На брызжущую кровь глядела,
С каким восторгом бы тебя,
Тиран, угасшего узрела!..

И князь произносит свой суровый приговор:

Супруг, слова прервав ея,
В одрину стражу призывает.
«Ждет смерть, преступница, тебя!» —
Пылая гневом восклицает.
«С зарей готова к казни будь!
Сей брачный одр пусть будет плаха!
На нем пронжу твою я грудь
Без сожаления и страха!»

Заключительная часть поэмы рисует сцены несостоявшейся казни:

И вот денница занялась,
Сверкнул сквозь окна луч багровый —
И входит с витязями князь
В одрину, гневный и суровый.
«Подайте меч!» — воскликнул он.
И раздалось везде рыданье.
«Пусть каждого страшит закон!
Злодейство примет воздаянье!»

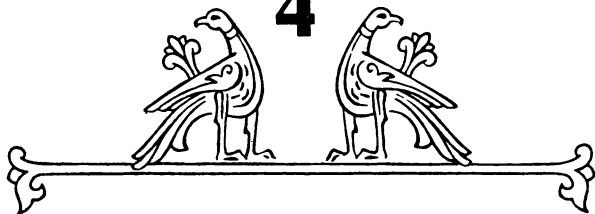
И быстро в храмину вбежав:
«Вот меч! Коль не отец ты ныне,
Убей!» — вещает Изяслав.
«Убей, жестокий, мать при сыне!»
Как громом неба поражен,
Стоит Владимир и трепещет,
То в ужасе на сына он,
То на Рогнеду взоры мечет...

Наступает финал — умиротворяющий и всепрощающий:

Речь замирает на устах,
Сперлось дыханье, сердце бьется,

Трепещет он, в его костях
И лютый хлад, и пламя льется,
В душе кипит борьба страстей:
И милосердие, и мщенье...
Но вдруг, с слезами из очей —
Из сердца вырвалось: «Прощенье!»

Древняя легенда, дошедшая до нас, возникла и сложилась на Севере, скорее всего в Полоцке, и вошла в более поздние летописные своды, как и многие летописные материалы других русских городов. О Рогнеде же мы не имеем более никаких сведений кроме записи в летописи: «В год 6506 (1000). Преставилась Малфрида. В то же лето преставилась и Рогнеда, мать Ярослава». Запись эта появилась лишь в первом летописном своде, написанном в Софии Киевской при Ярославе. Поэтому и говорится в тексте о том, что Рогнеда была матерью Ярослава.

О том, как Владимир утверждал православие

Еще в Корсуни Владимир Святославич утвердился в намерениях учредить в Русском государстве собственную церковь, которая могла бы ему служить так же, как греческая служила византийским императорам. Во время его встреч с греческим духовенством, прибывшим из Константинополя, подолгу обсуждались условия учреждения и организации церковных служб и органов в соответствии с правилами церковного устава «Номоканона». Владимиру хотелось иметь под рукой независимую от Константинополя церковь, однако пришлось согласиться с тем, что на высшие церковные должности должны назначаться греческие иерархи. Да и не было еще на Руси своего духовенства, способного окормлять государственную церковь.

Ни о каком единовременном крещении Руси Владимир тогда не помышлял, хорошо представляя себе абсурдность такого намерения в условиях, когда взаимосвязи русских городов и весей не были налажены настолько, чтобы проводить такого рода мероприятия. Поэтому речь могла идти пока что лишь об учреждении киевской церковной митрополии и епископского богослужения в нескольких самых больших русских городах. Но прежде необходимо было подготовить почву, то есть ликвидировать

старую языческую культовую практику, разорив капища и требища — места поклонения племенным богам и самому верховному божеству — Перуну. Этим Владимир мог заняться не ранее осени 989 года, по возвращении из курсуньского похода, или даже весной 990 года.

Сведения по данному вопросу, содержащиеся в наших летописях, едва ли можно считать достоверными, многое построено на домыслах самих благочестивых монахов-летописцев, датирующих «крещение Руси» 988 годом. Чтобы убедиться в этом, обратимся к византийским хроникам. В хронике александрийского патриарха Евтихия «Нить драгоценных камней» события разворачиваются в следующей последовательности. В конце 987 года войско мятежного Варды Фоки стояло у Хризополя, расположенного в Малой Азии против Константинополя. Василий II в начале 988 года заключает договор с князем Владимиром о помощи. Летом 988 года шеститысячный русский отряд прибывает в Византию и принимает участие в разгроме Варды Фоки в битве при Абидосе 13 апреля 989 года. Лето 988 года Владимир проводит у днепровских порогов, ожидая прибытия Анны, как было условлено в договоре с императором Василием. Но Анна не прибыла, и стало ясно, что император обманул киевского князя. Тогда и возникает решение идти походом на Курсунь, чтобы наказать императора за его клятвопреступление. Русские суда весной 989 года спускаются вниз по Днепру и высаживаются в Крыму вблизи Херсонеса. Взятие города византийские хроники датируют временем между апрелем и июлем, а прибытие Анны в Херсонес — началом осени.

Следовательно, Владимир возвратился в Киев значительно позднее так называемого «крещения Руси» и до того события, которое вошло в нашу историю как «поругание языческих идолов».

...То, что произошло, потрясло киевлян. В один из дней на Старокиевской горе собралось множество людей со

всех концов города и из окрестных селений. Церемониал низвержения идолов был заранее подготовлен и походил на публичную казнь разбойников, во время которой первыми казнят рядовых членов шайки, а в конце их главаря. Сначала порушили статуи Волоса, Хорса, Дажьбога, Мокоши и Симаргла, бросив их в огромный костер, а затем приступили к Перуну: свалили его на землю, содрали с него позолоту и камня и, привязав к хвосту лошади, поволокли по Боричеву взвозу к Днепру, подталкивая на ходу статую шестами и беспрестанно колотя ее палками. Огромная толпа потянулась вслед за ним вниз. Легко представить себе состояние киевлян, ставших невольными свидетелями этого «святотатства». Ведь и те, кто считал себя христианами, еще не отрешились от прежней веры и почитания славянских богов и не отрешатся на протяжении целых веков. Стон и плач стоял великий, и дружинам было нелегко сдерживать волнение людей, потерявших священных покровителей их рода и семьи, посевов, скота и урожая.

Вот Перуна подтащили к Днепру и, подняв на руки, бросили в реку. Толпа на мгновение смолкла, глядя на то, как идол сначала погрузился в воду, а затем снова появился на поверхности и медленно поплыл по течению, покачиваясь на волнах. И тут произошло то, чего никто не ожидал: людская масса пошла по берегу, провожая с плачем Перуна. По пути к ней присоединялись новые толпы, и так продолжалось в течение нескольких дней, пока статуя бога не достигла порогов и острова Хортицы. Там ее выловили из воды и поставили на берегу острова, где она стояла некоторое время, а затем, согласно преданию, была зарыта в землю. Еще долгие годы сюда совершалось паломничество сторонников прежней веры, а много веков спустя запорожские казаки, устроившие на острове свою крепость, объявили Перуна своим покровителем и защитником.

Летописец, рассказывая об оплакивании народом поруганного бога, не без горькой иронии подмечал: «Велий еси, господи, чюдна дела твои! Вчера чтим от человек, а днесь поругаем». Чему, мол, еще вчера поклонялись, сегодня предаем поруганию. Впрочем, это относилось не к самому народу, а к князю и боярам киевским, повелевшим в тот день всему населению Киева явиться на берег Днепра, угрожая объявить врагами тех, кто ослушается приказа. Именно так можно объяснить присутствие на богохульном мероприятии как христиан, так и язычников.

Отмена языческого культа проводилась постепенно и в других городах Киевской Руси, куда направлялись епископы вместе с дружинами не только для их охраны, но и для усмирения народных волнений и восстаний. Однако главным препятствием на пути распространения христианства являлись не языческие боги и идолы, а сами люди, остававшиеся верными старым культам, продолжавшие молиться домовым и лешим, поклоняться рукодельным домашним божкам и гадать по птичьему граю даже тогда, когда их обращали в христианство и обязывали платить подати церкви. Самыми стойкими были родовые и земледельческие культовые обычаи, регулировавшие жизнь не только сельского, но и городского населения. И среди них наибольшей популярностью пользовались русальные праздники и обряды в честь Купалы.

Поэтому на первых порах введения христианства на Руси приходилось думать не о всеобщем крещении народа, а о пропаганде новой веры ее миссионерами в разных городах и весях. Другая задача заключалась в том, чтобы поставить церковные преграды на путях старого языческого празднования и обрядности, для чего необходимо было пересмотреть весь годовой языческий календарь на основе христианской мифологии. На это ушли целые столетия, и первым шагом в данном направлении стало переоснование на христианский лад купальского празд-

пования, имевшего преимущественное распространение в Среднем Поднепровье и в самом Киеве: пусть остается Купала, но если к нему приобщить культ Иоанна Крестителя, то получится нечто среднее, называемое Иваном-Купалой.

Таким образом, выходит, что крещение Руси — не какой-то единичный факт в истории русского православия, а многосложный и долговременный процесс христианизации восточных славян и поэтапного введения христианской церкви в Киевской Руси. И то, что летописцы называют «крещением Руси», на самом деле было христианизированным языческим празднеством, первым опытом модернизации купальского культа и использования его для приобщения населения к новой религии. Само купальство теперь принимало вид христианского праздника, посвященного Иоанну Крестителю — основателю обряда или таинства крещения первохристиан в реках-«иорданях», а языческий Купала превращался в Ивана-Купалу. Так происходило «крещение» населения не только Киева, но и других русских городов, когда туда приходили с вновь назначенным епископом княжеские дружины с воеводами во главе, рушили старых идолов и объявляли всех собравшихся христианами. Такие мероприятия многократно повторялись в купальский период с тем, чтобы само это новое установление стало привычным и общепринятым. Вот почему Иоанну Крестителю, или Предтече, было посвящено самое большое число православных поминальных и праздничных дней в году, как весенних, так и летних. И все же народное языческое купальство не только не исчезло, но продолжало жить в последующие периоды нашей истории, а само русское православие носило своеобразный характер «двоеверия», в котором органически соединялись элементы и церковные, и языческие.

В пользу нашей точки зрения говорит и такой существенный факт. В соответствии с церковными канонами

крестильный обряд — это сознательный акт принятия человеком новой веры, который должен совершаться на строго индивидуальной основе, а посему массовое крещение населения, как церемония обращения в христианство одновременно сотен и тысяч людей, исключалось. И еще одна характерная деталь: в X веке еще не было принято крестить младенцев. Следовательно, устанавливаемые повсеместно многолюдные церемонии с водосвятиями могли рассматриваться лишь как предварительный этап подготовки жителей к последующему действительному обращению в христианство с соблюдением установленных церковью норм и правил.

Летописцы и церковные историки киевское «крещение Руси» представляют как «чудо» перехода целого народа в новую христову веру. Однако зададим вопрос: была ли в этом необходимость? Если, по свидетельству византийских хроник, в Киеве к тому времени существовало множество христианских церквей, а само его население чуть ли не наполовину было христианским, то и обращение в христианство должно было происходить как-то иначе и касаться не всего населения, а только его языческой части. Значит, дело заключалось не столько в крещении киевских жителей, сколько в приобщении к купальскому празднованию самих церковников по образцу и примеру их предшественников в обеих частях Римской империи, соединивших Дионисии, Сатурналии и Янусовы празднования с днями прославления Иисуса Христа, Иоанна Крестителя, Божьей Матери и других христианских святых.

В какой день, где и как происходило крещение киевлян — остается вопросом вопросов. Летописные версии не дают на него сколько-нибудь вразумительного ответа. Церковные историки также не в состоянии дать полную картину этого события. Они лишь предполагают, что церемония происходила 1 августа по старому стилю, относя ее подальше от купальского дня.

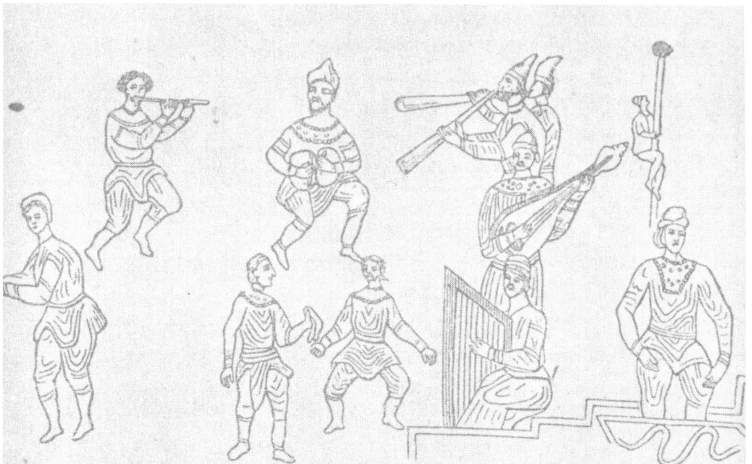
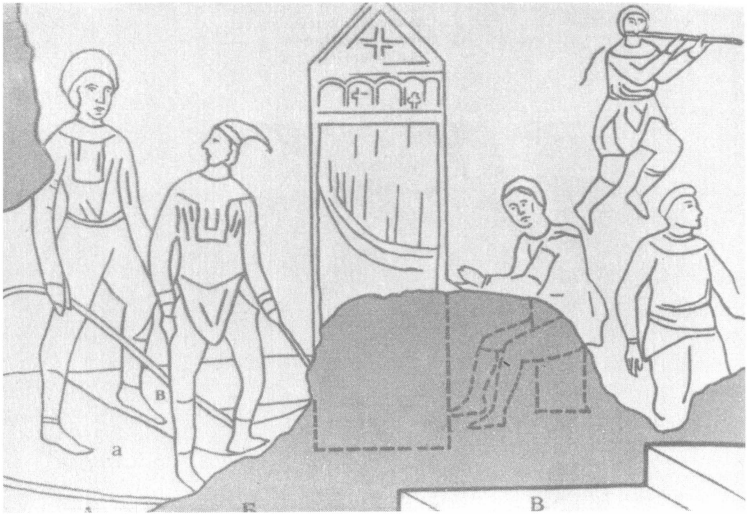
Действительно, если бы крещение совпадало с днем Купалы, то и незачем было издавать княжеский указ о том, чтобы все киевское население вышло на берега Днепра и Почайны. Ведь и без того оно привыкло устраивать здесь свои купальские игры, а кто не принимал в них участия — обливался водой у своего дома, как об этом рассказывает автор Густынской летописи. Да и сам указ киевского князя, если таковой существовал: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, — будет мне врагом», представляется неосуществимым по той простой причине, что невозможно за такой краткий срок оповестить жителей Киева, его пригородов и урочищ. Да и мыслимо ли собрать вместе и осуществить принудительное крещение столь большого числа людей, сильно различающихся по социальной принадлежности и роду занятий — от богача до раба? Вопросов более чем достаточно.

Вот как описывает летописец устроенное Владимиром крещение киевлян: «На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошло там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте». То, что рассказывает о крещении автор в летописи, очень похоже на обыкновенное купальское празднование. И он вводит элементы фантастики, аллегории, экзальтации, чтобы как-то сгладить земную прозаичность обряда, подчеркнуть его необычность, торжественность: «И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ, а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! (Под дьяволом подразумевается язычество. — *В. Р.*). Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь бога, но радовался я служению тех, кто служил мне.

Летописец Нестор.
Скульптура
М. Антокольского

Перунов холм. Миниатюра
Радзивилловской
летописи.

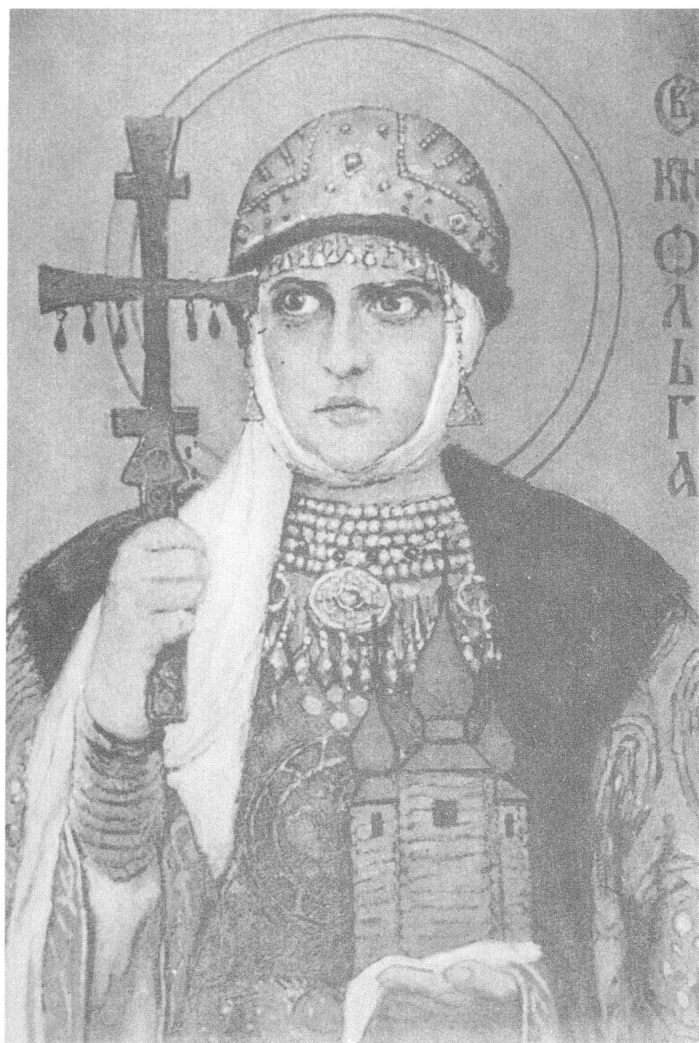

Святослав перед сражением.
Рисунок В. Лиснера.

**Боевое снаряжение
древнерусского воина.**
Реконструкция.

Княгиня Ольга. Картина
В. М. Васнецова.

И ПОСАДИШАМЪ ВЪ ПОЛАИТЕ:—

ПО БЖІЮ ЖЕ СПРОЮ. ВСЕ ВРЕМЯ РАЗБОЛІЕ ЦОЛОДН МІРА

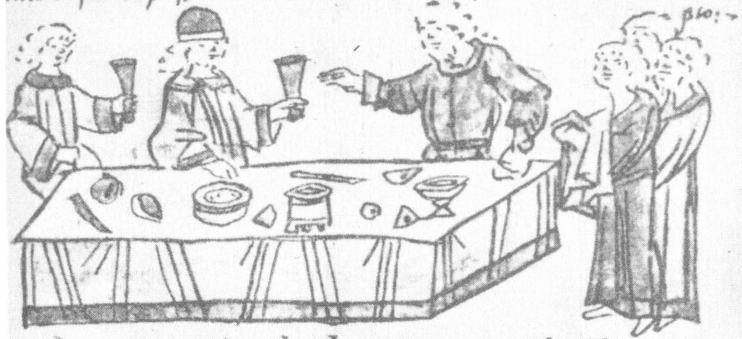

Прибытие византийской
принцессы Анны в Киев.
Миниатюра
Радзивилловской
летописи.

Крещение князя Владимира.
Картина В. М. Васнецова.

Князь Владимир. Картина
В. М. Васнецова.

ни бо мръи и грядъ во и пастыи кыи и всюд роумо по е хакъ во дми

и волюже по е хакъ противоемоу с волю дми рци и своєю
роумю и ч то ба ше бо мръи и стала с дмиго а то при ем

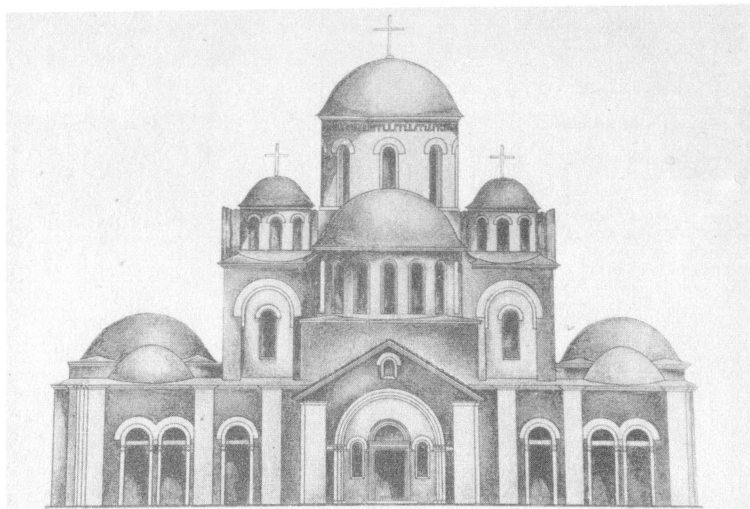
Сей же ре и книже не вьб даю молненего дай коуо
Емь бвистъ великоу и сналену и малероша бы вь

Пир у киевского князя.
Миниатюра Радзивилловской
летописи.

**Беседа Владимира с отцом
кожемяки.** Миниатюра
Радзивилловской
летописи.

Владимир и Рогнеда.
Картина *И. Медведева.*

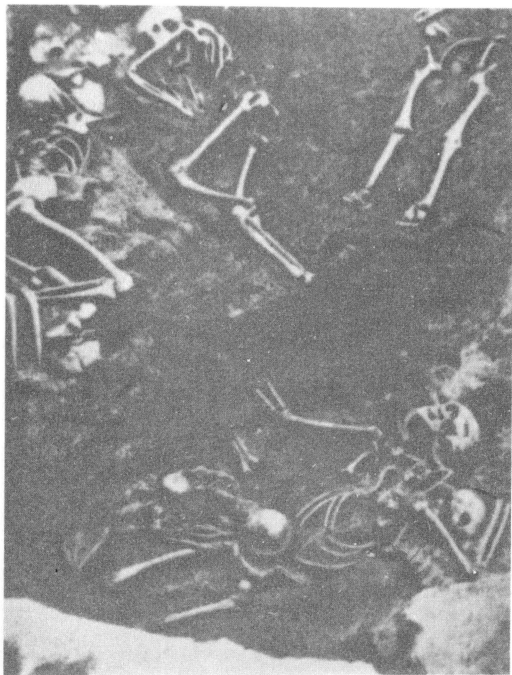
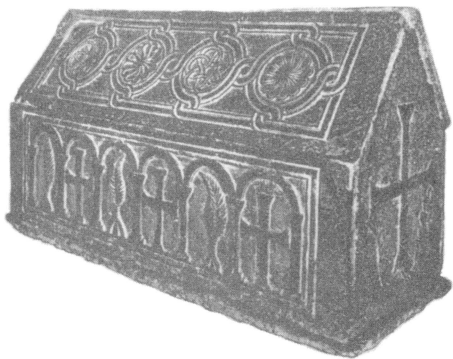
тау все же въ вѣдѣхъ иконовъ . иконы . иконы . иконы .
и крѣпы . Въ вѣ . у . м . злати въ вѣдѣхъ . и крѣ
ви . . .

Десятинная церковь.
Реконструкция.

Освящение
Десятинной церкви.
Миниатюра
Радзивиловской летописи.

Шиферная гробница из
Десятинной церкви.

Скелеты жертв, павших во
время разгрома города
золотоордынцами.
Раскопки 1976 года.
Десятинная улица, дом 2.

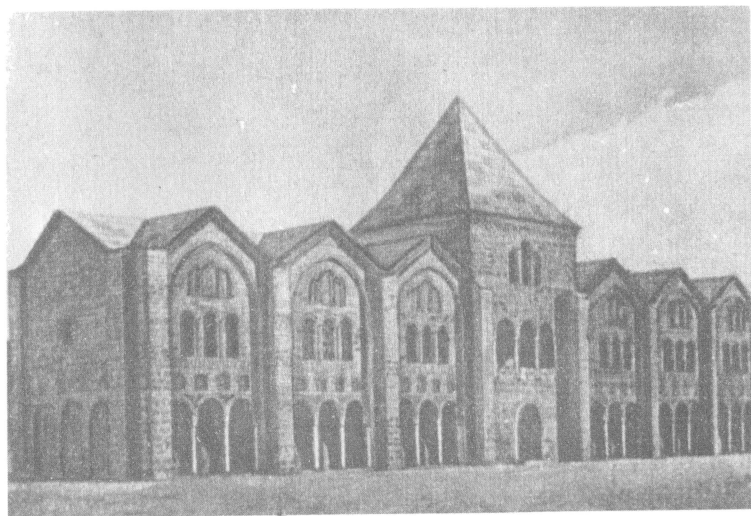
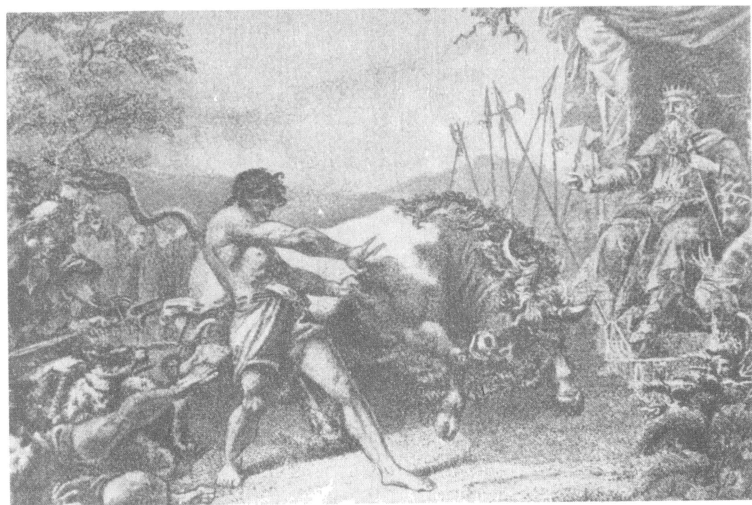

Святой Владимир.
По Титулярнику.

Из Усмошвец. Картина
И. И. Угрюмова.

Большой княжеский дворец.
Реконструкция.

**Проводы Анны Ярославны
во Францию.
Рисунок А. В. Кловта.**

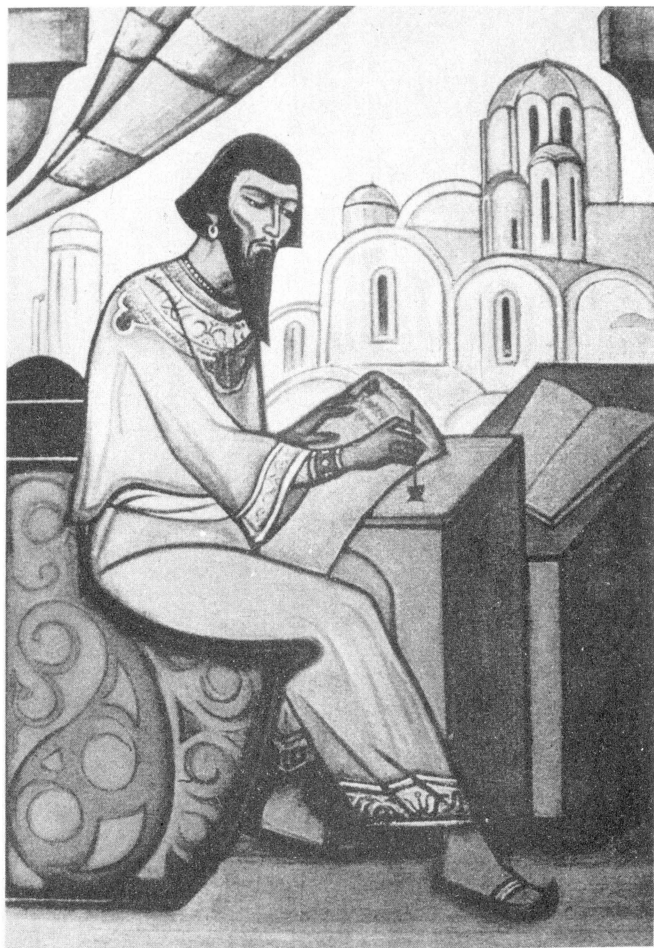
**Польский король
Болеслав.
Старинная гравюра.**

**Анна Ярославна —
королева Франции.
Гравюра.**

Скоморохи. Фрагмент
фрески киевского
Софийского собора.

Скоморохи. Фрагмент
фрески киевского
Софийского собора.

Ярослав Мудрый.
Картина П. К. Перуха.

**Киевские
Золотые ворота.**

**Заморские гости.
Картина П. К. Рериха.**

**Клятва Игоря. Рисунок
В. И. Верещагина.**

И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками, не буду же царствовать более в этих странах».

В тексте масса всяких несуразностей. Дьявол оказывается побежденным «невеждой» Владимиром, а не апостолами, и, видя это, «люди же, крестившись, разошлись по домам». Ни тебе сопровождающего обычно такие события «чуда», «чудесного исцеления», «воскрешения из мертвых» или знамения, а так вот просто «разошлись по домам». Но главная неувязка рассказа состоит в том, что дело представляется таким образом, будто бы до сего момента никто на Руси не знал и не слышал ничего ни о Христе, ни о его апостолах.

Описываемые водосвятия происходили не ранее того, как после поругания языческих богов последовал указ Владимира рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. (На том месте, где стоял Перун, воздвигли церковь святого Василия в честь нового христианского имени Владимира.) Это случилось около 990 года, когда еще не было учреждено митрополичье и епископское служение. Вскоре «и по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам».

Вся же совокупность проводившихся князем реформ преследовала цель создания государственной церкви по византийскому образцу, без которой уже нельзя было обойтись развивающемуся русскому феодализму. Поэтому ее учреждение следует рассматривать как исторически прогрессивное явление, благодаря чему Киевская Русь не только приобщалась к византийской культуре, но и выдвигалась на новые политические рубежи, войдя в систему отношений христианских западноевропейских феодальных государств.

Начало образования русской самоуправляющейся православной церкви связывается с прибытием в Киев первого митрополита в середине 990 года, о чем в летописи

имеется следующая запись: «Взя у патриарха у Царьградского первого митрополита Киеву». Присланного из Византии митрополита Михаила Владимир приравнял к боярам, дав ему во владение город Переяславль на Днепре, и тем самым пресек всякие поползновения с его стороны на установление главенства новой церкви над светской, или княжеской, властью, как и главенства над ней греческих императоров или патриархов.

Введение на Руси христианства узаконивалось не только назначением главы русской церкви, но и принятием церковного устава князя Владимира — наиболее раннего письменного документа, определявшего правовое положение церкви и духовенства в феодальной Руси. Оригинал до нас не дошел, но сохранились его более поздние редакции, которые легли в основу церковного устава XII века. Пересказывать весь документ нет смысла, но некоторые места представляют интерес. Так, из него мы узнаем, что «...князь великий Василий, нарицаемый Владимир, сын Святославль, внук Игорев и блаженныя Ольги, восприях святое крещение от греческих царей Костянтина и Василия и Фотия патриарха и взях первого митрополита Михаила на Киев и на всю Русь, иже крести всю землю Русскую». Заключительные слова текста еще раз подтверждают наш первоначальный вывод о том, что крещение Руси — это не единовременный акт, а длительный процесс обращения в христиан языческого населения различных местностей. И рассказ летописца о водосвятнях в Киеве следует считать переложением некоего устного предания об обращении в православие отдельных слоев городского населения в разные периоды истории Киевской Руси. Отсюда становится понятным, почему в первом русском церковном уставе ничего не сказано о том, как происходило это так называемое «крещение Руси».

Уставом определялась головная, или главная, церковь святой Богородицы и вводился церковный налог с насе-

ления — десятина, поступавши в распоряжение центральной церковной казны, которую возглавил назначенный на должность епископа уже известный нам грек Анастас. А сама церковь Богородицы с того времени стала называться Десятинной. «И по том летом минувшим, создах церковь святую Богородицу и дах десятину к ней во всеи земли Русского княженья и от всякого суда десятый грошь, а из торгу десятую долю и из домов на всякое лето десятое всякого стада и всякого животного...» В действительности принятие церковного устава как раз и следует считать формально «крещением Руси», ибо уплата церковного налога привязывала всех без исключения к государственной церкви и к ее административным органам на местах.

Документ устанавливал и церковный суд в соответствии с правилами «Номоканона» для разбора дел о разводах, нарушении супружеской верности, похищениях невест, семейных драках, ведовстве-колдовстве, словесном оскорблении, тяжб в наследовании имущества и т. д.

В соответствии с уставом вводилось и новое сословие — духовенство, к которому причислялись «игумен, игуменья, поп и попадья, попович, чернец, черница, диакон, дяконова, проскурница, пономарь, вдовица, калика, стороник, задушный человек, прикладник, хромец, слепец, дяк и все причетници черковнии...» Все эти люди были подвластны митрополиту и епископам и подлежали их суду: «Аще их кто внидеть в вину, судити тех митрополиту и епископом опроче мирян».

Таким порядком учреждалась государственная церковь на Руси, включившаяся в процесс формирования русского феодализма и во многом определившая все его последующие законодательные акты и правовые институты.

Крещение новгородцев «огнем и мечом»

Крещение под видом купальства удалось провести лишь в самом Киеве, где значительная часть жителей исповедовала христианство, но в иных весях и городах Киевской Руси попытки христианизации встречали упорное сопротивление со стороны языческого населения вплоть до изгнания воевод и присылаемых епископов и попов. Тем не менее православие целенаправленно и настойчиво насаждалось и учреждалось на всем великом днепровском пути и в Приильменье. Вскоре оно достигло и берегов седого Волхова, где язычество сохраняло господствующее положение. Сюда был направлен внушительный экспедиционный корпус из дружин под командованием самого новгородского посадника Добрыни и большого числа священнослужителей во главе с назначенным епископом Новгорода Иоакимом.

Новгород X столетия хотя и считался вторым по значению городом Киевской Руси, был еще сравнительно невелик и молод. Он возник у истока реки Волхов из озера Ильмень. Датой его основания считается 859 год. Согласно древней легенде, его заложили два брата — Словен и Рус. В поисках новых земель они отправились от берегов Черного моря на север по рекам, плыли до тех пор, пока не достигли озера Моиско, из которого вытекала река Мутная. Здесь братья основали город Словенск, назвав озеро в честь дочери Словена Илмером, а реку — в честь его сына Волховом. По истечении некоторого времени край поразила моровая язва, и жители покинули эти места. Лишь много лет спустя сюда пришли новые славянские племена. И вблизи старого города был построен новый, получивший имя Новгород.

Приведенная легенда — отголосок процесса колонизации Поильменья славянскими племенами в VIII веке,

двигавшимися из Поднепровья и балтийского Поморья. Доказано, что на боярской, или кончанской, стороне, позже названной софийской, размещались кривичи, а на сотенной, или княжеской, — другие славянские и местные племена. Здесь впоследствии образовался торг и она стала называться торговой. В X веке обе стороны состояли из ряда концов — кварталов, в которых люди селились по профессиональному признаку. Так, в Неревском конце жили кожевники, кузнецы, красильники, Словенском — сапожники, Гончарском — гончары и ткачи.

В Новгороде проживало немалое число христиан и имелись христианские храмы, но большинство его населения являлось язычниками, в каждой семье был свой волхв и поклонялись всяк своему богу. Новгородцев — и бояр, и посадских людей, и простых смердов вполне устраивала старая вера в Волоса, Перуна и других богов, а также старые общинные вечевые порядки свободного торгового города, связанного с Киевом чисто коммерческими интересами, выплачивавшего ему ежегодную дань. Отсюда поставлялось в Киев множество изделий новгородских кустарей и ремесленников — кожи, лады, кольчуги и украшения, а также товары из прибалтийских земель. Но новгородцы не желали поступаться своими свободами и любое нововведение киевского князя воспринимали как посягательство на свои права.

Решив христианизировать новгородцев, Владимир и Добрыня полагались на их поддержку, так как считались в городе своими людьми. Добрыня к тому же являлся новгородским посадником, здесь же в просторном доме жила его семья. Но этим надеждам не суждено было осуществиться.

Как только горожанам стало известно, что к ним идут Добрыня и воевода Путята с попами и войском, они собрались на вече, где учинили великий шум и ропот. Волхв Богомил призвал народ не пускать непрошенных гостей

и не давать своих богов на поруганье. Решено было выставить побольше людей для защиты города. Чтобы отрезать подходы к нему с посадской стороны, разобрали мост через Волхов, а со стороны, обращенной ко рву, спешно сооружали новые земляные насыпи с частоколом.

Подойдя к Новгороду, Добрыня сразу же оценил обстановку и понял, что ему не удастся приступом овладеть городом. Тогда он принялся уговаривать новгородцев закончить дело миром. Те в ответ начали обстреливать противоположный берег из камнететных орудий, вызвав переполох в стане противника. Все попытки пришельцев переправиться через Волхов и высадиться на боярской стороне ни к чему не привели.

Защитой города руководил все тот же Богомил, прозванный за красноречие Соловьем. Ему во всем помогал тысяцкий Угоняй. Он появлялся то здесь, то там и призывал людей стоять насмерть за старую веру и старые порядки: «Лучше нам помереть, чем дать богов на поруганье!» Распаленные его призывами и горячими речами защитники города бросились к дому Добрыни, убили его жену вместе с домочадцами, а избу сожгли дотла.

Тем временем прибывший сюда епископ корсунянин Иоаким, не теряя времени даром, ходил по домам посадской стороны и уговаривал жителей принять крещение. Ему удалось обратить в новую веру два-три десятка людей, но он, по-видимому, отлично понимал, что окрестить всех новгородцев одним махом, принудив их купаться в Волхове, невозможно. Поэтому надеялся заручиться поддержкой хотя бы части населения, рассудив, что сейчас главное — начать здесь свое епископское служение, а там станет видно, как ему поступить лучше.

А Добрыня, узнав о гибели жены, перешел к решительным действиям. Дождавшись ночи, он снарядил пятьсот воинов под началом Путяты, поручив им переправиться на лодках на другой берег Волхова. Ночью, переплыв реку,

отряд ворвался в город, захватив Угоюня и волхва Соловья вместе с другими главарями и зачинщиками бунта, которых доставили на расправу к Добрыне.

Наутро разгорелась жестокая битва новгородцев с отрядом Путяты. Часть народа бросилась громить христианскую церковь и убивать тех, кто пытался ее защищать. Тем временем Добрыня переправился на другой берег вместе со своей дружиной. Чтобы положить конец разыгравшейся стихии народного восстания, а также спасти отряд Путяты, оказавшийся в критическом положении, он велел поджечь дома на боярской стороне, где проживало большинство городского населения. Увидев, что огонь охватил жилища, люди бросились спасать свое имущество, и сопротивление прекратилось.

Только к концу дня, когда пожары поутихли, к Добрыне пришла депутация, собранная из самых именитых людей, и стала просить его о заключении мира и согласия. Тот в ответ на это потребовал уничтожить статуи языческих богов и их требища. Статую Перуна он порушил самолично, изрубив ее топором, после чего, обращаясь к толпе, сказал: «Нечего вам их жалеть, если они сами себя защитить не могут. Нет вам от них никакой пользы!»

В описываемых событиях Добрыня проявил себя как упорный и стойкий проводник новой политики киевского князя. Когда с языческими идолами было покончено, дядя Владимира попытался принудить новгородцев к массовому крещению в Волхове. Однако здесь купальских обычаев, подобных тем, каких придерживались славянские племена в Поднепровье, не существовало, и никто по своей охоте не желал лезть в холодные воды Волхова. Не помогли и уговоры одного из посадских — Воробья, принявшего сторону Добрыни и убеждавшего толпу только разок окунуться в воде. Люди отчаянно упирались. Тогда строй дружинников начал теснить их к берегу и сталкивать в реку. Тем, кто, выйдя из воды, поднимал руку, надевали

на шею крест, а тех, кто пытался бежать, хватали и снова бросали в Волхов. Только тогда, когда таким образом искупалось значительное число жителей, Добрыня объявил, что крещение состоялось и что в Новгороде учреждается на служение епископ Иоаким, подчиненный киевскому митрополиту. Так новгородцы стали христианами.

Попытки крестить аналогичным способом население других городов более не возобновлялись. Распространение православия приобрело характер постепенного приобщения народа к новой религии, что достигалось через деятельность назначаемых на места священнослужителей и организацию церковных приходов. Вместе с тем процесс этот не был мирным, язычники повсеместно строго преследовались, подвергались гонениям и жестоким наказаниям. В действительности христианская вера не могла вытеснить полностью того, что было частью народной души. В одном из древних памятников русской литературы, который называется «Слово о том, како погане суще, языци кланялися идолам», его автор, ревностный сторонник православия, сетует по поводу стойкости языческих обычаев: «По святом же крещении Перуна отринуща, а по Христа бога яшася (чуждаются.— В. Р.), но и поныне по украинам молятся ему, проклятому Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и Вилу, и то творят отай (тайно.— В. Р.). Сего не могут ся лишить проклятого ставленья вторые трапезы нареченные Роду и рожаницам». Язычество, как отмечает историк Б. Д. Греков, веками создаваемое самим народом, было дорого народным массам, поскольку в нем, как в религии, выросшей в бесклассовом обществе, не освящались элементы классового угнетения, в отличие от религий более поздних.

Введение новой веры встречало повсеместно стойкое сопротивление населения. В Поволжье, вятских землях, в Приильменье вспыхивали восстания смердов и городских низов, возглавляемые волхвами. Истребляя каждого,

кто упорствовал в языческих обычаях, церковь надеялась жестокостью, «огнем и мечом» искоренить «поганские» привычки. Вплоть до XVII века ею давались строжайшие указания о том, чтобы все жители «пересташа рекам и озерам требы класть, дуплинам деревяным ветви и убрusy обвешивати и им поклонятися...». И все же люди не «пересташа» следовать своим обычаям и вплоть до начала нынешнего века все так же купались в святых языческих источниках и колодцах, кидали в них монеты и кольца, обвешивали расшитыми полотенцами деревянные колоды, украшали лентами обрядовые деревья.

Об этом свидетельствуют письменные источники. В Лаврентьевской летописи находим жалобу на то, что храмы пустуют, а народ упорствует в языческих традициях, за что бог наказывает его смертями, голодом и засухой.

Такое положение дел заставило церковь заново формировать свой православный пантеон богов и святых на основе языческих божеств и культов. Так, зимние языческие «святки» были заменены рождественской неделей, а весенние «святки» — пасхальной неделей. Цикл весенне-летних древнеславянских обрядов, называемых «семиком», посвящаемых культу предков и духам земледелия, перенесли на четверг седьмой недели после пасхи и приурочили, как мы уже говорили ранее, к «троице», в которой от «семика» остались элементы «зеленой магии» — завивание берез и украшение их ветками храмовых алтарей, посещение могил в «духов день» — канун «троицы», «угощение» предков, надмогильная трапеза и др.

Черты матери-земли и Ярилы были привнесены в образ богородицы, «конный» бог Хорс трансформировался в Георгия Победоносца, Перун — в Илью Пророка, Купала — в Ивана Крестителя, Волос — в святого Власия, богиня-пряха Мокошь — в Параскеву Пятницу, Сва-

рог и Сварожич — в Козьму и Демьяна, а затем святые посыпались, как из рога изобилия. Всего же их накопилось свыше тысячи.

Коренной переделке подвергся похоронный обычай, однако и в нем сохранились многие языческие элементы — кутья, колево и др. Сожжение мертвых заменено полностью трупоположением, или погребением, в гробах в одиночных могилах. Но богатых и знатных хоронили, как и язычников, в роскошных одеждах, с оружием, сосудами, пищей и вином. При отпевании и погребении над ними совершали те же магические заклинания против злых духов и гадания, только теперь не по «птичьему граю», а по Псалтыри.

Особые трудности у церковников возникали при пересмотре брачных обрядов. Свадебная обрядность древних славян строилась на богатейшей эпической основе, народных поверьях и искусстве, которые прочно укоренились в массах, поэтому удалось лишь заменить венчание молодых венками у берез или иных деревьев церковным венчанием. Но несмотря на это, свадьбы, по сути, так и остались на долгие века языческими со всей их демократической и патриархально-общинной атрибутикой. Об этом ярко и образно повествует автор Лаврентьевской летописи: «Имяху бо обычаи свои и закон отец своих и предания каждо свои нрав...» Там же говорится, что поляне (жители Киевского княжества) чтут обычаи отцов своих, «кротки и тихи и уважены, стыд имея к снохам и сестрам, к матерям и родителям. Имеют свой брачный обычай: не ходит зять по невесту в ее дом, а встречается с ней и проводит вечер, а назавтра приносит за нее выкуп ее родителям». А древляне, пишет летописец, «живяху зверинским образом, живуще скотски, и убиваху друга друга, ядаху все нечисто и брака у них не бывше, но умыкиваху у воды девица». Что касается радимичей и вятичей, характеристика дается еще более сокрушающая:

«А радимичи и вятичи, и север один обычай имяху: живяху в лесе, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисть, и срамословие в них перед отцом и перед снохами, и братцы (свадьбы. — *В. Р.*) не бывает в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясание и на все бесовские игрища и ту умыкаху жены себе с нею же кто свещалися (договорился. — *В. Р.*) имяху же по две и по три жены...» Вот как, намеренно сгущая краски, подает монастырский писатель претящие ему обычаи славян — сговор, увод и умыкание как элементы свадебных игр, когда «водят невесту на воду, даюче замуж, и чашу пият бесам и кольца (венки. — *В. Р.*) мечут в воду и поясы». Однако эти и многие другие древние славянские обычаи выражали дух, нравы, чувства народа, и их нельзя было ни отменить, ни искоренить. Поэтому они сохранились в сфере народного быта вплоть до начала XX века.

Владимир открывает книжное обучение

Реформы Владимира набирали силу целенаправленного движения — одно новшество вызывало к жизни другое, возникали дотоле невиданные учреждения княжеского управления.

Наиболее замечательным нововведением Владимира Святославича было его распоряжение «собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное». Как видим, сам князь выступает в качестве русского просветителя, проявляя при этом волю и настойчивость настоящего государственного реформатора. Заметим и то, что учреждалась им первая светская школа, столь необходимая для подготовки грамотных людей, в которых нуждалось государство. Нечто похожее происходило много столетий спустя при Петре I, когда в обучение наукам насильно определяли боярских и прочих детей. Как и при Петре, при Владимире «матери же детей этих плакали о них, ибо еще не утвердились они в вере и плакали о них как о мертвых».

Сложность и многотрудность затеянного князем мероприятия нетрудно представить, если учесть, насколько сложно было преодолеть вековую традицию и весь семейный уклад русских людей, еще вчера поклонявшихся Перуну и Дажьдбогу. Проводя реформу, Владимир опирался

на сложившиеся к тому времени условия и возможности, ибо уже тогда на Руси имелось немало грамотных людей, существовала русская письменность и книжное богослужение во многих городах. В связи с этим возникает необходимость рассказать читателю, как и когда возникла русская письменность и кем была создана русская азбука, ставшая основой русской, украинской и белорусской письменности.

Русская письменность, по многочисленным свидетельствам ее исследователей, зарождалась на заре феодализации западных, южных и восточных славян, имевших на протяжении столетий тесные отношения как с Византией, так и с Западной Римской империей — двумя державами, ведшими между собой вплоть до эпохи образования первых славянских государств непрерывавшуюся и упорную борьбу за установление господства над всеми славянскими племенами и их союзами. Позже эта борьба с обеих сторон приняла, как мы уже говорили, характер религиозного соперничества за установление либо католического, либо греко-православного главенства в том или ином регионе обитания славян. В их землях работали христианские миссионеры. Именно поэтому среди населения издавна было немало людей, знавших и греческий, и латинский языки, как правило, состоявших на службе у князей в качестве писцов и переводчиков. Но сама славянская, и в частности русская, письменность изначально возникала в районах торговых центров, городов и морских портов Причерноморья, а торговцы или купцы стали первыми, кто создавал ее зачатки.

Об этом повествует черноризец Храбр в сказании «О письменах», относящемся к концу IX — началу X века: «Прежде убо словене не имеху книг, но чертами и резами чтеху и гатааху (гадаху)». Если же кто-либо из славян становился христианином, продолжает автор, то они «римски-

ми и греческими письмены нуждахуся (писати) словенску речь без устроения», то есть писали русские слова греческими или латинскими буквами из-за отсутствия собственного славянского алфавита. При этом черты (черточки) служили для счета, арезы (нарезки) — для «гадания», то есть для обозначения слов. От корня «чѣт» (считать) произошли слова «читать», «чтить», «почитать».

Итак, первоначально славяне пользовались фигурным письмом, и именно его черноризец Храбр противопоставляет фонетическому (звуковому) письму. Но по свидетельству других современников черноризца, у них имелось и собственное фонетическое письмо, в котором греческие буквы перемежались своими собственными — славянскими, произошедшими от фигур, рисованных или вырезанных на дереве (резов). Об этом мы узнаем из Паннонского (Моравского) жития Константина Философа — жителя города Солуня (Фессалоник), по-видимому, македонского болгарина, того самого составителя славянского алфавита (кириллицы), принявшего в монашестве имя Кирилла. Случилось так, что этот замечательный славист, будучи христианским миссионером, по поручению императора Михаила путешествовал по ряду стран Причерноморья и по пути в Хазарию посетил Херсонес. Там он повстречался с русскими торговцами и обнаружил у них богослужебные книги, выполненные «русьскими письмены», теми самыми письменами, которыми писались договоры русских князей с греческим императором в X веке, составлявшиеся, как известно, «на двою хартью», то есть на двух языках — греческом и русском. Причем в русском тексте указывались имена греческих послов, а в греческом — русских. Отсюда явствует, что русская письменность уже существовала в дохристианский период и даже тексты завещаний при Олеге и Ольге писали по-русски.

Факт обнаружения русского письма Кириллом из Солуны сыграл решающую роль в составлении славянского алфавита, ставшего основой болгаро-русской письменности и литературы, но это произошло много лет спустя после посещения монахом Херсонеса.

Начало деятельности Кирилла и его брата Мефодия как распространителей славянской письменности положило обращение моравского князя Ростислава в 862 году к византийскому императору Михаилу и патриарху Фотию с просьбой прислать миссионера для пропаганды христианства среди славянского населения, чтобы воспрепятствовать усилению активности немецко-латинских монахов. Византийское правительство направило туда Кирилла и Мефодия. Они происходили из высшего класса, их отец был военачальником в Солуне — городе со славянским населением. Кирилл имел богословское образование и являлся библиотекарем патриаршей библиотеки, а также преподавателем философии в богословской школе в Константинополе (отсюда и его прозвище — Философ). Он владел многими языками и в их числе славянскими, что определило его особый интерес к славянской филологии, которую изучал прежде в поездках в разные страны Причерноморья. Что касается Мефодия, то тот поначалу был далек от интересов своего старшего брата. До поездки в Моравию он занимал высокий административный пост в Македонии, а по стопам Кирилла пошел лишь после его смерти, когда служил в монастырях на Олимпе и в Малой Азии.

Главная ставка как на дипломата и миссионера делалась на Кирилла, и сам император Михаил якобы говорил ему, что никто кроме него не может удовлетворить просьбу Ростислава, так как в нем, Кирилле, заключены «дары мнози», что только он обладает всеми качествами для выполнения столь сложной миссии — распространения христианства среди дунайских славян: «Вы

бо еста Селунянин, да Селуняне вси чисто словеньски беседуютъ». Готовясь к поездке, Кирилл уже хорошо представлял себе: без наличия у придунайских славян собственной письменности обращение их в христианство невозможно, для этого прежде всего необходимо создать славянскую азбуку. Имея же то, что обнаружил в Херсонесе, он мог приступить к выполнению задуманного.

Кириллу удалось на основе той самой курсуньской изначальной русской азбуки создать обобщенный ее вариант из 38 знаков, в который вошли и русские, и греческие буквы. Так была создана славянская кириллица.

Подтверждение этому мы находим в уже упоминавшемся сказании «О письменах» черноризца Храбра: прежде чем отправиться к славянам, Кирилл «сложи и устроив письмена... Ова убо по чину греческих письмен, ова же по словентии речи». О том, что в основу своего алфавита он положил русскую азбуку, говорится и в одной из русских летописей, так называемой «Толковой Палее»: «А грамота русская явилася, богом дана, в Корсуни, от нее же научился Философ Константин, и оттуда сложив и написав книги русским языком».

Все это нисколько не умаляет заслуги самого Константина как составителя славянской азбуки, способствовавшей возникновению книжного богослужения и самой древнеславянской литературы одновременно во всех странах славянского мира, хотя миссия ее распространения среди западных славян и окончилась неудачей. Деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии вызвала незамедлительную реакцию со стороны римско-католических кругов. Ее объявили еретической, так как перевод литургических книг на славянские языки и богослужение на этих языках считались нарушением церковных канонов и традиций, допускавших богослужение лишь на греческом, латинском и древнееврейском. Таким образом, догматические распри вылились в политическую борьбу, кото-

рая закончилась тем, что Кирилл и Мефодий были изгнаны из Моравии и их место заняли католические миссионеры. А затем началась экспансия в западнославянские страны немецких церковных феодалов, положивших конец византийскому влиянию. Католицизм стал все более распространяться и в Чехии, и в Моравии, и в Польше.

После смерти Кирилла в 869 году и Мефодия в 885 году пропаганда славянской письменности среди западных славян прекратилась, и всякая попытка обращения к ней пресекалась как злокозненная ересь. Римский папа проклял богослужение на славянских языках, а написанные на них богослужебные книги сжигались и уничтожались. Последователи Кирилла, преследуемые католиками в Моравии и Паннонии, уходили в Болгарию и Сербию, и благодаря их деятельности в этих странах впоследствии утвердилась христианская вера, воспринятая от Византии. Есть предание о том, что Мефодий во время посещения Болгарии в 882 году оставил там своих учеников и свои книги, что одному из его учеников болгарский царь Борис-Михаил (885—888) поручил миссию распространения письменности в западной части Болгарии — Охриде. Наивысший расцвет болгарской раннефеодальной литературы падает на конец IX века, на годы царствования Симеона (893—927), которое называют «золотым веком» болгарской культуры. И ныне свободолюбивый болгарский народ, следуя народной традиции, ежегодно 19 апреля широко отмечает День славянской письменности и литературы, чтит память двух великих болгарских просветителей — Кирилла и Мефодия. Их почитают также и в Советском Союзе, где с 1988 года этот праздник отмечается как общенародный.

Киев Владимира Святославича

Введение христианства значительно укрепило власть князя и боярской верхушки, ускорило процесс объединения русских земель, способствовало развитию торговли, росту городов. Недаром Киевскую Русь во времена Владимира называли «Гардарикой» — страной городов. И действительно, такого их множества не имелось ни в одной стране Восточной и Северной Европы. Объясняется это тем, что нигде не было такого обилия торговых водных путей, как на Руси, которые соединяли Прибалтику и Беломорье с Поволжьем, Прикаспием, всем Причерноморьем и Византией.

Многие русские города ведут свое начало с VI—VII веков — исторического рубежа, когда еще не существовало ряда столиц и будущих крупнейших городских центров европейских государств. А на землях восточных славян уже стояли Киев (Куяба), Коростень (Искоростень), Овруч (Вручий), Чернобыль, Любеч, Рогачев, Смоленск, Чернигов, Ельня, Трубеч, Новгород-Северский, Сновск, Полоцк, Псков и Новгород. Помимо названных значилось немало других городов и городищ на территории всего междуречья Западной Двины и Волги, торговавших с Поднепровьем и считавшихся по тем временам довольно крупными. Не все из названных нами древних русских городов сохранились, дожили до нынешних времен, но, судя по раскопкам, они представляли собой людные, богатые торговые и промысловые центры. Не случайно же их так обстоятельно описывал видный византийский историк, император Константин Багрянородный.

Одновременно города играли роль торговых перевалочных баз при перевозке товаров на большие расстояния, опорных пунктов сбора дани (полюдья), стекавшейся сюда из окрестных деревень и отправлявшейся затем в Киев, а также военных крепостей, служивших заслоном

на пути посягавших на русские земли захватчиков.

Владимир Святославич, проявляя постоянную заботу об организации общегосударственной обороны границ, возводит грандиозную систему крепостей с воинскими гарнизонами, набирает воев (воинов) со всей Руси и даже на балтийском Поморье. «И сказал Владимир: «Не добро есть мало городов около Киева». И нача строити города по Десне и по Устри, и Трубешови, и по Суле, и по Стугне», — сообщает Ипатьевская летопись.

Создание укреплений вокруг столицы началось задолго до Владимира Святославича, еще во времена легендарного Кия. Они представляли собой систему земляных насыпей, получивших название «змиевых валов», вероятно из-за их змеевидной конфигурации на степной поверхности, обозреваемой с киевских вершин. Позже на этих валах сооружались частоколы и сторожевые вышки. «Змиевы валы» служили передовой линией обороны Киева, преграждавшей путь печенежским конным ордам. При Владимире города-заставы строили по преимуществу по левобережью, так как оно было менее защищено со стороны Поля — подступающих к самому Чернигову степей, откуда делали набеги печенеги. По реке Суле крепости стояли в 15—20 километрах друг от друга. Преодолев этот рубеж, кочевники натывались на новый заслон по реке Трубеж, на котором находился главный город-крепость Переяславль. Далее им противостоял еще один пояс обороны по Сейму и Десне, защищавший уже и Чернигов, и Киев. И наконец, на пути противника вставал мощный рубеж по реке Стугне с центром в городе Витичеве, обнесенном земляным валом и крепкими стенами детинца с сигнальной башней на самом высоком месте. Зажженный на ней огонь оповещал о приближении врага и был виден в Киеве.

Города Треполь, Тумаш и Василев соединялись земляным валом, образуя заградительный пояс, внутри которо-

го на самых подступах к Киеву Владимир Святославич поставил город-крепость Белгород. Здесь сосредоточивались передовые воинские силы, конница и корабли, готовые по первому зову выступить против врага. Создание этой оборонительной системы положило конец внезапным жестоким и разрушительным набегам печенежских орд, и русский народ обрел долгожданный покой.

Но главенствующее положение среди всех городов занимал Киев. Он впервые в истории приобретает статус столицы крупнейшего в Восточной Европе государства и перестраивается на манер византийских городов, по праву считаясь одним из самых богатых. По свидетельству германских послов, посетивших его в разное время, столько золота, драгоценных изделий, мехов и прочих предметов роскоши им не приходилось видывать даже в таких столицах, как Рим и Константинополь.

Княжеские терема и боярские хоромы, как и множество церквей, производили неотразимое впечатление своей красотой и богатым убранством. Деревянные хоромы бояр возводились как многостенные и многоярусные строения. Их узорчатые крыльца, карнизы и окна украшали тончайшей резьбой и узорами, а шиферные кровли покрывали позолотой, отчего они «горели» на солнце, создавая поразительное по красоте зрелище. Все дороги и улицы Верхнего города выстилали плиткой и содержали в чистоте, а Боричев взвоз уже тогда был вымощен брусчаткой.

Киевляне слыли законодателями русских мод и всяческих украшений, а киевские ювелиры, чеканщики, портные и изготовители искусного узорочья славились не только во всех русских городах, но и далеко за пределами Руси.

Прекрасный знаток Древней Руси Н. К. Рерих посвятил «матери городов» — Киеву немало вдохновенных полонен и поэтических строк, пытаясь передать колорит тех времен. «Мужи Ярослава и Владимира, — пишет он, — тон-

ко чувствовали красоту, иначе все оставленное ими не было бы так прекрасно... Вот терем:

Около терема булатный тын,
Верхи на тычинках точеные,
Каждая с маковкой-жемчужинкой.
Подворотня — дорог рыбий зуб,
Над воротами икон до семидесяти,
Среди двора терема стоят,
Терема все златоверхие,
Первые ворота — вальящетые,
Средние ворота — стекольчатые,
Третьи ворота — решетчатые...

Платье-то на всех скурлат-сукна,
Все подпоясаны источенками,
Шапки на всех черны мурманки,
Черны мурманки — золоты вершки,
А на ножках сапожки — зелен сафьян,
Носы-то шилом, пяты востры,
Круг носов-носов хоть яйцом прокати,
Под пята-пята воробей пролети.

А вот как выглядел русский богатырь дружинный:

Шелом на шапочке как жар горит,
Ноженки в лапотках семи шелков,
В пяты вставлено по золотому гвоздику,
В носы влетено по золотому яхонту,
На плечах шуба черных соболей,
Черных соболей заморских,
Под зеленым рытым бархатом.
А во петелках шелковых вплетены
Все-то божьи птичущки певчие,
А во пуговках злаченных вливаны
Все-то люты змеи, зверюшки рыкучие...

Предлагаю на подобное описание посмотреть не со стороны курьеза былинного, а по существу. Перед на-

ми — детали, верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой культуры, и народ не дичится ее. Эта культура близка сердцу народа: народ горделиво о ней высказывается.

Заповедные ловы княжеские, веселые скомошошьи забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки городов сплетаются в стройную жизнь. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство».

В центре «града Кия», или, как тогда говорили, на Горе, возникла большая площадь с примыкающим к ней торгом, называемым в летописи «Бабиным торжком». Украшенная привезенными из Корсуни античными статуями и бронзовой квадригой, она стала местом смотров и парадов дружин, средоточием религиозно-церковной жизни и торговой деятельности. Здесь постепенно и обоснуется новая политическая партия, или блок, бояр, купцов и церковной иерархии, который со временем постепенно встанет в оппозицию самому князю. Одновременно завершалось строительство крепости, или детинца, известного в исторической литературе под названием «города Владимира».

За весьма короткий срок на Горе были возведены вокруг Десятинной церкви и на месте погоста дворцовые сооружения, боярские златоверхие терема, торговые дворы, проложены широкие улицы. Личная резиденция князя располагалась вне «града», в «оттином» (родительском) каменном доме, построенном при жизни Ольги. А поблизости от Десятинной церкви, как установлено недавно нашими археологами, воздвигли огромное по тем временам светское дворцовое сооружение. В нем, по всей видимости, и располагалась упоминаемая в «Повести временных лет» «гридница», в которой устраивались большие собрания и пиры княжеских дружин и «нарочитых мужей». «По вся неделя устави на дворе в гриднице пир творити и

приходити боляром, и градем, и соцким, и десятским, и нарочитым мужем, при князе и без князя».

О роскошном убранстве и внушительных размерах гридницы рассказывается в арабских хрониках, в которых описывается, что «во дворе княжеском собиралось до 400 человек из храбрых соподвижников князя и его верных людей, они умирают при его смерти и подвергают себя смерти за него. Эти 400 человек сидят под его престолом (рядом с ним.— *В. Р.*), престол же велик и украшен драгоценными камнями. Когда он желает ездить верхом, то приводят его лошадь к престолу и оттуда садится он на нее, а когда желает слезть, то приводит лошадь так, что слезает на престол».

С этой самой поры Владимира, по-видимому, стали в народе величать «Красным Солнышком». Таким он и воспет в былинах:

Во стольном городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Было пиروваньице, почестен пир
На многих на князей, на бояр,
На могучих на богатырей,
На всех купцов на торговых,
На всех мужиков деревенских.

Удивительный пример того, когда в истории кратчайший период запечатлевается на века в памяти народной, в отличие от долгих лет безвременья, которые обычно бесславно исчезают, канув в Лету.

Пирьы и гульбища прекратились лишь в последнее десятилетие жизни Владимира Святославича. Их место заняли христианские посты и праздники, а народные игрища переместились в глубинные территории — отдаленные русские города и веси, проводились по местному обычаю, пока вовсе не трансформировались благодаря возрастающему влиянию церкви. Усиливалось классовое расслоение городского населения, имущественное неравенство отдельных его слоев.

Героическая эпоха Владимира Святославича, как справедливо замечает Б. А. Рыбаков, была воспета и феодальным летописцем, и народом потому, что политика князя совпадала в тот период с общенародными интересами.

В связи с бурным ростом населения Киева интенсивно застраивались прилегающие к детинцу площади и на Старокиевской горе, и у Днепра на Подоле. Здесь селятся камнетесы, плотники, ткачи, гончары, огородники. Основные строения были наземного типа — каркасно-столбовые и срубовые и стояли тесно — стенка в стенку. Поэтому улицы являли вид сплошных рядов или оборонительных заграждений.

Во всех концах на месте бывших кумирен и языческих третищ строились деревянные церкви, а в «граде Кия», там, где недавно возвышалась статуя Перуна, воздвигали храм в честь святого Василия, чье имя, как упоминалось ранее, при крещении принял киевский князь. Одновременно возвели самую грандиозную в то время церковь на Руси в честь Пресвятой Богородицы, получившую название Десятинной. Как раз на этом месте ранее находился дом варяга Иоанна и его сына Федора, ставших первыми русскими христианскими мучениками, погибшими за православную веру.

Как мы уже говорили, казначеем Десятинной церкви был поставлен грек Анастас, возведенный в сан епископа за оказанные князю услуги при осаде Корсуни. При нем началось интенсивное накопление церковных богатств — как денег, так и имущества, благодаря которым так скоро утверждалось экономическое и политическое могущество православной церкви на Руси.

Этот храм стал прототипом ряда русских церквей и соборов. По своим масштабам он превосходил многие из тех, что появились в дальнейшем, в том числе и Софийский собор, построенный при Ярославе Мудром. Десятинную

церковь украшали лепные узоры и росписи византийского образца. Ее венчали двадцать пять глав, которые изнутри подпирались множеством каменных столбов, облицованных яшмой и другими самоцветами. Стены были расписаны фресками, а перед входом, по обе его стороны, установлены привезенные из Корсуни медные кони: получилась типичная греческая базилика, сочетавшая элементы античной и византийской архитектуры.

Век церкви оказался недолгим, а судьба — трагической. В ее подземелье в каменных саркофагах захоронили останки Владимира и его супруги Анны. Ярослав Мудрый с приходом к власти наложил опалу на любимую церковь отца и возвел для себя новый храм — Софийский. А детище Владимира оставалось его усыпальницей вплоть до золотоордынского нашествия. Осенью 1240 года орды Батыея овладели Киевом, разграбили и сожгли город. Десятинная церковь рухнула под тяжестью спасавшихся на ее крыше людей. Лишь в 1635 году по велению митрополита Петра Могилы руины этого храма расчистили и на их левом крыле возвели из остатков уцелевших стен небольшую церковь с прежним названием. Никаких сообщений о том, что в ходе строительства производились раскопки подземелий Десятинной церкви, мы не имеем. Только в 1824 году с благословения митрополита Евгения¹

---

¹ Митрополит Евгений, в миру Ефимий Алексеевич Болховитинов, был известен не только как церковнослужитель, но и как крупный ученый. Он родился в 1767 г., учился в воронежской семинарии, а затем в Московской духовной академии, где увлекся идеями Новикова и Бантыш-Каменского — представителей русского просветительства. Серьезно занимался изучением архивов, написал историю московского края. В 1800 г. после смерти жены и детей постригся в монахи. Назначался префектом Петербургской духовной академии, занимал высшие епископские должности в Новгороде, Калуге, Пскове и Киеве, одновременно изучал историю, этнографию и литературу — не только церковную, но и светскую. Увлекался и стихотворством, был в дружеских отношениях с самым безбожным поэтом того времени — Г. Р. Державиным. Труды Болховитинова отличались строгой объективностью, критическим под-

раскопки Десятинной церкви провел археолог К. А. Лохвицкий — страстный исследователь русской старины, основатель Исторического музея при Киевском университете. Материалы раскопок по указу Святейшего синода передали в архивы Киево-Печерской лавры, общие данные о них обнародовали.

В ходе археологических изысканий обнаружили и вскрыли два саркофага. В одном находился женский скелет, в другом — мужской. Обращает на себя внимание тот факт, что женский костяк полностью сохранился. По версии церковных писателей, это были останки княгини Ольги. Приводился стереотипный рассказ о том, как «прах княгини распался на глазах свидетелей». На самом же деле откопали женский скелет, принадлежавший, вне всякого сомнения, княгине Анне, умершей прежде князя Владимира в 1011 году. Ольгу же, по преданию, похоронили вне пределов «киевского града», вероятнее всего, поблизости от ее постоянной резиденции в Вышгороде, в 18 километрах от Киева, на берегу Днепра.

При вскрытии второго саркофага, в котором, как установили, покоился прах Владимира, глазам археологов предстала несколько необычная картина: у скелета не хватало черепа и кистей обеих рук. Однако создавалось впечатление, что в гробницу ранее никто не проникал, так как сохранились остатки одежды и утвари, слиток серебра очень высокой пробы, деньги и, наконец, колокол времен князя Владимира. Если бы эти предметы обнаружили в процессе проводившихся Петром Могилой работ, то вряд ли их вновь погребли бы под толстым слоем каменных руин, скорее, они стали бы церковными реликвиями.

Духовенству пришлось срочно заниматься сочинением версии о яковбы имевшем место перенесении недостающих

ходом к фактам исторической действительности и памятникам древней литературы. В раскопках Десятинной церкви он сам принимал непосредственное участие.

частей скелета Владимира в различные церковные обители России в качестве святых мощей. Так, глава князя будто бы находилась в пещерах Киево-Печерской лавры, кисти рук — в Киевской Софии, а челюсть — в Успенском соборе Московского Кремля. О том, куда же в действительности подевались названные фрагменты костяка Владимира Святославича, приходится только догадываться и предположить, что их там не было с самого дня похорон...

Бурное развитие торговли резко увеличило спрос на деньги. И Владимир Святославич учреждает собственную чеканку монет. Под надзором тиунов (надсмотрщиков) около ста кузнецов день и ночь варили серебро, отливали в опоках длинные стержни, резали их на кружки. На одной стороне выбивалась княжеская печать — Владимир с венцом на голове, с крестом в правой и скипетром в левой руке; на обратной — княжеский знак: три перекрещенных копья и надпись: «Володимир на столе, а се его серебро». Такой вид имела гривна Владимира.

Такой же печатью помечалось его серебро и золото, она же изображалась на стенах его палат и храмов как символ власти и могущества князя. Восковая печать прикладывалась на золотом шнуре к грамотам, рассылаемым во все концы света, к хартиям и уставам, к жалованным грамотам на владения землями и имуществом. Обзаводились личными золотыми, серебряными или из твердого камня виниса печатями бояре и воеводы. С той же поры пошли боярские и княжеские гербы.

Денежное обращение прочно вошло в жизнь государства. Помимо дани в натуре — житом, мехами, воском, рыбой каждая земля теперь обязывалась выплачивать ежегодно определенную сумму в гривнах: Новгород — две тысячи гривен, Червен и Волынь — по полторы, Тмутаракань, тиверцы и уличи — по тысяче и т. д. Денежными податями облагались каждая домина, место на

торгах, переправы и переезды через мосты. Вводилась также плата и за церковные требы — крещение, венчание, отпевание и пр.

Наряду с русскими гривнами широкое хождение имели монеты греческие, арабские, персидские, которые сегодня нередко обнаруживают в кладах даже на территории самых северных земель бывшей Киевской Руси.

С введением русской монеты заметно оживились городские торги, вырос их денежный оборот, усилились торговые связи между городами. В самом же «киевском граде», на его просторной площади, развернулся самый большой на Руси торг, а на Подоле у привоза — другой. Здесь помимо русских торговали греческие, болгарские, персидские, еврейские и арабские купцы. А по соседству с ними располагались ремесленники, менялы, ростовщики и прочие расхожие люди.

Рост денежного обмена повлек за собой не только увеличение товарооборота и емкости внутреннего рынка, но и распространение различных видов денежного накопительства, включая ростовщичество. Одновременно начало бурно развиваться и ювелирное ремесло, а изделия киевских ювелиров стали пользоваться огромным спросом во всех русских и заморских городах. Большое число ювелирных лавок находилось как на Бабином торжке, так и на торговище на Подоле.

Как и раньше, здесь также продолжали вести торговлю челядинами (работоторговлю), которая захватывала и все греческие города с их черноморскими колониями. Таким образом, княжеская и боярская челядь представляла собой в зародыше элемент будущей феодальной собственности и крепостного хозяйства.

Итак, Киев становится самым многолюдным, богатым и красивым городом Руси, центром ее экономической, политической и культурной жизни, а его князь удостоивается звания «кагана земли Русской». А что же нам из-

вестно о внешнем облике того, кто восседал на киевском престоле?

К сожалению, летописцы не оставили описаний внешности князя. И если благодаря Льву Дьякону мы имеем реалистический портрет Святослава, то образ Владимира предстает как былинный, иконописный, лубочный. Наиболее ярким и удачным мы считаем портрет, созданный фантазией писателя Семена Скляренко в романе «Владимир»: «Князь Владимир принимал послов и гостей на Горе с достоинством. Он сидел в той же Золотой палате в старом, источенном шашелью кресле своих отцов, позади стояли выцветшие знамена древних князей и его новое, из белого оксамита, шитое золотом, знамя...

Князь Владимир обладал тем, о чем его предки и не помышляли: голову его венчала сверкающая золотом и драгоценными камнями корона. Одет он был в серебряный с крестами скарамангий, плечи его прикрывала багряная хламида, на ногах — червыи из красного сафьяна...»

К этому можно лишь добавить, что фигура Владимира была, по всей видимости, довольно внушительной, а сам он обладал большой физической силой и выносливостью. Ведь князь слыл неумолимым воином и охотником, прекрасным наездником и гребцом, так же, как и его отец Святослав, во время походов спал на земле, положив под голову седло.

Усваивание евангельских истин

Несмотря на принятие христианства, киевский князь все еще оставался во власти старых родо-племенных обычаев, общинно-демократических порядков, которые повсеместно господствовали на Руси. Основная масса населения обитала в деревнях, состояла из свободных общинников-смердов, живших по законам родовой демократии, и

князя обычно не вмешивались в их дела. В городах классовое расслоение происходило более активно, хотя и здесь еще полностью сохранялись черты городской демократии и вечевое самоуправление. Но оно теперь становилось серьезной помехой на пути новых перемен. Церковь, как блюститель феодальных порядков, не могла мириться с подобным положением и с самого начала повела наступление на вольности и свободы, способствуя сосредоточению в руках князя всей государственной власти по принципу «несть власти — аще от бога». И самому «властелину» она стремилась привить новые взгляды, внушая ему мысль о его богоизбранности, непререкаемости его авторитета и прав как «божьего помазанника». Однако Владимир с трудом усваивал эту «науку», оставаясь в душе язычником.

И все же, если верить летописям, поначалу он увлекся идеями христианства о всепрощении, милосердии и щедрости. Его не могли не заинтересовать евангельские рассказы о жизни и деяниях Христа, призывавшего последователей своей веры пожертвовать последнюю рубашку нуждающемуся или раздать личное имущество ради «вечного спасения». Из каждодневных чтений вслух книгочейми-чернецами Евангелия князь усвоил заповеди Христа: «Блаженны милостивые, яко тии помилованы будут. Продайте имение ваше и отдайте нищим. Не собирайте сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль и ни ржа не истребляют». В Псалтыри царя Давида он мог обнаружить наставления: «Блажен муж, который милует и дает». А в книге Премудрости царя Соломона его привлекла мысль: «Дающий нищему, богу займы дает».

Ублаженный, Владимир простодушно последовал этим правилам: распорядился открыть двери своих теремов и всех кладовых для доступа к ним нищих и бродяг — пусть каждый берет из княжеской казны, что душе угод-

но. Не забыл и о тех, кто по болезни или немощи не мог прийти на его двор: приказал снарядить возы с хлебом, мясом, рыбой, всяким овощем, медом, квасом в бочках и отправить их во все концы города с глашатаями. Разъезжая по Киеву, они кричали: «Нет ли где больного и нищего, который сил не имеет, чтобы явиться на княжеский двор?» И пошло везде веселье. Прямо на улицах выставляли длинные столы с яствами и напитками, привлекаящими толпы киевлян и приезжих.

Милосердие и великодушие Владимира было беспредельным, оно многократно проявлялось и впоследствии. Сам же он получал истинное удовольствие, видя веселящийся и ликующий народ. Следуя христианским заповедям, князь совершает беспрецедентный акт: во имя Христа милующего и прощающего отменяет казни и телесные наказания, переплюнув в этом деле индийского царя Ашоку, прославившего великим гуманистом. Отменяя казни за разбой и другие преступления, Владимир теперь всецело стал полагаться на «суд божий». Как следствие этого, в Киеве и на больших дорогах учинился такой разбой, какого доселе никогда не было. Резко возросло число грабежей и убийств.

Не в силах терпеть дольше насилие, возроптало боярство и купечество, да и остальное население Киева. Представительная делегация из купцов, бояр и нарочитых мужей вместе с духовенством приступила к князю с вопросом: «Умножились разбойники, пошто не казнишь их?»

— Боюсь греха! — отвечал он.

— Но ты же поставлен от бога казнить злых, а добрых миловать!

И князь пошел на попятную, разрешив казнить головников — убийц, грабителей и воров. Разбой тут же пошел на убыль. Зато пришлось подумать о другом: как определять меру наказания за разные преступления? И появилась пеня, или вира, размер которой зависел от

тяжести антизакононого деяния. Это явилось первым шагом на пути, который в будущем приведет к составлению судебногоника, получившего название «Правда Ярослава».

Однако несмотря на эти нововведения, гульбища и пиры в Киеве и княжеском дворе продолжались. Владимир переживал «золотую пору» своего княжения и упивался достигнутыми победами и властью. В многодневных застольях участвовала вся княжеская дружина, или гридьба, сотские, десятские, выборные от волостей, слобод, улиц и концов, попы и монахи, отроки и отроковицы. Перед княжеским теремом накрывали длинные столы, уставленные горами мяса, всякой снеди, бочонками крепкого меда, сусла, браги и кваса, птицей и сладостями ароматными. С удовольствием пировало и духовенство, видевшее в разгульях «общие христианские первоапостольские трапезы» своей братии: «в пирах своя своих познаша, а что касасемо пития, то сие и монаси приемлют и невозбранно еси».

Особо жаловал и веселил князь свою дружину, ничего для нее не жалея. И это являлось не просто его прихотью. Ведь власть Владимира держалась на его воинах. Поэтому необходимо было прислушиваться к голосу дружинников. Так, на одном из пиров до него дошли жалобы, что гридням приходится есть деревянными ложками. Тогда князь приказал отлить для всей дружины серебряные ложки, говоря: «Серебром и золотом не соберу дружину, а дружиной сыщу и золото, и серебро, как и дед мой, и отец мой».

Сам по себе приведенный факт представляется весьма примечательным. В то время, по свидетельствам источников, да и по археологическим данным, во всех европейских странах и при дворах королей еще не едали ложками, а брали пищу руками, которые после еды вытирали об одежду или скатерти. Так же ели народы Востока. Не являлась ли деревянная ложка славянским изобретением, как палочки для еды — китайским?

Эпизод войны с печенегами

По данным летописей, печенеги впервые появились в южнорусских степях в 915 году. «Придоша печенези первое на Русскую землю и, сотвориша мир с Игорем, идоша к Дунаю».

По свидетельству Константина Багрянородного, еще намного ранее этот кочевой народ, обитавший между Волгой и Уралом, пробился через землю хазар и устремился против мадьяр, живших тогда у Волги. Следом за снявшимися с места мадьярами печенеги прошли на Дунай, оттеснив их в среднее его течение. Печенежская орда состояла из восьми колен, представители одной половины которых кочевали между Дунаем и Днестром, а другой — между Днестром и Доном.

Со времени княжения Игоря Киев и печенеги, стоявшие на великом пути в Русское (Черное) море, вели войны, заключали договоры и союзы. В XI веке другой кочевой народ — половцы подчинили себе печенегов, и те, постепенно переходя к оседлости, стали тяготеть к Киеву, наниматься к нему на службу. Основные их поселения находились по берегам Руси. Во второй половине XI века они превращаются в вассалов Руси, обязываясь охранять южные ее границы и участвовать в походах киевских князей. Оседлых печенегов называли на Руси не только торками, но и берендеями или черными клобуками, то есть черными шапками, черными колпаками. После золотоордынского нашествия часть их смешалась с русским населением, часть откочевала в среднеазиатские степи и далее в бассейн Сырдарьи, где и осела окончательно, перемешавшись с другими тюркскими народами и получив новое имя — каракалпаки.

Весь десятый век, ставший вском расцвета Киевской Руси, обозначен не только созидательными деяниями, но и непрерывными войнами как с Византией, так и ко-

чевыми ордами печенегов, которые использовались империей против Киевской Руси, стремившейся выйти на Черноморское побережье и Дунай. Русским дружинам, сопровождавшим караваны торговых судов по Днепру, приходилось постоянно преодолевать печенежские заставы и с боем пробиваться сквозь них. Впрочем, печенеги опасались вступать в соприкосновение с крупными воинскими силами русских, так как хорошо знали силу и мощь их оружия, стойкость и отвагу воинов в ближнем бою. Но как только становилось известно об ослаблении защиты русских рубежей, кочевники спешили немедленно воспользоваться этим, чтобы разграбить города, угнать в полон их жителей для распродажи на причерноморских торгах.

Некоторые эпизоды военных стычек с ними нашли отражение в «Повести временных лет», а отдельные случаи стали хрестоматийными, запечатлены в картинах русских художников. Один из таких случаев оброс легендой и известен как поединок русского силача Яна Усмаря (Усмошвеца) с печенежским богатырем.

Это произошло весной 992 года. Печенеги двинулись на Киев от берегов реки Сулы, а Владимир, узнав об угрозе нападения, выступил с дружинами им навстречу и встал на реке Трубеж. Так русские и печенежские рати выстроились друг против друга, выжидая удобный момент для нападения. Конечно, печенегов такое положение не устраивало, ибо они рассчитывали внезапно осадить Киев, а тут им противостоял столь мощный заслон. Обычно в подобных ситуациях устраивалось единоборство наиболее ловких и сильных бойцов — представителей враждебных сторон, а иногда и самих предводителей воинских отрядов.

Так было и на сей раз. С предложением о поединке выступил печенежский князь: «Выпусти своего мужа, а я своего, и пусть борются. Если твой муж победит, то не будем воевать три года, если же мой победит, то будем воевать три года». Как же понимать выдвинутые условия?

Думается, за этим крылся понятный обоим сторонам смысл: кто бы ни взял верх, в бой вступать не будем, а разойдемся либо на три года, либо на неопределенное время.

Владимир согласился и приказал найти такого молодца, который бы не ударил лицом в грязь. Однако в дружине такого не сыскалось, а печенеги уже выставили своего бойца устрашающего вида и большой силы. Загрустил киевский князь и огорчился: «Да неужто нет на Руси никого, кто бы вышел против того печенега?» И тогда подошел к нему седой старец и молвил:

— Не тужи, княже, есть у меня один сын меньшей дома. Четыре сына мои в твоём войске, а этот дома остался. С детства никому не удавалось его победить. Кожемяка он, и силища у него в руках неимоверная. Пожурил я его однажды, так парень в сердцах взял и порвал кожу руками. Кто еще сумеет сделать такое?

— Ну, зови сына сюда! — обрадовался Владимир Святославич.

И вот явился кожемяка перед лицо князя. «Сможешь ты победить вон того печенега?» — спросили его. Тот замялся, отвечая: «Не знаю, могу ли я сладить с тем печенегом. Пусть меня испытают. Нет ли где быка у вас побольше, да посильнее?» Скоро нашли такого быка, разъярили и пустили на парня. Юноша не дрогнул, изловчился, ухватив его руками за бок, вырвал кожу вместе с мясом и повалил животное наземь.

— Вижу, можешь сразиться с печенегом! — порешил Владимир.

А в стане противника уже устали ждать: «Ну, где же ваш боец? Наш-то уже давно готов!» Выпустили они на поле своего великана. Когда против него вышел приземистый русский боец, стали печенеги смеяться над ним: куда, мол, ему против нашего!

Размерили место для поединка. По обе его стороны

расположились печенеги и русские. Воины пошли друг на друга. Схватившись мертвой хваткой, начали жать один другого, и русский силач стал брать верх: оторвал печенега от земли, а затем сдавил его в своих могучих руках так, что из того дух вышел вон. Тут раздался крик в обоих станах, и печенеги побежали прочь. А русские гнали их до самой засеки...

Эта легенда явилась живым отголоском реального факта и стала сюжетом не одной народной сказки, где героем выступал русский мастеровой Кожемяка. Именно с событиями тех лет связывает летописец основание крепости Переяславля, которую заложил Владимир в честь одержанной победы над печенегами. Согласно летописи, кожемяку по имени Ян Усмошвец и его отца князь будто бы пожаловал в бояре.

По свидетельству письменных источников, мир с печенегами действительно длился в течение трех лет, а по истечении срока кочевники снова объявились у города Василева в 995 году, угрожая напасть на Киев. В этой войне Владимира Святославича постигла полная неудача. Может быть, сказалось отсутствие незадолго перед тем умершего Добрыни или самонадеянность князя, привыкшего довольно легко отбивать вражеские набеги. Выступив на сей раз с малыми силами, он был разбит наголову и спасся по чистой случайности, укрывшись от преследования под мостом.

На радостях по поводу своего чудесного спасения Владимир пировал в Василеве восемь дней. Было изготовлено триста провар меду, созваны бояре, посадники и старшины со всех городов. Веселился и весь городской люд. Ну, и конечно, попы постарались внушить князю, что своей жизнью он обязан не кому иному, как своему божественному покровителю — святому Василию. В честь святого Владимир Святославич закладывает в Василеве церковь Преображения. А возвратясь в Киев, празднует

и пирует еще восемь дней, собрав бесчисленное множество гостей в «оттином» доме.

Это лишний раз свидетельствует о том, что Владимир, как подчеркивает летописец, не становится ни святошей, ни церковным фанатиком. Напротив, он в своей жизни остается приверженным старославянским обычаям отцов и дедов. Данное обстоятельство наложило на всю последующую его политику определенный отпечаток. Князь не только не стал преследовать язычество, скоморохов и лицедеев, к чему его подталкивали митрополиты и черноризцы, но всячески поощрял возрождение народных традиций, устраивал большие праздники, привлекая в Киев таланты из низов.

Время князя Владимира, кроме всего прочего, примечательно и тем, что оно явилось своеобразным рубежом в развитии языческой культуры Руси, вершиной ее расцвета, когда новые феодальные отношения и соответствующие им духовные ценности еще не упрочились, а старые традиции и представления не только не исчезали, но получили дополнительный животворный импульс в связи с достижением политического единства славянских племен, сохранивших демократические общинные порядки. Киев становится центром общерусской культуры — языческой по духу. К Владимиру Красное Солнышко в «стольный град» сходились гусяры, рожечники, скоморохи, фокусники, плясуны, известные борцы и силачи, наездники, лучшие стрелки из лука и метатели копий, чтобы принять участие в праздничных представлениях и состязаниях. Особой любовью и почетом пользовались народные сказители и песенники, услаждавшие слух легендами о богатырской славе былинных героев, их боевых подвигах, походах за моря и горы.

Перекидывая воображаемый мост через все русское средневековье, мы открываем для себя многое из того культурного наследия, дошедшего до нас в виде памятни-

ков литературы и устного народного творчества. Необыкновенно жизнеутверждающим предстает эпос наших предков, бурно развивавшийся на стыке двух исторических эпох — родового и феодального строя. Народные певцы и сказители прославляли и князей, и простых людей из низов — оратаев (пахарей), мастеров-ремесленников, героев-богатырей, защитников Отечества.

Своеобразен и демократичен сам дух русских былин, героями которых являлись не только богатыри и добрые молодцы, но и молодичицы, или «поляницы», не уступавшие в отваге и ловкости персонажам мужского пола. Как те, так и другие были всегда готовы встать «за други своя», прийти на помощь обиженному, защитить народ от «Идолица поганова», Соловья-разбойника или Змея Горыныча и Тугарина Змеевича, олицетворявших орды нападавших со стороны Поля кочевников.

В образе отважных «поляниц» запечатлелись черты реальных героинь, которые участвовали в боевых походах и войнах Святослава и других князей или с оружием в руках отражали атаки врагов на русские города. В роли богатырей, как правило, выступали выходцы из отдаленных мест, из «засельщины». Наиболее ярким персонажем во все времена оставался Илья Муромец из села Карачарова.

О том, каких высот достигло песенно-поэтическое искусство в Киевской Руси, красноречиво свидетельствует безвестный автор «Слова о полку Игореве», говоря о том, что его вдохновляло творчество великих русских песенников, живших задолго до него. И среди них выше всех он ставит Бояна:

О Боян, о вещей песнотворец,
Соловей времен давно минувших!
Ах! Тебе б певцом быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,

Возносясь орлом под сизы тучи,
С древней славой новую свивая...

Автор «Слова» называет Бояна внуком Велеса, соловьем старого времени, вещим певцом, воспевшим и Ярослава Мудрого, и Мстислава Удалого, и Романа Красного, некогда вдохновлявшим дружины на ратные подвиги. Не подлежит сомнению, что первые наши летописцы — Никон, Иван, Нестор при составлении своих сводов также использовали устные предания русских сказителей.

Логично предположить, что Боян — собирательный образ легендарного песнопевца, в котором воплотились черты не одного поколения слагателей былин и сказаний, чьи имена канули в Лету. Вероятно, «боянами» называли дружинных певцов-бардов времен Олега и Святослава, поднимавших в походах боевой дух князей и воинов. Но это нисколько не противоречит известной точке зрения, что Боян — лицо реальное, гениальный поэт-песенник, «русский Гомер». Вполне возможно, что он действительно существовал и в своем творчестве свел воедино устные творения живших в разное время отдельных сказителей-«боянов».

Н. М. Карамзин в своем «Пантеоне российских авторов» говорит о нем следующее: «Может быть, жил Боян во времена Олега, может быть, пел он славный поход сего Аргонанта к Царю-граду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горстью своих погиб среди бесчисленных Печенегов, или блестящую красоту Гостомысловой правнучки (основателя Новгорода. — *В. Р.*) Ольги, ее невинность в сельском уединении, ее славу на троне».

Видимо, и при блистательном дворе Владимира находились златоустые песнопевцы-«бояны», пользовавшиеся среди всех почетом и уважением, украшавшие многодневные пиршества, воспевавшие богатырские подвиги

великих предков киевского князя и славные победы его самого над греками, ляхами, печенегами, ятвягами, волжскими болгарами.

Бруно-Бонифаций в гостях у Владимира

Мерзебургский архиепископ Бруно-Бонифаций в 1006 году совершил миссионерскую поездку в страну печенегов. Его дорога пролегла через Киев. Перед тем как отправиться пропагандировать католичество среди кочевников, он прожил здесь целый месяц, пользуясь расположением и гостеприимством князя Владимира. По всей видимости, персоне Владимира Святославича интересовала архиепископа не меньше, чем печенеги, ибо германский император Генрих II дал ему наказ еще раз попытаться склонить Киевскую Русь к союзу со Священной Римской империей, а самого князя — к католичеству. В своем подробном послании Генриху II о пребывании в Киеве Бруно дает интереснейшие сведения о Владимире. Это письмо впервые перевел русский историк-археограф Н. Н. Оглоблин с латинского текста в 1876 году.

После витиеватого излияния верноподданнических чувств к императору и римско-католической церкви миссионер сообщает:

«Вот уже целый год прошел, как мы, после долгого, но бесплодного пребывания в Венгрии, оставили эту страну и направились к Печенегам — самым злым язычникам.

Русский государь (Владимир), известный могуществом и богатством, удерживал меня у себя целый месяц (как будто бы я по своей воле шел на гибель!) и противился моему предприятию, стараясь убедить меня — не ходить к этому дикому народу, среди которого невозможно отыскать ищущих спасения, а найти себе бесполезную смерть — всего легче...»

Как это непохоже на Владимира — поборника идеи распространения христианства среди язычников. Более того, оказывается, он считает миссионерство бесполезным предприятием. В последующих строках раскрываются человеческие качества Владимира:

«Но он не мог отклонить меня от моего намерения, и так как его страшило какое-то видение о мне недостойном, то он сам, с войском своим, два дня провожал меня до последних пределов своего государства, которые у него для безопасности от неприятеля на очень большом пространстве обведены со всех сторон самыми завалами (засеками).

На границе он слез с коня, я шел впереди с спутниками, таким образом мы вышли за ворота (укрепления). Владимир расположился на одном холме, а мы — на другом. Я держал в руке крест Христов, распевая знаменитую песнь: «Любишь ли меня Петр? Паси агнцы моя!» По окончании пения государь прислал к нам одного из старейших сказать: «Я довел тебя до того места, где оканчивается моя земля и начинается неприятельская. Именем бога умоляю тебя, не губи, к моему бесславию, своей молодой жизни! Я убежден, что завтра, раньше трех часов, ты, без цели и пользы, встретишь горькую смерть». Мой ответ был такой: «Пусть господь откроет тебе рай так, как ты открыл нам путь к язычникам».

Вот так участливо, со всей душой отнесся Владимир к представителю крайне враждебного православия направления в христианстве. Он делает все возможное, чтобы как-то обезопасить пребывание Бруно и его спутников в стане печенегов.

Далее архиепископ описывает, как с ним обошлись те, кого он собирался обратить в христову веру:

«Два дня шли мы без всякого препятствия: на третий день — это была суббота — нас рано схватили печенеги. В тот же самый день нас всех, с наклоненными

головами и обнаженными шеями, три раза, т. е. утром, в полдень и к вечеру, подводили под топор палача. Но чудесной помощью божиею и св. Петра, нашего покровителя, мы избавились от неизбежной смерти. Было воскресенье, когда нас препроводили в главный стан Печенегов. Нам назначена была особая ставка и мы должны были там жить до тех пор, пока весь народ, оповещенный через нарочитых гонцов, не соберется на совет. В следующее воскресенье, при наступлении вечера, нас ввели в средину этого собрания, погоняя бичами нас и коней наших. Несметная толпа народа, с сверкавшими от злости глазами и пронзительным криком, бросилась на нас, тысячи мечей, простертых над нашими головами, грозили рассечь нас на части. Так нас мучили и непрестанно терзали до темной ночи, пока наконец печенежские старейшины не поняли речей наших и, убедившись по свойственной им прозорливости, что мы для их же пользы прибыли в их страны, не исторгли нас властью своею из рук народа. После этого, соизволением господа бога и святейшего апостола Петра, мы пять месяцев оставались среди Печенежского народа, объехали три части их страны, до четвертой же не могли дойти, но и из ней некоторые важнейшие обитатели прислали к нам своих поверенных...»

Из дальнейших объяснений становится ясно, почему печенеги не прикончили архиепископа и его компанию: в этом решающую роль сыграл не апостол Петр и не господь бог, а киевский князь Владимир.

«Обративши к христианской вере, по указанию божиею, около 30 душ, мы, от лица русского князя заключили с печенегами мир, которого, как они меня уверяли, другой никто, кроме нас, заключить не мог бы. «Мир этот — говорили они — есть твое дело. Если он будет прочен, как ты нам обещаешь, мы все охотно сделаемся христианами. Но если повелитель Руси поколеблется в исполнении своих обещаний, в то время нам не до христианства будет: мы

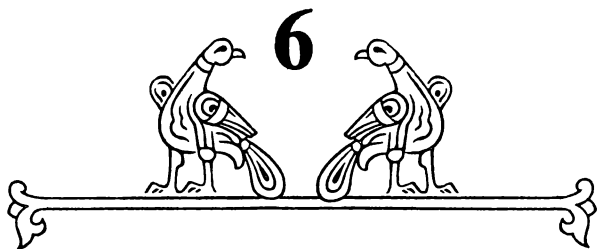
тогда только о войне помышлять будем». С таким ответом мы прибыли к русскому князю, и он, снисходя к моей просьбе и имея в виду прославление имени божия, дал Печенегам, в заложники мира, сына своего. Посвятивши во епископы одного из монахов наших, мы отправили его вместе с сыном князя в глубь Печенжской земли. Так, к наибольшей чести и славе господа бога, избавителя нашего, было тогда посеяно христианство между грубым и самым свирепым, какой только есть на земле, языческим народом...»

Итак, используя имя Владимира, немецкий архиепископ пытался обратить целый народ в христианскую веру, но этого все же не случилось. Подтвердилось то, о чем предупреждал его князь: распространять среди кочевников христианство — дело бесполезное, а опасность поплатиться за это жизнью очень велика. Как видно, Владимир Святославич имел трезвый взгляд на вещи, не тешил себя иллюзиями в отношении даже самых благих предприятий и при всей противоречивости своей натуры отличался исключительной рассудочностью.

Не мог не видеть Владимир Святославич и того, что миссия Бруно-Бонифация преследовала цель окатоличивания сопредельных с Русью земель, и то, что эта миссия направлялась германскими императорами Оттоном III и Генрихом II, римским папой Сильвестром II и польским королем Болеславом I.

После всех неудач с обращением печенегов в христианство Бонифаций с теми же целями направляется своими патронами в 1009 году в земли пруссов и ятвягов, где и находит свой бесславный конец вместе с девятнадцатью своими сподвижниками: всем им пруссы отрубили головы. Римская церковь объявила Бонифация святым великомучеником и тем самым положила начало новому этапу борьбы за овладение прибалтийскими землями.

В Берестовском замке

В летописях подробно освещается главным образом «языческий» период жизни Владимира, что создает впечатление, будто после «крещения Руси» он отстраняется от активной политической или государственной деятельности. Почему так скупы дальнейшие сведения? Может, его увлекли идеи религиозного подвижничества, заставив отгородиться от мира? Ничуть не бывало. Все объясняется несколько иначе.

Князь стал избегать контактов с присылаемыми из Константинополя митрополитами, которые при нем менялись трижды: в 992 году на место Михаила пришел Феофилакт, в 997 году главой русской церкви был назначен Леонт, а в 1108 году — Иоанн. При этом каждый митрополит, вступая во владение пожалованными киевским князем городами и землями, хоть и становился, как феодал, вассалом Владимира, но как лицо религиозное был независим, подчинялся Вселенской константинопольской церкви, преследовавшей на Руси собственные интересы, проводил ее политику. Вряд ли такое положение дел устраивало Владимира, но приходилось терпеть. В его отношениях с церковными иерархами явно наметился разлад.

Кроме того, к концу X века получила широкое распро-

странение раздача земель и вотчин в собственность бояр, воевод и пастырей, стала развиваться удельная система хозяйствования, способствовавшая усилению власти отдельных крупных собственников на местах. Одновременно возрастало значение городов как самостоятельных центров с правом наследования в них княжеской и боярской власти и имущества, возникла государственная система, построенная на независимости суверенных князей и их вассалов. Все вместе это вело к децентрализации княжеской власти и ослаблению политических и экономических связей между отдельными городскими центрами и землями. И если некоторые города и области богатели и процветали за счет эксплуатации городского и сельского населения, то в целом наметилась нисходящая тенденция в развитии Киевского государства.

Теперь Владимиру приходилось не только считаться с волей церкви, усилившейся боярской верхушки и княжеских наместников — своих сыновей, но и ожидать мятежей с их стороны. Князь ясно видел и хорошо понимал происходящее, испытывал горькое разочарование и вряд ли надеялся на покровительство бога и святых православной церкви.

Таким образом, ему противостояла сильная церковно-боярская партия, поддерживаемая частью купечества. Интересы сторон во многом расходились. В этой ситуации, как ни старайся, вряд ли сумеешь представить Владимира в качестве не только основателя русского православия, но и убежденного религиозного подвижника. Здесь и кроются причины скудности информации о его жизни в конце X — начале XI века. Потому рассказ о «поганском» язычестве и «языческом» периоде правления у летописцев получился подробным, пространным и довольно живописным, а последующая деятельность главы Киевского государства оказалась как бы смазанной. Приводятся лишь краткие сведения о том или ином событии, о войнах, о смерти

близких князя, о его сыновьях, поставленных наместниками в разных городах, и неожиданно сообщается о смерти его самого.

Чтобы воссоздать хотя бы в общих чертах картину последних 20 лет жизни Владимира Святославича, историкам приходилось по крупицам собирать факты в зарубежных исторических хрониках.

После смерти Добрыни в начале 90-х годов князь почти не вмешивался ни в дела боярского совета, ни тем более в дела митрополита. Он перебрался в село Берестово, что находилось неподалеку от Киева на Печерских высотах, на крутом берегу Днепра, и обосновался в замке, сделав его своей резиденцией¹. По сути, с этого времени Владимир занялся в основном защитой рубежей государства от вражеских нападений и войнами.

Как раз в тот период усилился натиск на русские земли закоренелых врагов Руси — печенегов, поляков, Византии. Особенно настойчиво добивался своих целей по овладению червенскими городами польский князь Болеслав Храбрый. Он плел заговоры, используя своего зятя, — приемного сына Владимира — Святополка, вокруг которого собиралась вся боярская оппозиция.

Почему Владимир покидает «отний» терем на Горе в Киеве и поселяется в Берестове?

Здесь, несомненно, сыграла не последнюю роль упо-

---

¹ По соседству с ним при Ярославе Мудром возникла Киево-Печерская лавра. От самого же Берестовского замка ныне не осталось ничего, кроме церкви Спаса, построенной в середине XI столетия. Этот храм являлся усыпальницей Мономаховичей. Здесь был захоронен в 1157 г. сын Владимира Мономаха, основатель Москвы Юрий Долгорукий. Сейчас церковь Спаса входит в комплекс музея-заповедника Киево-Печерской лавры. Она была заново реставрирована после Великой Отечественной войны. В 1947 г. в связи с празднованием 800-летия основания Москвы внутри нее установили мемориальный саркофаг Юрия Долгорукого.

мянутая нами растущая боярская и церковная оппозиция, и, чтобы как-то оградить себя от нее, он почел за благо последовать примеру своей бабки Ольги. Ведь и она в свое время обосновалась на постоянное жительство во вновь построенной крепости на Вышгороде, где и проживала до последних дней жизни. Такое положение, когда короли сооружали для себя «орлиные гнезда» — крепости и замки, характерно для всей феодальной Европы. Но тому же пути следовали и многие удельные князья, создавая в подвластных им городах две или три территориально разграниченных зоны: замок, обнесенный стеной княжий город, или крепость, и незащищенный посад.

Итак, в Киеве образовались как бы два центра: один на Горе, в «киевском граде», вокруг митрополита и казначея Десятинной церкви Анастаса, и другой — в Берестове вокруг Владимира Святославича. При этом оппозиционная князю церковно-боярская партия вынашивала планы устранения Владимира и его замены Святополком — сыном убитого Ярополка, который вполне созрел для захвата власти и был готов на любые условия ради достижения заветной цели. Окончательный разрыв с православным центром подтверждается и таким фактом: в Берестове при князе разрешается находиться лишь одному русскому священнику Илариону — его верному сподвижнику. Правда, и ему не все было по душе в Берестовском тереме, и, чтобы спасти себя от постоянного многолюдья и потех, а наипаче от «бесовских наваждений», Иларион часто уединялся в располагавшейся неподалеку пещере, став основателем пещерного монашества на Руси¹.

---

¹ Пещеры эти остались от времени неолита, когда они служили жилищем для первобытных людей. Несколько десятилетий спустя после смерти Владимира в них найдет пристанище первая монашеская братия во главе с Антонием и его преемником Феодосием — основателями скитов ближних и дальних пещер Киево-Печерской лавры.

Жития святого Владимира представляют его в этот период как кроткого и смиренного христианина, предавшегося молитвам и покаянию за прежние грехи. Но этот образ далек от действительности. Князь и теперь не слезает с боевого коня, устремляется с дружинами отражать набеги своих врагов, умирять восставшие племена. Таким он оставался до последнего часа жизни, бросая вызов любому врагу: «Мостите мосты, расчищайте дороги, иду на вы!»

Однако с каждым годом ему становилось все труднее. Не было рядом ни Добрыни, ни иных верных соратников и боевых товарищей. А на Горе богатели и набирали силу бояре и бывшие его воеводы — Вратислав, Волчий Хвост, Путята и другие. Они отстраивали себе золотоверхие терема, наполняли их золотом, драгоценными камнями, мехами, съестными припасами, медами и заморскими винами. Все более богател и епископ Анастас, пряча в подвалах Десятинной церкви набитые сокровищами сундуки и ожидая своего часа, чтобы умыкнуть их.

Сам же князь живет просто и скромно в своем Берестовском тереме, отдыхая в перерывах между битвами и походами. Он во всем уподобляется своему отцу Святославу: носит простую льняную одежду и легкие козловые сапоги, ест и пьет скромно, как простой гридень. Теперь его более не интересуют евангелия, и священник Иларион читает ему книги Царств, повествующие о жизни царей Саула, Давида и Соломона, или книгу Иова, содержащую размышления о суетности и бренности земного существования. Таким перед нами предстает Владимир в описаниях Илариона — автора «Слова о законе и благодати».

Этот церковник — живой свидетель событий истории времен Владимира и Ярослава, явление в русской истории и литературе уникальное. Он обосновался в Киеве в конце 90-х годов X века после возвращения из Византии, где проходил многотрудный путь усвоения богословских наук

и монашеского испытания. Его скоро заметили в церковной среде и в окружении самого киевского князя. По прошествии короткого времени Иларион становится первым русским священником в церкви княжеского Берестовского замка, а также духовным наставником Владимира, его советником, толмачом и книгочеем. С его помощью Владимир Святославич усваивал основы и догматы новой веры, воспринимая их со всем простодушием язычника.

Многие новшества князя, как, например, учреждение органов церковного управления в городах и весях Киевской Руси, строительство церквей и организация книжного обучения, вводились не без участия Илариона, отстаивавшего идею независимости Русского государства и его церкви от Византии или Рима. Данная мысль с большой силой выражена в его «Слове о законе и благодати» — церковно-политическом трактате, прославляющем Русскую землю и ее князей. Этот литературный памятник ставит Илариона в один ряд с выдающимися писателями Киевской Руси — Никоном, Нестором, Владимиром Мономахом. Знаменательно, что в 1051 году князь Ярослав самочинно поставил Илариона первым русским митрополитом за великие заслуги перед отечеством и государством.

«Слово о законе и благодати» — это изложенная на бумаге речь Илариона, произнесенная им на торжествах по случаю завершения строительства киевских оборонительных сооружений и Золотых ворот в 1049 году. В ней он предстает перед нами как страстный проповедник-патриот, призывающий радеть о нуждах Руси, о ее единстве и сплоченности, необходимых, чтобы прогнать посягающих на русские земли врагов, утвердить мир в княжестве, «укротить» соседние страны, «умудрить» бояр, укрепить города.

Автор «Слова» сумел нарисовать реалистический образ князя Владимира — великого деятеля своего времени, показать противоречивость его натуры, в которой ужива-

лись ум, доброта, великодушие, неумная энергия, пагубные привычки, низменные страсти. Владимиру Святославичу дается характеристика мудрого политика, которому удалось понять требования времени и многое совершить во имя процветания государства. Ведь это он по собственному побуждению сделал «великое и дивное дело — крестил Русь» и стал «учителем и наставником» Русской земли. Владимир «равноумен», «равнохристолюбен», уподобляется самому Константину Великому — императору «двух Римов», а потому достоин быть названным «святым» и «равноапостольным, равным апостолам Иоанну, Фоме и Марку — основателям христианских церквей в различных странах и землях». Он также «единодержец земли своей», сумевший покорить соседние страны, кого «миром», а кого «мечом», и утвердить авторитет Руси среди других государств Европы.

Се аз и дети...

В те далекие времена, о которых мы ведем речь, вырастить детей, воспитать их достойным образом, поставить на ноги, «вывести в люди» считалось главным делом жизни каждого уважающего себя человека. Продолжение рода, генеалогического древа, начатого далекими щурами и пращурами, было вопросом семейной чести, нравственным долгом, первейшей общественной обязанностью. И всякий достойный муж стремился прожить свою жизнь так, чтобы, подводя ее итог, с гордостью сказать: «Се аз и дети!» Вот, мол, я весь перед вами, а это дети мои.

Настала пора и для Владимира Святославича оглянуться на пройденный путь и поразмыслить о будущем своих детей, которых у него было немало. Одних только сыновей, что находились при нем, насчитывалось двенадцать.

И все это — княжеские отпрыски. Отцовский долг требовал соответствующим образом позаботиться о каждом. Нельзя не учитывать и тех, кто родился от наложниц или челядинок. И хотя князь теперь звался христианином, прежние, «языческие» браки обязывали ко многому, и он проявил большое душевное благородство по отношению ко всем своим детям — никого не обошел, никого не обидел. Даже тогда, когда его приемыш — Святополк вступил с врагами в заговор, чтобы захватить престол, Владимир не казнил изменника, а, продержав около года в темнице, выпустил на все четыре стороны. Однако от сыновей он требовал полного послушания и умел поставить на своем, если кто-либо из них норовил ему перечить.

Прошло два десятилетия с той поры, когда он утвердился в Киеве и за многими делами и войнами не заметил, как парни подросли, а старшие и вовсе повзрослели. Все они содержались и воспитывались при княжеском дворе, и при каждом, как водится, находился дядька-наставник. По всей видимости, Владимир Святославич общался с сыновьями весьма редко за недосугом, но то, что он о них помнил постоянно — это бесспорно. И теперь, когда настало время подумать о сохранении своей власти над столькими городами и землями, князь все более присматривался к каждому, прикидывая, кого куда лучше назначить наместником или посадником. Владимир часто навещался к ним в «отний» дом на Старокиевской горе, интересовался, как они обучаются грамоте и книжному чтению, умеют ли сидеть в седле и владеть оружием. Не мог не заметить, что все были разными, непохожими друг на друга, и даже Рогнедины дети сильно рознились между собой во всем.

Изяслав выглядел довольно хилым и малоподвижным. Отца сторонился и боялся. Зато ходил в любимцах у матери. Полной противоположностью ему оказался Ярослав — чрезвычайно подвижный и шустрый, несмотря на

хромоту (повредил ногу в раннем детстве), превосходный наездник. Кроме того, юноша с малых лет пристрастился к книгам и овладел несколькими языками — свободно читал византийские, немецкие, латинские и иные рукописные тексты. Думал ли тогда родитель, что именно этот неказистый паренек будет его верным последователем и во многом превзойдет отца, более того, станет единственным продолжателем всего княжеского рода? Мстислав отличался от остальных братьев поистине богатырской силой и красотой. Вот как его характеризовал сам летописец: «Был же Мстислав дебел телом, прекрасен лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей». Мстислав оказался последним соперником Ярослава в борьбе за отцовское наследство. После долгой войны между ними произошел первый раздел Киевского государства по Днепру. Правобережье с Киевом отошло к Ярославу, а левобережье с Черниговом — Мстиславу. И только после его смерти в 1036 году Ярослав стал безраздельно властвовать на всей территории Руси.

Подбирая кандидата на то или иное место, Владимир Святославич прежде всего исходил из личных качеств каждого из своих отпрысков и значимости данного края или города для Киева. Не выделяя особо кого-то из сыновей, он не назначал и преемника на киевский престол, нарушив традицию, существовавшую до него и продолженную после его смерти. Вероятно, не видел никого, кто мог бы претендовать на роль главы государства.

В Новгород Владимир посадил старшего по возрасту — Вышеслава, рожденного варяжкой Оловой. Однако тот вскоре умер, и новгородским наместником пришлось сделать Ярослава — сына Рогнеды, переведя его из Ростова. А в Ростове сел Борис — старший сын Анны. Другой сын Рогнеды — Изяслав был назначен в Полоцк, тот самый

отдаленный угол северо-западной Руси, где целые столетия после него гнездились своевольные и удалые потомки.

Самого младшего сына Глеба Владимир назначил наместником в Муроме, расположенном на восточной окраине княжества, в глухом лесном краю, жители которого имели независимый нрав, отразившийся в характере былинного богатыря Ильи Муромца. Очень скоро и этот княжеский отпрыск возымел амбиции в отношении Киева и вступил в тайный союз с Ярославом.

Наместником в древлянской земле стал сын Владимира от древлянки Малфриды Святослав. Его положение с самого начала было весьма неустойчивым, и само назначение к древлянам, утратившим со времен походов в эти края княгини Ольги свое значение как племенного союза, видимо, состоялось благодаря племенной принадлежности матери Святослава. Просидев тут до самой кончины отца, он пал первой жертвой братоубийцы Святополка, решившего свести счеты со всем семейством киевского князя.

Младший сын Рогнеды Всеволод, посаженный на Волыни, явился основателем Владимиро-Волынского княжества, которое впоследствии, объединившись с Галицким, при Романе и Данииле Галицком достигнет вершины своего могущества и будет признано самим Римом и германскими императорами как суверенное.

В самые отдаленные южные земли на Таманском перешейке и в Приазовье послали Мстислава — сына Рогнеды, обосновавшегося надолго в Тмутаракани. В нем Владимир видел наиболее надежного защитника интересов Русского государства на южных рубежах: он обладал всеми необходимыми воину и полководцу качествами, которые были присущи его деду — Святославу. И Владимир Святославич не ошибся в своем выборе, направив именно этого сына на самый горячий участок, подвергавшийся постоянным набегам кочевников. В 1016 году Мстислав

окончательно разбил Хазарский каганат, захватив в плен последнего его хапа, а четыре года спустя покорил аланов и касогов, совершавших набеги на русские земли со стороны Кавказа. Один из эпизодов этой войны навсегда вошел в наш героический эпос как поединок Мстислава с касожским князем Редедюю, завершившийся победой первого.

Наместником в Смоленске стал Станислав, рожденный чешкой. Город являлся важнейшим торговым центром и крепостью на всем Среднем Поднепровье. Он защищал Русь от нашествия врагов с запада, на его долю во все времена выпадало самое большое число вражеских осад и боев, включая жестокие сражения в ходе Великой Отечественной войны. Станислав правил в Смоленске недолго и умер еще при жизни своего отца.

Управлять Псковом Владимир поставил Судислава — сына Адели, век которого оказался долгим, а судьба — незавидной. По смерти Владимира Святославича после жестокой и длительной распри из-за власти на киевском престоле утвердился Ярослав, который вскоре взял под свою руку Новгород и Псков. В связи с этим Судислава пришлось сместить. Хотя за ним и не числилось никакой вины перед братом, Ярослав обвинил его то ли в измене, то ли в намерениях захватить великокняжеский престол и засадил беднягу в поруб (подобие глубокого колодца, сделанного из бревен), в котором тот и просидел 24 года. После смерти Ярослава он был выпущен своими племянниками Изяславом, Святославом и Всеволодом, взявшими с него клятву не претендовать на место киевского князя. После этого его постригли в монахи и отправили в один из новгородских монастырей, где Судислав тихо умер в 1064 году.

Труднее всего пришлось со Святополком, смотревшим волком на отчима и своих многочисленных братьев. Послать слишком далеко — опасно: можно ожидать чего

угодно с его стороны. Оставить в Киеве — тоже не выход. Князь решил направить приемного сына в Туров на Припяти: и не очень далеко, и не слишком близко. Правда, этот город был чрезвычайно важным как форпост в системе крепостей, защищавших западные червенские города Червен и Перемышль от постоянных военных рейдов поляков. Если бы Владимир Святославич не торопился и хорошенько подумал, то вряд ли совершил такой опрометчивый шаг. Как только Святополк обосновался в Турове, он тут же изменил своему патрону, вступив в сговор с польским королем, который свел его со своей дочерью в надежде поженить их и таким образом заполучить червенские земли и города.

Святополк, по-видимому, хорошо осведомленный об истории убийства своего отца — киевского князя Ярополка, проникся лютой ненавистью к названому отцу и братьям. Он стал злым роком княжеского семейства, да и всей Киевской Руси: захватив после смерти Владимира киевский престол, узурпатор организовал нашествие на русские земли войск своего тестя — короля поляков Болеслава. Поставив цель истребить всех своих братьев, Святополк сумел погубить трех из них — Святослава, посаженного отцом в древлянской земле, и двух младших — Бориса и Глеба, сыновей царицы Анны. За все злодеяния ему дали прозвище Окаянный. Три года между ним и Ярославом шла кровопролитная жестокая война, и только после битвы на реке Альте, на том самом месте, где был убит Борис, он потерпел окончательное поражение, бежал и сгинул где-то между «ляхами и чехами». Описание сражения и бесславной гибели Святополка Окаянного, коварного братоубийцы, приводится в «Повести временных лет».

«В год 6527 (1019). Пришел Святополк с печенегами в силе грозной, и Ярослав собрал множество воинов и вышел против него на Альту. Ярослав стал на место, где

убили Бориса, и, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего вопиет к тебе, владыка! Отомсти за кровь праведника сего, как отомстил ты за кровь Авеля, возложив на Каина стенание и трепет: так возложи и на этого».

И далее летописец развертывает широкую панораму битвы, рассказывает о поражении Святополка и его паническом бегстве с поля боя: «...двинулись противники друг против друга, и покрыло поле Альтинское множество воинов. Была же тогда пятница, и всходило солнце, и сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал. И когда бежал он, напал на него бес и расслабил все члены его, и не мог он сидеть на коне, и несли его на носилках. И бежавшие с ним принесли его к Берестью. Он же говорил: «Бегите со мной, гонятся за нами». И не было никого, кто бы гнался за ними, и дальше бежали с ним. Он же лежал немощен и, привставая, говорил: «Вот уже гонятся, ой, гонятся, бегите». Не мог он вытерпеть на одном месте и пробежал он через Польскую землю, гонимый божьим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией и там бедственно окончил жизнь свою...»

Самой короткой и трагической была жизнь младших сыновей Владимира Святославича Бориса и Глеба, погибших от рук убийц, подосланных Святополком, но память о них оказалась самой долгой и доброй. Их даже причислили к лику мучеников и святых. Образ этих святых среди русских христиан был, пожалуй, наиболее популярным после Богородицы и Николая Угодника, ибо приближался к образу самого Иисуса Христа, принесшего себя в жертву ради людей. Им посвящалось множество церквей и монастырей, строившихся на протяжении всего русского средневековья. С ними связан и особо чтимый праздник, приуроченный к началу весеннего сева. «Борис и Глеб —

сей хлеб!» — говорили крестьяне. Если старшие сыновья Владимира, приняв крещение в отроческом возрасте, оставались все же в чем-то язычниками, ибо воспитывались на традициях своих великих предков, то Борис и Глеб получили воспитание в чисто христианском духе, многое впитав с молоком матери-христианки и ее духовников. Влияние на них отца было, по всей видимости, незначительным. Это подтверждается хотя бы тем, как легко они попались в ловушки Святополка и погибли, точно кроткие агнцы.

Наконец, в сыновьях Владимира Святославича числился еще один по имени Позвизд. Какова его судьба и кто его мать — неизвестно. Вероятно, он являлся самым старшим среди своих братьев и родился где-то в новгородских землях.

Из дочерей киевского князя мы знаем имена лишь двух — Предславы и Доброгневы. Первую постигла участь ее матери — Рогнеды. К Предславе сватался польский король Болеслав, но ему отказали. Когда же он захватил с помощью Святополка Окаянного — своего зятя — Киев, то силой взял княгиню в наложницы. Изгнанный из города восставшими киевлянами, Болеслав бежал в свои земли, прихватив с собой Предславу и ее сестру Доброгневу. Об остальных дочерях Владимира нам ничего не известно, но их у него, по всей вероятности, было не меньше, чем сыновей.

Братоубийственная распря сыновей Владимира Святославича явилась прелюдией последующих феодальных междоусобиц и войн за захват верховной власти в Киевском государстве или в отдельных его землях. Неумолимо надвигавшаяся угроза раздробления Руси на отдельные княжества, чреватого для государства и его народа неисчислимыми бедами, не могли отвратить потомки великого киевского князя — Ярослав Мудрый и Владимир Мономах, завещавшие своим сыновьям хранить единство

и мир между собою. О том же печалились и авторы «Слова о погибели Русской земли» и «Слова о полку Игореве». Но такова уж природа классово-борьбы, в которой каждый отстаивает свой материальный интерес, свое непререкаемое право на власть, используя для этого любые способы и средства.

Кто же оказался у кормила власти в Киевской Руси после смерти Владимира? Продолжателем дела отца стал Ярослав Мудрый.

Нелегкой оказалась его ноша. Ему пришлось заново объединять русские земли под властью Киева и восстанавливать целостность Киевской Руси, которая была поставлена под угрозу в результате раздела территории между братьями. И надо отдать Ярославу должное как дальновидному политику, дипломату, законодателю и строителю. Он более ясно и четко, нежели отец, определил свое место и свою роль в государстве, настойчиво проводя в жизнь все, что наметил исполнить. И сделал немало.

В первую очередь позаботился о защите южных границ, возведя на Руси новые крепости, основал ряд городов в Нижнем и Среднем Поволжье и среди них Ярославль, построил укрепленные города в балтийском Поморье, в частности Юрьев (Дерпт), названный его христианским именем. Пекся об обороне червенских городов: в 1030 году организовал поход в польские земли для подавления восставших мазовчан, после чего переселил большое их число из пограничных с Польшей районов в южные пределы своего государства и тем самым надолго отбил охоту у «ляхских» королей «воевать русскую землю». При нем развернулось грандиозное строительство в новых и старых городах. В Киеве рядом с градом своего отца он возводит свой, превосходящий «отчий» по площади и числу каменных и деревянных строений в несколько раз. Вокруг него насыпает оборонительные валы и воздвигает детинец с Золотыми воротами — такими же, как и в

Константинополе. Строит в невероятно короткий срок и свою Софию Киевскую, а несколько позже и Софию Новгородскую.

Государи Европы ищут мира с Ярославом, спешат с ним породниться. Император Константин IX Мономах выдает свою дочь за его младшего сына Всеволода, от которого и пошли русские князья-мономаховичи. Сам Ярослав был женат на дочери шведского короля Олафа — Ингигерде (Ирине). Сестра Доброгнева становится женой польского короля Казимира. Сестру Казимира — Гертруду-Олисаву выдают замуж за другого сына киевского князя — Изяслава.

Женами королей становятся и три дочери Ярослава. Красавица Елизавета после долгих домогательств со стороны норвежского принца Гаральда, пребывавшего некоторое время при княжеском дворе по возвращении со службы у византийского императора, соглашается в конце концов быть его женой. Горячую любовь к ней Гаральд воспел в своих песнях, которые норвежцы помнят и поныне. В 1066 году он погиб в битве с англичанами под Станфордбриджем, и Елизавета вышла замуж за датского короля Свена.

Наиболее примечательной оказалась судьба второй дочери Ярослава — Анны, выданной за французского короля Генриха I. После его ранней смерти в 1060 году она управляет Францией в качестве регентши при малолетнем сыне Филиппе. Являясь продолжательницей королевского рода Капетингов, Анна вошла в историю Франции под именем Анны-Руфы — Рыжеволосой. Сохранилась ее подпись на грамоте, адресованной Суассонскому аббатству — «Анна рѣина» («Анна королева»).

Дальнейшая жизнь этой женщины полна романтических приключений. В нее страстно влюбился граф Рауль де Крепи де Валуа, который похитил ее, увез в свое родовое имение и женился на ней. Однако папа римский

Александр II не только не утвердил брак, но и отлучил графа от церкви. После смерти Рауля в 1071 году Анна вернулась ко двору сына. Она похоронена неподалеку от Парижа в местечке Сенлис, в основанном ею монастыре святого Викентия.

Третью дочь Ярослава — Анастасию выдали за венгерского короля Андрея I. После его смерти в 1060 году и захвата венгерского трона Белой I Анастасия с детьми бежала к германскому императору и снова вернулась в Венгрию позже, когда ее сын Шаламон занял в 1063 году королевский трон.

Судьба семейства Ярослава в чем-то схожа с судьбой Владимирово семейства: из четырех сыновей лишь один Всеволод явился продолжателем княжеского рода Рюриковичей. Остальные же — Владимир, Изяслав и Святослав, хотя и правили попеременно в Киеве, не дали большого потомства. От Всеволода через его сына Владимира Мономаха и далее через сына Мономаха — Юрия Долгорукого продолжение рода шло вплоть до последнего сына Ивана Грозного — Федора Иоанновича. На нем генеалогическая нить оборвалась. Затем царствовали Борис Годунов и Василий Шуйский, а с окончанием периода, названного Смутным временем, временем самозванства, на царство боярами был избран Михаил Федорович Романов, к роду Рюриковичей не имевший отношения, хотя и находили какую-то связь через одну из жен Ивана Грозного.

После Владимира продолжатели рода Рюрика выстраиваются в следующем порядке (в скобках даны даты смерти):

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ (1054) — ВСЕВОЛОД ЯРОСЛАВИЧ (1093) — ВЛАДИМИР МОНОМАХ (1125) — ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ (1195) — ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО (1212) — ЯРОСЛАВ (1246) — АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ (1263) — ДАНИИЛ (1328) — ИВАН I КАЛИТА (1341) — ИВАН II КРАСНЫЙ (1359) — ДМИТРИЙ

ДОНСКОЙ (1389) — ВАСИЛИЙ I (1425) — ВАСИЛИЙ II ТЕМНЫЙ (1462) — ИВАН III (1505) — ВАСИЛИЙ III (1533) — ИВАН IV ГРОЗНЫЙ (1584) — ФЕДОР (1598).

Обозревая далекие времена, в которые жили эти исторические лица, мы можем соотнести с их именами определенные хронологические периоды в истории нашей Родины, выделить основные этапы ее развития, включающие и раздел Киевской Руси на самостоятельные княжества, и усиление роли Владимиро-Суздальского княжества, и появление на исторической арене Москвы, и золотоордынское нашествие, и немецкую экспансию в северо-западной Руси, и возвышение Москвы, и разгром орд Мамайя на Куликовом поле, и образование централизованного Русского государства вокруг Москвы, и борьбу за выход к Балтийскому морю.

Последним из выдающихся государей Киевской Руси являлся Владимир Мономах (1053—1125) — внук Ярослава Мудрого и правнук Владимира Святославича. Ему еще удавалось сохранить политическую целостность Русского государства, вступавшего в эпоху феодальной раздробленности. После него оно распалось на отдельные княжества, и Киев постепенно, уже при Юрии Долгоруком, утратил свое былое значение.

Выделяя Мономаха из всех потомков Владимира Святославича, Б. А. Рыбаков отмечает, что ни об одном из деятелей Киевской Руси не сохранилось столько ярких воспоминаний, как о нем. Об этом князе говорили и во дворцах, и в крестьянских избах спустя много веков, народ сложил о Владимире Мономахе былины как о победителе грозного половецкого хана Тугоркана — «Тугарина Змеевича» и, совместив имена обоих великих Владимиров, «влил» былины в старый цикл киевского эпоса Владимира Красное Солнышко.

Кому не известна пушкинская строка из Бориса Го-

дунова: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!» Речь здесь о той самой шапке, которую якобы вручил князю его дед — византийский император Константин IX Мономах, чья дочь Мария была матерью Владимира Мономаха. Шапка со временем стала символом преемственности власти московских великих князей и самодержавной власти русских царей, короновавшихся ею вплоть до последнего самодержца Николая II Крорового.

По описаниям современников, Мономах «лицом был красен, очи велики, власы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростом не вельми велик, но крепкий телом и силен». Удивления достойно то, сколького он достиг за двенадцать лет киевского княжения, заняв престол уже в преклонном возрасте. Испытания куют характер и волю. Мономах же прошел суровую школу жизни. С отроческих лет ему пришлось помогать отцу, бывшему вассалом своего брата. Первое свое большое путешествие он совершил тринадцатилетним отроком, проехав путь из Переяславля в Ростов «сквозь Вятиче», через глухие Брынские леса, где не было дороги «прямоезжей», где в селах еще горели огни погребальных костров, а язычники убивали киевских миссионеров.

Мономах княжил в пяти удельных городах, воевал в разных местах, совершил 83 военных похода и проделал путь на коне в общей сложности не менее 10 тысяч километров. С 1078 года, после того как его отец Всеволод Ярославич стал киевским князем, Владимир около 16 лет княжил в Чернигове, а затем в Переяславле. Он женился на английской принцессе Гите, дочери короля Гаральда, погибшего в битве при Гастингсе.

Владимир Мономах сумел на короткое время подчинить русское боярство своей власти и, собрав воедино дружины, нанести мощные удары по половецким станам, положив конец их набегам. Князь установил свою власть на всей территории государства и решительно пресек

усобицы между удельными князьями, «много поту утер за Русскую Землю». Был этот муж, помимо всего, мудрым законодателем и талантливым писателем, оставив своим сыновьям знаменитые «Поучения». После его смерти Киевская Русь окончательно распалась на полтора десятка самостоятельных княжеств.

Летом 1240 года в пределы Русского государства, пребывавшего в состоянии феодальной раздробленности, вторглись полчища хана Батыя. Захватив города и земли северо-востока, его армия осенью двинулась на юг, после осады и жестокого штурма овладела Переяславлем и Черниговом и в декабре подступила к Киеву.

Первыми его увидели передовые отряды под командованием двоюродного брата Батыя — хана Менгу. Их поразил вид киевских высот с мощными крепостными стенами, блеском золотых куполов и великолепием каменных теремов: «Меньгукановы же пришедшу сглядят град Кыева, ставшу же ему на оной стране Днепра во градска Песочного, видив град, удивися красоте его и величеству его». Так начинается свой рассказ летописец о трагических событиях.

Менгу-хан, увидев, что овладеть городом малой кровью не удастся, предложил киевлянам сдаться, но получил решительный отказ. Тогда он стал ждать подхода основных сил. И вот несметные Батыевы орды, словно черные тучи, перевалили через Днепр, обложили Киев со всех сторон «...и не бе слышати от гласа скрипения телег его, множества ревения вельблуд его и ржания от гласа стад его и бе исполнена земля Русская ратных».

Положение оказалось крайне тяжелым, ждать помощи было не от кого. Князь Михаил Всеволодович, сидевший тогда на киевском престоле, бежал в великом страхе к венграм. После бегства Михаила на престоле уселся было смоленский князь Ростислав Мстиславич, однако его сместил Даниил Галицкий. Но и Даниил не остался в

Киеве, определив вместо себя тысяцкого Дмитрия. Так стольный город был брошен русскими князьями на произвол судьбы.

Атака началась с южной стороны. Враги поперву пытались ворваться внутрь через Золотые ворота, но потерпели неудачу. Тогда они стали сосредоточивать свои силы в районе Лядских ворот со стороны Крещатицкой долины, заросшей густыми лесными дебрями. Сюда подтянули «пороки» — камнеметные орудия и начали «порком же беспрестани бьющим день и ночь» по воротам и деревянным стенам, стоявшим на земляных валах «города Ярослава».

После жесточайших кровопролитных боев золотоордынцам удалось овладеть «городом Ярослава», после чего они были вынуждены устроить передышку на несколько дней. А киевляне, отступив в «город Владимира», готовились защищаться до конца в этой последней крепости.

Через день штурм возобновился с новой силой, и противнику вскоре удалось прорваться через Софийские ворота в «город Владимира». Защитники Киева — дружинники, женщины, старики, дети сражались за каждый дом, каждую улицу, пока не погибли. О том, как отчаянно защищались и стар и млад, какую резню устроили в городе захватчики, свидетельствуют проведенные советскими археологами комплексные раскопки развалин Десятинной церкви и других мест. Были обнаружены огромные братские могилы, а также груды скелетов, оставшихся в том положении, в каком их настигла смерть. В завалах найдены оружие, бусы, браслеты, мечи и шлемы, ножи и топоры.

Около некоторых скелетов лежали различные вещи, украшения, драгоценные изделия, нити жемчуга, золотые и серебряные медальоны. Все это принадлежало, по-видимому, знатным и богатым киевлянам. На месте городских домов раскопали массу предметов домашнего обихода, погребенных под обломками.

В одном из жилищ в печи нашли скелеты двух прижавшихся друг к другу девочек-подростков с поджатыми ногами. На шее одной сохранились два миниатюрных крестика — медный и янтарный. Рассказывая об этом, археолог С. Р. Килиевич высказала предположение, что в поисках надежного убежища от жестокой расправы дети спрятались в печку, где их и настигла смерть, когда рухнули стены и крыша их дома.

Среди множества костяков обнаружено немало скелетов с монгольским типом черепа. Очевидно, они погибли в смертельной схватке с киевлянами.

Потрясающая картина предстала археологам, когда они раскопали три скелета: взрослого мужчины и двоих детей. Мужчина головой упирался в печь, нижняя половина костяка находилась в предпечной яме. Череп его раздавлен, повернут направо, ноги обгорели. В правой лопатке торчал воткнутый деформированный предмет, вероятно обломок копья, левая рука, согнутая в локте, обнимала голову ребенка, у которого обгорела нижняя челюсть. На руке ребенка был бронзовый браслет из витой проволоки. Другой детский обгоревший скелет лежал, прижавшись к ногам мужчины. На правой руке у него красовался бронзовый орнаментированный пластинчатый браслет. В жестокой схватке, защищая самое дорогое — детей, мужчина был убит, вместе с ним погибли дети...

К востоку от развалин Десятинной церкви на месте, где тогда стоял каменный княжеский дворец, обнаружено огромное количество человеческих костяков обоих полов и разных возрастов, начиная с младенческого. Многие черепа оказались рассеченными и пробитыми, при некоторых скелетах находились кресты, а на руках нескольких детских костяков были надеты стеклянные браслеты.

Картину трагической участи, постигшей некогда процветающий город, нарисовал в стихотворении «Киев» Кондратий Федорович Рылеев:

Как все изменчиво, непрочно!
Когда-то роскошью восточной
В стране богатой он сиял,
Смотрелся в Днепр с берегов высоких,
Пришельцев чуждых привлекал.
На шумных торжищах звенели
Царьградским золотом купцы,
В садах, по улицам блестели
Великолепные дворцы...
...Но уж давно, давно не видно
Богатств и славы прежних дней,
Все Русь утратила постыдно
Дворцы, серебро, Врата Златые,
Толпы граждан, толпы детей,
Все стало жертвою Батыея..

Попутно скажем о том, что К. Ф. Рылеев — талантливый поэт, во многих произведениях которого нашли отражение важные события отечественной истории. Так, в цикле стихов «Думы» он касается самых разных исторических тем: «Олег Вещий», «Ольга при могиле Игоря», «Святослав», «Святополк», «Рогнеда», «Боян», «Дмитрий Донской», «Ермак» (стало народной песней), «Петр Великий» и др.

В конце пути

Последнее десятилетие жизни Владимира Святославича — это время борьбы, тревог и огорчений. Он мог бы сам о себе сказать языком псалмов: «Обступили меня тельцы тучные. Скопище злых обступило меня».

Обстановка в государстве осложнялась, владеть ситуацией становилось все труднее, хотя князь и продолжал упорно отстаивать свои права и принципы, подолгу не слезал с боевого коня, устремляясь в разные концы обширных русских земель усмирять непокорных или отражать вторжения иноземного врага. И надо заметить, что

только благодаря его энергичным усилиям до поры до времени в стране поддерживался некий единый порядок и сохранялось подчинение многочисленных городов и весей центральной власти. Но уже были налицо признаки назревающего кризиса, готового вылиться в междоусобные войны.

Так и не достиг Владимир согласия с церковниками. Бояре же киевские и удельные увидели в церкви свою опору и быстро нашли общий язык с митрополитом и епископами. Чтобы как-то ограничить, уменьшить влияние митрополита на дела государства, Владимир Святославич, как мы уже говорили, приравнял его к разряду городского боярства, выделив ему во владение один из городов второстепенной значимости. Но это не решило вопроса.

Положение Владимира Святославича все более осложнялось войной с поляками, которая велась с 981 года и была прервана лишь однажды по случаю женитьбы Святополка на католичке — дочери польского короля Болеслава. По заключении брака в Туров, где сидел наместником Святополк, король направил епископа Рейнберна в качестве духовника королевской дочери. Ему поручалось выполнить особое задание: подготовить заговор с целью устранения Владимира и занятия киевского престола Святополком. Вскоре Рейнберн сумел установить связи с боярской оппозицией и киевским духовенством, склонив на свою сторону и епископа Анастаса.

Узнав от верных людей о готовящемся против него заговоре, Владимир Святославич приказал схватить Святополка вместе с женой и ее «духовником» и посадить их в поруб.

После случившегося война на границе с Польшей возобновилась с еще большим ожесточением. Болеслав стал собирать крупные силы для вторжения на Русь и пытался заручиться военной поддержкой печенегов. Однако те, то

ли почуяв опасность усиления Польши, то ли вследствие вторжения в Нижнее Поднепровье половецких орд, отказались воевать с Русью и тем самым сорвали планы польского короля.

Спустя некоторое время Святополку удалось выйти из заточения, и он, по некоторым предположениям, нашел себе тайное прибежище в Вышгородском замке, где когда-то находилась резиденция княгини Ольги. Возможно, Владимир не стал его преследовать потому, что полагал: этот незадачливый заговорщик уже не может теперь ничем ему угрожать. Если это действительно так, то он глубоко заблуждался. Святополк, как показало будущее, не только не смирился с участью пасынка-изгоя, но еще яростнее включился в борьбу за овладение киевским столом, на который он претендовал как сын убиенного Ярополка, как законный наследник князя Святослава. Его сторону приняли виднейшие боярские фамилии, готовые посадить устраивавшего их претендента на место Владимира и совместно править в Киеве. Все это в конце концов привело к тому, что сразу же после смерти князя Святополк оказался на киевском столе, а Болеслав захватил червенские города, а затем и сам Киев, подвергнув его невиданному разграблению. Король захватил все сокровища киевских князей, а Анастаса назначил главным хранителем королевской казны. Возмущенный народ не мог дольше терпеть бесчинства иноземцев. Поднялось восстание, и началось избиение польских гарнизонов. Болеслав вынужден был спешно бежать в Польшу, прихватив награбленное. Вместе с ним подался в Краков и Анастас. Оценив ситуацию, Святополк принял сторону восставшего населения, сделавшись противником Болеслава. Он готовился убрать со своего пути главного противника — Ярослава. Но это ему не удалось.

Как мы уже отмечали, сообщения летописей о последних годах жизни Владимира Святославича чрезвычайно

скуны и ограничиваются краткими записями о кончине княжеских родственников. Таким образом, заключительный, более чем пятнадцатилетний период его деятельности остался «за кадром». А завершается рассказ о великом реформаторе описанием обстоятельств смерти и похорон князя.

Вне всякого сомнения, Нестор, как и другие летописцы, хорошо знал, что происходило в Киеве в тот период и что творилось в самом княжеском семействе. Возможно, он даже и включил в свою «Повесть» многие интересные подробности, но они были вымараны при составлении последующих летописных сводов, так как выставляли князя Владимира в невыгодном для его воспреемников свете. И все же постараемся по сохранившимся скудным сведениям проследить ход событий.

Крутые перемены в княжеском доме произошли в 1011 году, когда скончалась княгиня Анна. Об этом имеется краткая строка в летописи: «В год 6519. Преставися Царица Володимеряя Анна». Отчего умерла и каково ей приходилось в супружестве — о том нет ни слова. А ведь княгине ко дню смерти было немногим более сорока лет. Видимо, на ее долю выпало немало тяжелых испытаний. Долгие годы она жила почти в полном одиночестве в княжеском тереме на Старокиевской горе. Великий князь находился в постоянных отлучках, вызванных государственным делами, и лишь изредка появлялся на Горе. А после того как оба ее сына были определены наместниками в разные города, Анну реально уже ничего не связывало с Киевом. Ее отношения с Константинополем прервались окончательно из-за обострения разногласий Руси с империей и сближения князя с германским императором. Анну похоронили в Десятинной церкви, и упоминание о ней сохранилось в церковных святцах как о «благочестивой княгине киевской».

Не прошло и года, как Владимир Святославич обзавелся

новой женой, и эта его женитьба круто изменила жизнь в доме и отношение к нему окружающих, о чем и летописи, и жития намеренно умалчивают. А случилось то, чего никто от него не ожидал: новая киевская княгиня оказалась католичкой — немецкой графиней, внучкой императора Оттона I. Таким образом, миссия епископа Бруно и последующие посольства германского императора Генриха II повлияли на киевского князя. И, женившись на католичке, он сделал вызов не только боярской верхушке и православному духовенству, но и всем ближним своим, еще более осложнив свое положение.

Развязка наступила в конце 1014 года, когда Новгород, управляемый Ярославом, категорически отказался выплачивать Киеву ежегодную денежную дань. Это было равнозначно объявлению войны. Владимир Святославич немедленно начал готовиться к походу на Новгород, приказав «расчищать пути и мостить мосты», но неожиданно разболелся. Мог он, конечно, и заболеть, но слишком уж часто повторяет летописец слово «разболелся», словно оправдывая князя или утаивая причину его смерти, которая произошла вскоре после решения идти войной на Ярослава. Прочитаем внимательно это место из летописи:

«В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего, но бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем половцы пошли походом на Русь, Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер он в Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве».

Как стало известно впоследствии, вести о вторжении половцев, полученные Владимиром накануне своей смерти, явились ложными и, вероятно, намеренно выдуманы его врагами. Оказалось, что никакого нашествия половцев в это

время на Киев не было, выдумка понадобилась для того, чтобы как-то убрать Бориса из Берестова подальше от отца, отправив на реку Альту, где он позже и нашел свою смерть от подосланных Святополком убийц. Вместе с Борисом навстречу «половцам» отослали также княжеские дружины, и теперь Владимир остался без надежной охраны.

Читаем летопись дальше: «Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его (тело Владимира. — *В. Р.*) в ковер и спустили веревками на землю, затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил».

Как видим, погребение совершалось тайно, под покровом темной ночи. Князя поторопились похоронить в Десятинной церкви. По всей вероятности, о его смерти киевляне узнали не сразу, а некоторое время спустя, когда Святополк успел освоиться на великокняжеском столе и люди поняли, что Владимира Святославича уже нет в живых. «Узнав об этом, — пишет летописец, — сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе». Согласимся: такую характеристику не заслужил, пожалуй, никто из всей плеяды киевских князей. А вот как оценивает государя Руси его берестовский духовник Иларий в своей «Похвале князю Владимиру»: «То новый Константин великого Рима. Как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил так же. Если и обращался он прежде к скверной страсти, однако после усердствовал в покаянии, по слову апостола: «Где умножится грех, там преизобилует благодать». Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, став христианами, не воздаем ему почестей, равных его делу».

Что правда, то правда: сыновья и внуки «крестителя» не торопились воздавать своему предку ни почести, ни дани уважения. С годами приумножалось число святых русской

православной церкви, в их сонм зачислили и княгиню Ольгу, и братьев Бориса и Глеба, и многих других подвижников церкви, а о Владимире забыли. И только более двух столетий спустя о нем, наконец, вспомнил Александр Невский после победы над шведами на Неве, произошедшей 15 июля 1240 года, то есть в день кончины Владимира Святославича, и объявил его своим покровителем, учредив в честь славного предка церковный праздник, приуроченный к этой дате. Однако канонизация князя Владимира как «святого» и «равноапостольного» фактически не производилась, а признавалась лишь по традиции в связи с празднованием его дня. Вот как этот казус объясняет церковный историк Е. Голубинский в книге «История канонизации святых в Русской православной церкви», изданной в 1903 году: «Владимир скончался 15 июля 1015 года. Очень не скоро причислен был к лику святых формальным образом через установление празднования его памяти. Причиной сего было то, что мощи его не были прославлены от бога даром чудотворения».

Иначе говоря, никакой канонизации быть не могло, ибо Владимир до конца дней своих оставался неисправимым «язычником». Ссылаясь на жития святых, Е. Голубинский рассуждает: «Автор жития хотел сказать, что если бы русские люди в день преставления его совершали его поминовение, то Бог по молитвам их прославил бы его даром чудотворения и тогда он был бы причислен к лику святых». И здесь содержится недвусмысленный намек на то, что церковь слишком долгое время не могла простить князю все его прегрешения перед нею, какие у него были и до «крещения», и после него.

Исторический казус с канонизацией Владимира Святославича привлекал внимание и Н. М. Карамзина, который почел за истину называть князя Великим, а не Святым. В главе IX тома I его «Истории государства Российского» мы находим весьма примечательное резюме об итогах

жизни и месте Владимира в отечественной истории: «Сей князь, названный церковью Равноапостольным, заслужил в истории имя Великого. Истинное ли уверение в святые христианства или, как повествует знаменитый арабский историк XIII века, одно честолюбие и желание быть в родственном союзе с государями византийскими решило его креститься? известно богу, а не людям. Довольно, что Владимир, приняв веру спасителя, освятился ею в сердце своем и стал иным человеком. Был в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и — что всего ужаснее — братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах христианства, боялся уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества. Главное право его на вечную славу и благодарность потомства состоит, конечно, в том, что он поставил россиян на путь истинной веры, но имя Великого принадлежит ему и за дела государственные».

Как видим, Н. М. Карамзину Владимир Святославич импонирует более как исторический герой, мирские дела и подвиги которого перевешивают его прегрешения перед человеческой совестью.

«Сей князь, похитив единовластие, — продолжает историк, — благоразумным и счастливым для народа правлением загладил вину свою: выслав мятежных варваров из России, употребив лучших из них в ее пользу, смирил бунты своих данников, отражал набеги хищных соседей, победил сильного Мечислава и славный храбростию народ ятвяжский, расширил пределы государства на западе, мужеством дружины свои утвердил венец на слабой голове восточных императоров, старался просветить Россию, населил пустыни, основал новые города, любил советоваться с мудрыми боярами о полезных уставах земских, завел училища и призывал из Греции не только иереев, но и художников, наконец, был нежным отцом народа бедного. Горестию последних минут своих он заплатил за важную

ошибку в политике, за назначение особенных уделов для сыновей».

О назначении «уделов особенных для сыновей» Владимира можно судить по-всякому, но само по себе это является неизбежным фактором развивающегося русского, как, впрочем, и иного, феодализма. Ту же ошибку повторяют и Ярослав Мудрый, и Владимир Мономах, пытавшиеся подчинить эти «особенные уделы» власти одного из своих сыновей, посаженного на киевском столе. Здесь важно отметить то, что Владимир основал и политически оформил первое Русское государство, положившее начало новой феодальной эпохи, подобно тому, как это произошло в Западной Европе при Карле Великом. Но империя Карла Великого распалась сразу же после его смерти на множество феодальных государств, а держава Владимира просуществовала почти целое столетие.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Если вам случится посетить Киев и осматривать исторический заповедник Киево-Печерской лавры, вы получите возможность ознакомиться и с церковью Спаса на Берестове, в которой был похоронен основатель Москвы Юрий Долгорукий. Надо лишь выйти за ворота лавры и, следуя указателям, пройти по довольно глухому закоулку, минуя невысокие жилые строения. Скоро взору предстанет свежерествавренное здание церкви. Особого впечатления она не производит, так как вид ее окрестностей, да и качество самой реставрации далеки от тех, какими должны быть. Здесь во времена Владимира стоял Берестовский замок, который находился скорее всего на месте двухэтажного жилого дома.

Довольно высокая земляная гряда создает ощущение отъединенности этого уголка от внешнего мира. Насыпь возвели по приказу Петра I в связи с подготовкой к войне с Карлом XII. Теперь она вся в густых зарослях акаций и ивняка и закрывает обзор прилегающей местности. А ведь раньше, когда насыпи не было и стоял здесь высокий княжеский терем, в котором подолгу жила после Владимира и Ярослав, и Всеволод Ярославич, и Владимир Мономах, отсюда открывался сказочный вид.

Можно себе представить, как на этом месте в июльские дни 1015 года Владимир Святославич лихорадочно готовился к походу на Север, рассылая гонцов в города и крепости с приказом собирать новые полки, расчищать пути и

мостить мосты. Отсюда же он отправил сына Бориса с дружинами на юг отразить набег половцев. И вот князь остался один. А где-то поблизости, у самых стен его замка, рыскали соглядатаи и изменники. Ждали своего часа...

...Из глубины веков доносится до нас голос сподвижника Владимира Святославича — священника Илариона, который скорбит об усопшем:

«Встань, благородный муж, из своего гроба! Встань, отряси сон, потому что ты не умер, а только спишь до общего всех пробуждения!

Встань, ведь ты не умер, потому что ты и не мог умереть, веруя во Христа, всего мира жизни. Отряси сон, возведи очи, чтобы видеть, какой чести господь сподобил тебя на небе и какую славу по тебе создал среди сыновей твоих.

Встань, взгляни на дитя свое Георгия, взгляни на свой собственный отпрыск, взгляни на своего милого, на того, кого господь создал из твоей плоти и крови, взгляни на украшающего престол твоей земли и возрадуйся и возвеселись. Посмотри также и на благоверную сноху твою Ирину, на внуков твоих и правнуков, как они живут, как хранит их господь, как хорошо исповедуют веру, тобой завещанную, как часто они посещают святые церкви, как славят Христа и поклоняются его имени.

Взгляни, наконец, и на город, величеством сияющий, на церкви цветущие, на христианство растущее, взгляни на город, святыми иконами освящаемый, блистающий, овеваемый благоуханным темьяном, хвалами и божественным пением оглашаемый...»

Весь 2000-летний период истории нашей страны, начиная с восточных славян, следует рассматривать в контексте исторического развития мировой цивилизации, как феномен, обусловленный особыми или уникальными обстоятельствами, которые определили место Русского государства среди других народов.

Эти особые обстоятельства заключались в том, что Русь,

занимая срединное географическое положение и располагаясь на великой равнине между империями Азии и Европы, восприняла и творчески переработала не только культуру античного мира, культуру стран Востока, но и множество сопредельных культур различных племен и народностей Восточной Европы, Скандинавии, финских и тюркских племен Поволжья и Причерноморья. Благодаря этому Русь создала особую, многообразную, неповторимую, с присущими только ей чертами и признаками культуру, или то, что нашим поэтом Ф. И. Тютчевым названо «особой статью»: «Умом России не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить».

И эта «особенная статья» позволила русскому народу пройти великий исторический путь, преодолев такие преграды, пережив такие испытания, каких не выпадало на долю ни одного другого народа мира.

И теперь, за далью времен в тысячу лет, вникая в слова вдохновенной речи Илариона или сказания Нестора-летописца, проникнутые горячей любовью к Отечеству, мы постигаем не только умом, но и сердцем свою духовную связь с той эпохой, так глубоко выраженную словами древнерусского писателя: «...и тысяча лет, как день един». И ведь как это верно! Каждому из нас необходимо стремиться к тому, чтобы постоянно ощущать и осмысливать сопричастность судьбам своего народа, его истории, памятникам старины, памяти предков. «...И тысяча лет, как день един» делают нас теми, чем мы должны быть — неотъемлемыми в добрых деяниях на счастье и благо людей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

К читателю 8

1

Обращаясь к летописям 17

Откуда, Русь, твое название? 26

Славяне и их предки 36

О религии древних славян 49

2

Последний поход и гибель Святослава 65

Ярополк на киевском престоле 73

Внук Ярилы выступает против Ярополка 80

В начале державного пути 90

3

О пантеоне Владимира 103

Христиане и язычники в Киеве 110

Легенда о «выборе веры» 114

Осада и взятие Корсуни 126

Владимир, названный Василием, возвращается в
Киев 145

4

О том, как Владимир утверждал православие . . . 154

Крещение новгородцев «огнем и мечом» 164

5

Владимир открывает книжное обучение	172
Киев Владимира Святославича	178
Усваивание евангельских истин	189
Эпизод войны с печенегами	193
Бруно-Бонифаций в гостях у Владимира	200

6

В Берестовском замке	204
Се аз и дети...	210
В конце пути	226
Послесловие	235

**Владимир Александрович
Руднев**

*СЛОВО
О КНЯЗЕ
ВЛАДИМИРЕ*

Редактор В. Н. Шмельков
Художественный редактор Б. Н. Юдкин
Технические редакторы Т. С. Маринина, И. И. Павлова
Корректор Э. З. Сергеева

ИБ № 5163

Сдано в набор 23.11.88. Подп. в печать 24.03.89. А05053. Формат 70×108/32.
Бумага типогр. № 1 (на вкл.— офсетная). Гарнитура обыкновенная новая.
Печать высокая. Усл. п. л. 11,2 (в т. ч. вкл.— 0,7). Усл. кр.-отт. 11,55.
Уч.-изд. л. 11,31 (в т. ч. вкл. 0,7). Тираж 50 000 экз. Заказ 1371. Цена 60 к.
Изд. инд. НА-120.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Москов-
ской области, ул. им. Тевосяна, 25.

СЛОВО О КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ

«И сказал Владимир: «Нехорошо, что мало городов около Киева». И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от словен, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей и ими населил города...»

Из «Повести временных лет»

· Советская Россия ·